

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023 Том 6 № 8

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Станис Дарья Владимировна
кандидат экономических наук,
доцент РУДН, Москва,
Российская Федерация,
dariona@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Майтдинова Гюзель Майтдиновна
доктор исторических наук, профессор
РТСУ, Душанбе, Республика
Таджикистан
guzel-maitdinova@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Енокян Артем Вачаганович
к.и.н., старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
yenoqyan.artiom@mail.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), заведующий отделом, Ближнего и Постсоветского Востока, главный редактор журнала «Ближний и Постсоветский Восток», Москва, Российская Федерация

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Арчана Упадхай, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Губайдулина Мара Шаукатовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, директор Центра германских исследований, Казахского национального университета НУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, профессор департамента международных отношений факультет мировой экономики и мировой политики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – исследовательский университет (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Майтдинова Гузель Майтдиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-таджикского славянского университета (РТСУ), директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской академии архитектуры и строительства, Душанбе, Республика Таджикистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (У)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Пархитъко Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник Российской Федерации Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследования Университета Уппсала, Швеция

Томанн Пьер-Эммануэль, доктор философии по геополитике, Президент Eurocontinent (Брюссель, Бельгия), доцент Университета Лион III, университета Жана Мулена (Лион), профессор геополитики в ISSEP (Лион), Французская Республика

Федорченко Сергей Николаевич, доктор политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»; главный редактор «Журнала политических исследований» Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Журнал включен в список ВАК РФ от 22 октября 2021 г.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривосточных процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2023 г., следующий:

№ 1 2023	Номер не тематический	до 10.01.2023 г.
№ 2 2023	Молдова в мировой политике и международных отношениях	до 10.02.2023 г.
№ 3 2023	Номер не тематический	до 10.03.2023 г.
№ 4 2023	Прибалтийские государства в региональных процессах	до 10.04.2023 г.
№ 5 2023	Номер не тематический	до 15.05.2023 г.
№ 6 2023	Деятельность зарубежных НПО/НКО на постсоветском пространстве	до 15.09.2023 г.
№ 7 2023	Номер не тематический	до 15.10.2023 г.
№ 8 2023	Таджикистан в мировой политике и международных отношениях	до 15.11.2023 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2023 VOLUME 6 No. 8

<http://> <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev

Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Daria V. Stanis

PhD in Economy, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
dariona@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Guzel M. Maitdinova

Doctor in History, Professor,
RTSU University,
Tashkent, Republic of Tajikistan,
guzel-maitdinova@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Artyom V. Yenoqyan

PhD in History, Senior Lecturer
RUDN University,
Moscow, Russia,
yenoqyan.artiom@mail.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Archana Upadhyay, PhD in Political Sciences, Professor, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Avatkov Vladimir Alekseevich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Head of the Department, Middle and Post-Soviet East, Chief Editor of the journal "Near and Post-Soviet East", Moscow, Russian Federation

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education National Research University Higher School of Economics – Research University (HSE), Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Dean of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law for Scientific Work of the Moscow State Regional University (MSOU); Editor-in-Chief of the "Journal of Political Studies" Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Leading Researcher at the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the Russian State University, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of Comparative Political Science, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maitdinova Guzel Maitdinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy (RTSU), Director of the Centre for Geopolitical Studies of the RTSU, Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Construction, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economics, Professor of the MFI Department of the University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan, Dean of the Faculty of Practical Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Wolde Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Thomann Pierre-Emmanuel, PhD in Geopolitics, President of Eurocontinent (Brussels, Belgium), Associate Professor at Lyon III University, Jean Moulin University (Lyon), Professor of Geopolitics at ISSEP (Lyon), French Republic

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

The journal is included in the list of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation of October 22, 2021.

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

The official website of the magazine: <https://www.postussr.org>

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2023 will deal with the following issues:

№ 1 2024	The magazine issue is not thematic	until 10.01.2024
№ 2 2024	Moldova in world politics and international relations	until 10.02.2024
№ 3 2024	The magazine issue is not thematic	until 10.03.2024
№ 4 2024	Baltic states in regional processes	until 10.04.2024
№ 5 2024	The magazine issue is not thematic	until 10.05.2024
№ 6 2024	Activities of foreign NGOs/NPOs in the post-Soviet space	until 10.09.2024
№ 7 2024	The magazine issue is not thematic	until 10.10.2024
№ 8 2024	Tajikistan in world politics and international relations	until 10.11.2024

Manuscript submission rules are posted on the journal website. <https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Манышев С.Б. Начальный этап Карабахского конфликта в отражении постановлений центральных органов власти.....845

Маркосян А.А. Феномен дипломатии топонимов в современном мире: ономастика как политический инструмент (на примере Республики Арцах)852

Гузаеров Р. И. Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023 гг...860

Ибрагимов А.Г. Основные направления политики Ирана в отношении Азербайджанской Республики в постсоветский период.....871

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Харитонов Н.И. Актуальная повестка для ЕАЭС.....880

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Дерико И.С. Источник угроз международной безопасности на постсоветском пространстве: «цветные» и гибридные революции.....890

Атаева А.О., Баранова А.Е., Найдёнова А.О. Сравнительный анализ террористической активности на постсоветском пространстве на примере Таджикистана и Узбекистана.....903

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Камкин А.К., Сигачёв М.И. Концепты суверенитета и суверенизма в контексте развития этих явлений. На примере российского и европейского кейсов.....919

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

Власов Е.Е., Дмитриева М.О. Основные направления деятельности государств-членов СНГ в сфере молодежной политики.....930

ПРОБА ПЕРА

Калмык Д.В., Фаткулина М.Р. Взгляд аналитических центров Персидского залива на внешнюю политику России.....938

Contents

SOUTH CAUCASUS

Manyshev S.B. The initial stage of the Karabakh conflict in the reflection of the decisions of the central authorities845

Markosyan A.A. The Phenomenon of Toponymic Diplomacy in the Modern World: Onomastics as a Political Tool (on the example of Republic of Artsakh)..... 852

Guzaerov R.I. Evolution of Turkish-Azerbaijani relations from 1991 to 2023.....860

Ibrahimov A.G. Main directions of Iran's policy with regard to Republic of Azerbaijan in the post-soviet period871

EURASIAN INTEGRATION

Kharitonova N.I. Current agenda for the EAEU880

SECURITY THREATS IN THE POST-SOVIET SPACE

Deriko I.S. The source of threats to international security in the post-Soviet space: «color» and hybrid revolutions890

Ataeva A.O., Baranova A.E., Naidonova A.O. Comparative Analysis of Terrorist Activity in Post-Soviet Countries: The Case of Tajikistan and Uzbekistan903

POINT OF VIEW

Kamkin A.K., Sigatschyov M.I. Sovereignty and sovereigntism concepts in context of their development. Based on example of European and Russian cases.....919

YOUTH POLICY

Vlasov E.E., Dmitrieva M.O. The main activities of the CIS member states in the field of youth policy930

FIRST STEPS

Kalmyk D.V., Fatkulina M.R. View of think tanks of the Persian Gulf on Russian foreign policy938

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ / SOUTH CAUCASUS

Научная статья / Research article

Начальный этап Карабахского конфликта в отражении постановлений центральных органов власти

С. Б. Манышев

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>, e-mail: msergey1990@gmail.com*

Аннотация. Распад Советского Союза привел к обострению межнациональных проблем в стране. Особенно рельефно этот процесс проявился на Кавказе. Одной из таких точек стала территория Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. Населенный преимущественно армянским населением, этот регион при поддержке Армянской ССР стал активно выступать за изменение территориальных границ союзных республик. Лидеры армянского движения настаивали на том, что они реализуют ленинские принципы национальной политики, основанные на самоопределении. С другой стороны, правительство Азербайджанской ССР декларировало приверженность конституционным принципам, не допуская подобного решения проблемы. В это время центральные власти фактически отказались вмешиваться в назревающий конфликт, ограничиваясь лишь заявлениями о необходимости соблюдения законности. Все это вылилось в обоюдные погромы на территории Армении и Азербайджана и привело к созданию непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. Вместе с тем процесс демократизации в стране привел к тому, что проблемы в области национальных отношений перестали замалчиваться и информация о них стала публиковаться в прессе. В статье предпринята попытка проанализировать позицию центральной власти на основе постановлений и указов центрального правительства. Делается вывод о том, что предпринимавшихся мер по решению конфликта было недостаточно, что в итоге привело к Первой Карабахской войне, результатом которой стал неопределенный статус Нагорного Карабаха, что в свою очередь завершилось очередными боевыми столкновениями осени 2020 г., которая существенно изменила расстановку сил на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, конфликт, Армения, Азербайджан.

Для цитирования: Манышев С. Б. Начальный этап Карабахского конфликта в отражении постановлений центральных органов власти. // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):845-851.

The initial stage of the Karabakh conflict in the reflection of the decisions of the central authorities

Sergey B. Manyshev

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>, e-mail: msergey1990@gmail.com*

Abstract. The collapse of the Soviet Union led to the aggravation of interethnic problems in the country. This process was especially evident in the Caucasus. One of these points was the territory of the Nagorno-Karabakh Autonomous Region of the Azerbaijan SSR. Populated mainly by the Armenian population, this region, with the support of the Armenian SSR, began to actively advocate for changing the territorial boundaries of the union republics. The leaders of the Armenian movement insisted that they were implementing the Leninist principles of national politics based on self-determination. On the other hand, the government of the Azerbaijan SSR declared adherence to constitutional principles that did not allow such a solution to the problem. At this time, the central

authorities refused to intervene in the brewing conflict, limiting themselves only to statements about the need to respect the rule of law. All this resulted in mutual pogroms on the territory of Armenia and Azerbaijan and led to the creation of the unrecognized Nagorno-Karabakh Republic. At the same time, the process of democratization in the country led to the fact that problems in the field of ethnic relations were no longer hushed up and information about them began to be published in the press. The article attempts to analyze the position of the central government based on decisions and decrees of the central government. It is concluded that the measures taken to resolve the conflict were not enough, which eventually led to the First Karabakh War, which resulted in the indefinite status of Nagorno-Karabakh, which in turn ended in another military clashes in the fall of 2020, which significantly changed the balance of power in South Caucasus.

Keywords: Nagorno-Karabakh, conflict, Armenia, Azerbaijan

For citation: Sergey B. Manyshev. The initial stage of the Karabakh conflict in the reflection of the decisions of the central authorities. // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023; 8(6): 845-851. (In Russ.)

Введение

Международные проблемы, вскрывшиеся на излете советской эпохи, по сей день оказывают влияние на политическое развитие целого ряда государств. Одной из «горячих точек» конца 1980-х гг. стала территория Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР, где с февраля 1988 г. армянское население начало серию демонстраций за воссоединение с Армянской ССР [Распад СССР... 2006: 48–49]. И если азербайджанская сторона заявляла о необходимости территориальной целостности, которая была закреплена в Конституции, то армяне требовали восстановления своего права на самоопределение, в соответствии с ленинскими принципами национальной политики [Ваал 2014: 26–28].

В генезисе конфликта большую роль сыграло обращение обеих сторон к историческому прошлому: и Армения, и Азербайджан ссылались на партийные решения первых лет советской власти. Однако сама проблема лежала гораздо глубже, и может быть отнесена к имперскому наследию и последовавшему распаду Российской империи, приведшей к появлению первых государств-наций [Маркедонов 2022: 124].

Первая, острая, стадия конфликта завершилась в мае 1994 г. вступлением в силу Соглашения о бессрочном прекращении огня в Нагорном Карабахе [Нагорный Карабах... 2008: 745–746]. Фактически это была победа

карабахских армян, поддержанных вооруженными силами Армении. На протяжении 25-летнего «перемирия» предлагался целый ряд мер по разрешению сложившейся между двумя государствами ситуации. В частности, в 2007 г. Минская группа представила план мирного урегулирования, а в 2010 г. к нему был добавлен пункт об определении статуса Нагорного Карабаха путем референдума. Но принятие этого плана было сорвано [Арбатова 2019: 96]. Проблемы карабахского урегулирования на протяжении длительного времени оставались в поле зрения политиков и ученых, которые предлагали те или иные пути выхода из сложившейся ситуации [Курьлев 2016: 488–489; Гасанова 2018: 219–222; Андропова 2019: 70–85]. И, если еще несколько лет назад карабахский конфликт относился к числу «замороженных», то события осени 2020 г. существенно изменили расстановку сил в регионе [Муханов 2021: 128–138; Крылов 2023: 140–151].

В этой связи не теряет своей актуальности обращение к тем мерам, которые предпринимало еще советское правительство для ликвидации этого очага напряженности на территории Южного Кавказа.

События февраля 1988 г. в Нагорном Карабахе стали для членов Политбюро полной неожиданностью, так как протестующих поддержал один из органов Советской власти – Совет народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области [Ваал 2014: 30].

Карабахский конфликт: взгляд центральной власти

Первое официальное постановление Президиума Верховного Совета СССР относительно событий в Нагорном Карабахе появилось в марте 1988 г. В нем констатировался факт того, что сложившаяся ситуация наносит ущерб укреплению дружбы народов, а также указывалось на недопустимость решения сложных национально-территориальных споров путем давления на органы государственной власти. При этом «традиционно» отмечалось, что Советы народных депутатов Азербайджанской ССР и Армянской ССР должны улучшить политическую и воспитательную работу в свете решений партии. Кроме того, рекомендовалось органам власти обеих республик обеспечить меры по укреплению законности и порядка, а также защиты интересов граждан, независимо от их национальной принадлежности¹. В целом за общими фразами трудно было рассмотреть какие бы то ни было особенности назревшего конфликта, конкретные пути его решения, практические рекомендации и шаги.

В дальнейшем все постановления о Нагорном Карабахе строились вокруг нескольких сюжетов: вопроса о положении в республиках, о мерах по нормализации обстановки в регионе, а также о его территориальном статусе.

Партийные органы признавали, что на протяжении длительного времени проблемы армянского населения Нагорного Карабаха оставались без должного внимания и накапливались. Это касалось, прежде всего, сферы культуры, образования и кадровой политики. «Нарушались конституционные права автономной области», – констатировалось в постановлении

Президиума Верховного Совета СССР. Как констатировали уже в этот период советские ученые, именно социально-экономические, языковые и национально-культурные противоречия местного населения с руководством как автономной области, так и Азербайджанской ССР, привели к эскалации конфликта [Ямсков 1991: 165–166]. Но на официальном уровне продолжали декларироваться расширение сотрудничества между автономной областью и Армянской ССР. Предлагалось создание особой комиссии Совета Национальностей, на которую возлагались обязанности по выработке предложений для их внесения в Президиум Верховного Совета СССР².

Кризис во взаимоотношениях между Армянской ССР и Азербайджанской ССР выражался и в увольнении с руководящих должностей по национальному признаку, которое достигло таких размахов, что ЦК КПСС требовал от республиканских компартий пресечь нарушения конституционных прав граждан и привлечь к ответственности партийных работников, допустивших проявления национализма³. Отмечалось попустительство со стороны должностных лиц и правоохранительных органов в отношении «экстремистски настроенных групп», в результате деятельности которых жители обеих республик были вынуждены покинуть места своего жительства⁴. Стоит заметить, что согласно переписи 1989 г. на территории Армянской ССР азербайджанское население составляло 2,57 %, а в Азербайджанской ССР армяне составляли 5,56 %. Сокращение иноэтничного населения за 10 лет, прошедших между переписями, оказалось значительным, если в 1979 г. в Армении проживал 160841 азербайджанец, то уже в 1989 г. – 84860. Данные по Азербайджану

¹ Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О мерах, связанных с обращениями союзных республик по поводу событий в Нагорном Карабахе, а Азербайджанской и Армянской ССР» // Правда. 1988. № 84 (25436). С. 5.

² Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О решениях Верховных Советов Армянской ССР и Азербайджанской ССР по вопросу о Нагорном Карабахе» // Правда. 1988. № 202 (25554). С. 1.

³ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 декабря 1988 года «О грубейших

нарушениях конституционных прав граждан в Азербайджанской ССР и Армянской ССР» // Правда. 1988. № 341 (25693). С. 1.

⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 декабря 1988 года «О недопустимых действиях отдельных должностных лиц и органов Азербайджанской ССР и Армянской ССР, вынуждающих граждан покидать постоянные места проживания» // Правда. 1988. № 342 (25694). С. 1.

также говорят о сокращении армянского населения между переписями: в 1979 г. – 475486 армян, а в 1989 г. – 390505 [Численность и состав... 1984: 126, 134]¹.

Обострение обстановки в кавказском регионе заставило центральные органы постоянно держать на контроле вопросы развития межнациональных отношений. Но разрешение сложившейся ситуации, как правило, не шло дальше заявлений о необходимости нормализации обстановки и принятия обращений к гражданам Азербайджанской ССР и Армянской ССР, в которых предлагалось «проявить мудрость и выдержку»². Для решения этих проблем Идеологическим отделом ЦК был разработан перечень мероприятия, которые, по мнению Политбюро, должны были стабилизировать обстановку. Предполагалось организовать серию выступлений в периодической печати по вопросам межнациональных отношений со строгим контролем их содержания, между двумя союзными республиками необходимо было наладить обмен телесюжетами и организовать «обмен блоками стабилизирующих обстановку информации» по линии ТАСС. Вместе с тем предлагалось усилить службу главлита Азербайджанской ССР и Армянской ССР и ввести цензуру [Распад СССР... 2016: 224–225].

Это вынудило местные партийные органы принять обращение к гражданам, опубликованное в местной печати, а затем воспроизведенное в «Правде». Оно акцентировало основное внимание на землетрясении, произошедшем на территории Армении в декабре 1988 г., которое фактически привело к гуманитарной катастрофе. В документе отмечалось, что на протяжении длительного времени армянский и азербайджанский народы жили бок о бок, разделяя радость и горе. Констатировалось, что несмотря на трагические события и гибель людей в результате стихийного

бедствия, находятся люди, призывающие к «национальной розни, вражде». В результате чего миграция армян из Азербайджана и азербайджанцев из Армении «приобрела огромные размеры». Местные коммунисты призывали сплотиться на основе идей интернационализма и оказывать посильную помощь пострадавшим от землетрясения³.

Главным вопросом как для руководства Азербайджана, так и для Армении стал статус автономной области. Со ссылкой на Конституцию СССР отмечалась невозможность изменения административно-территориального деления республик и передачи Нагорно-Карабахской автономной области в состав Армянской ССР без согласия Азербайджанской ССР. Поскольку Верховный Совет Азербайджанской ССР отвергал такое развитие событий, то осуществить подобное не представлялось возможным [Распад СССР... 2006: 66–67].

Неблагоприятное как для Центра, так и для республик развитие событий привело к тому, что в начале 1989 г. в Нагорно-Карабахской автономной области была введена особая система управления. Сохранялся статус автономии в составе Азербайджанской ССР, но при этом создавался Комитет особого управления под руководством депутата Верховного Совета СССР А.И. Вольского. Тем самым приостанавливались полномочия Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области до проведения новых выборов.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР Комитет подчинялся непосредственно органам государственной власти СССР и перенимал в полном объеме полномочия распущенного Совета народных депутатов. В сферу его влияния включалось управление всеми предприятиями области, а также в его ведении находились вопросы культуры,

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения 20.08.2023).

² Постановление Верховного Совета СССР «По запросу группы депутатов о положении в Нагорно-

Карабахской автономной области и вокруг нее» // Правда. 1988. № 337 (25689). С. 2.

³ Обращение ЦК компартий Азербайджана и Армении, Президиумов Верховных Советов и Советов Министров Азербайджанской ССР и Армянской ССР к гражданам, покинувшим постоянные места проживания // Правда. 1989. № 5 (25723). С. 2.

образования и здравоохранения. Кроме того, за Комитетом закреплялось право приостановки деятельности Советов народных депутатов всех уровней и организация выборов в последние. Предполагалось, что этот орган также будет осуществлять контроль над неформальными общественными объединениями граждан, деятельность которых противоречила законодательству¹.

Спустя 10 месяцев, к концу ноября 1989 г. деятельность Комитета была приостановлена, так как во многом он не оправдал возлагавшихся на него надежд: например, со стороны Азербайджанской ССР ввели блокада автомобильного и железнодорожного сообщения с автономной областью.

К концу осени 1989 г. возник республиканский оргкомитет по восстановлению деятельности Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области 20-го созыва. Признавалась необходимость восстановления органов государственной власти с учетом соблюдения представительства граждан армянской и азербайджанской национальностей пропорционально их численности. Кроме того, Верховному Совету Азербайджанской ССР рекомендовалось обеспечить в кратчайшие сроки меры по обеспечению реальной автономии и принять специальный закон о статусе Нагорного Карабаха, который гарантировал бы полноправное развитие региона.²

Как показала практика, республиканские государственные органы к концу 1989 г. уже были готовы идти на прямую конфронтацию с Москвой. Решения Верховного Совета СССР фактически блокировались постановлениями местных Верховных Советов. Так, в Армянской ССР с подачи Национального Совета Нагорного Карабаха провозглашалось воссоединение республики

с областью и даже был принят план социально-экономического развития последней. В связи с этим Москва считала необходимым заявить о том, что подобные решения являются неконституционными, а все законодательства союзных республик должно полностью соответствовать основному закону страны³.

Самой крайней мерой центрального правительства стало введение в середине января 1990 г. в Нагорно-Карабахской автономной области чрезвычайного положения. Попустительство местных партийных органов привело к эскалации конфликта, росту национализма и экстремизма. Причем такое положение наблюдалось и в крупных городах, как Баку и Гянджа, где были предприняты попытки по вооруженному захвату власти. Введение чрезвычайного положения сопровождалось целым рядом ограничений: органам государственной власти было предоставлено право запрета митингов, шествий и демонстраций, приостановки деятельности, а также роспуска объединений граждан, введения комендантского часа и паспортного контроля. ограничение движения транспортных средства. Кроме того, фактически вводилась цензура: было поставлено под абсолютный контроль использование множительной и копировальной техники, а также устанавливался особый надзор над радио- и телепередающей аппаратурой. Поддержание порядка и выполнение описанных выше мероприятий возлагалось на внутренние войска МВД и армейские части, которые, кроме того, должны были осуществлять охрану коммуникаций и железных дорог [Распад СССР... 2006: 162].

Заключение

Партийные документы, а также постановления органов государственной власти, принятые в 1988–1991 гг. в отношении Нагорного Карабаха, ярко

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении особой формы управления в Нагорно-Карабахской области Азербайджанской ССР» // Правда. 1989. № 15 (25733). С. 1.

² Постановление Верховного Совета СССР «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской

автономной области» // Правда. 1989. № 333 (26051). С. 1.

³ Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О несоответствии Конституции СССР актов по Нагорному Карабаху, принятых Верховным Советом Армянской ССР 1 декабря 1989 года и 9 января 1990 года» // Правда. 1990. № 11 (26094). С. 1.

иллюстрируют отсутствие четкой линии в отношении автономии. Советские органы впервые столкнулись с таким размахом межнациональной напряженности, но при этом пытались решить назревшие вопросы политическим, а не силовым путем. Но

распад целостной государственной структуры не позволил этого сделать, а набиравшие скорость и размах центробежные тенденции лишь усугубили конфликт, приведя к его эскалации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андропова А.Р., Шаравина А.Д.* Роль международных межправительственных организаций в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе: Сборник научных статей / Под ред. К.П. Курылева. М.: РУДН, 2019. С. 70–85.
- Арбатова Н.К.* Три измерения постсоветских «замороженных» конфликтов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 88–100.
- Ваал де Т.* Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / Перевод с англ. О. Алякринского. М.: Текст, 2005. 413 с.
- Гасанова А.А.* Роль России в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1. № 2. С. 219–222.
- Крылов А.Б.* Карабахский узел кавказской политики // *Россия и новые государства Евразии*. 2023. № 1. С. 140–151.
- Курылев К.П., Нгоян А.Л., Паласиос Э.К., Скудина О.В.* Неурегулированные конфликты на постсоветском пространстве в анализе западных экспертно-аналитических центров // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 3. С. 482–493.
- Маркедонов С.М.* Трансформация армяно-азербайджанского конфликта: исторический опыт и современное состояние // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 12. С. 120–130.
- Муханов В.М., Скаков А.Ю.* Нагорный Карабах – 2020: последствия войны и перспективы поствоенного урегулирования // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 6. С. 128–138.
- Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарии. Т. I / Сост., отв. ред., авт. вступ. ст. и коммент Ю.Г. Барсегов. М.: КРУГЪ, 2008. 944 с.*
- Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). Т. II: Архивные документы и материалы / Сост. С.М. Попова, А.А. Яник. М.: Кучково поле, 2016. 824 с.*
- Распад СССР. Документы / Сост. А.В. Шубин. М.: ИВИ РАН, 2006. 286 с.*
- Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1984. 366 с.*
- Ямсков А.Н.* Нагорный Карабах: анализ причин и путей решения межнационального конфликта // *Национальные процессы в СССР / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 1991. С. 165–186.*

REFERENCES

- Andronova A.R., Sharavina A.D.* Rol' mezhdunarodnykh mezhpriavitel'stvennykh organizatsii v uregulirovanii konflikta v Nagornom Karabakhe // 30-letie konflikta v Nagornom Karabakhe: Sbornik nauchnykh statei / Pod red. K.P. Kuryleva. M.: RUDN, 2019. S. 70–85.
- Arbatova N.K.* Tri izmereniya postsovetskikh «zamorozhennykh» konfliktov // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. T. 63. № 5. S. 88–100.
- Chislennost' i sostav naseleniya SSSR: Po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979 g. Statisticheskii sbornik. M.: Finansy i statistika, 1984. 366 s.*
- Gasanova A.A.* Rol' Rossii v uregulirovanii konflikta v Nagornom Karabakhe // *Postsovetskie issledovaniya*. 2018. T. 1. № 2. S. 219–222.
- Krylov A.B.* Karabakhskii uzal kavkazskoi politiki // *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2023. № 1. S. 140–151.

- Kurylev K.P., Ngoyan A.L., Palasios E.K., Skudina O.V.* Neuregulirovannye konflikty na postsovetском prostranstve v analize zapadnykh ekspertno-analiticheskikh tseŋtrov // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. T. 16. № 3. S. 482–493.
- Markedonov S.M.* Transformatsiya armyano-azerbaidzhanskogo konflikta: istoricheskii opyt i sovremennoe sostoyanie // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 66. № 12. S. 120–130.
- Mukhanov V.M., Skakov A.Yu.* Nagornyi Karabakh – 2020: posledstviya voiny i perspektivy postvoennogo uregulirovaniya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 65. № 6. S. 128–138.
- Nagornyi Karabakh v mezhdunarodnom prave i mirovoi politike. Dokumenty i kommentarii. T. I / Sost., otv. red., avt. vstup. st. i komment Yu.G. Barsegov. M.: KRUG"", 2008. 944 s.
- Raspad SSSR: Dokumenty i fakty (1986–1992 gg.). T. II: Arkhivnye dokumenty i materialy / Sost. S.M. Popova, A.A. Yanik. M.: Kuchkovo pole, 2016. 824 s.
- Raspad SSSR. Dokumenty / Sost. A.V. Shubin. M.: IVI RAN, 2006. 286 s.
- Vaal de T.* Chernyi sad. Armeniya i Azerbaidzhan mezhdum mirom i voinoi / Perevod s angl. O. Alyakrinskogo. M.: Tekst, 2005. 413 s.
- Yamskov A.N.* Nagornyi Karabakh: analiz prichin i putei resheniya mezhnatsional'nogo konflikta // Natsional'nye protsessy v SSSR / Otv. red. M.N. Guboglo. M.: Nauka, 1991. S. 165–186.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манышев Сергей Борисович, к.и.н., старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия, E-mail: msergey1990@gmail.com

Sergey B. Manyshev, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, E-mail: msergey1990@gmail.com

Феномен дипломатии топонимов в современном мире: ономастика как политический инструмент (на примере Республики Арцах)

А. А. Маркосян

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9421-4078>, e-mail: st079523@student.spbu.ru

Аннотация. исследование нацелено на изучение феномена дипломатии топонимов – инструмента неправительственной дипломатии, который позволяет, используя те или иные топонимы, отражать политическую позицию и определять дискурсивную силу. Актуальность работы связана с меняющейся политической конъюнктурой на международной арене и необходимостью оперативно реагировать на любые сигналы, которые могут иметь стратегическое значение в более глобальном контексте. Представляется важным более подробное изучение поставленного вопроса, особенно учитывая немалое количество нерешенных до сегодняшнего дня территориальных споров. Вопрос использования сигналов-топонимов в политико-дипломатической сфере ранее не изучался, что повышает значимость работы и интерес к проблематике. В работе использован системный подход, а также общенаучные методы анализа и синтеза. Автор приходит к выводу о том, что благодаря топонимике не только представители научной среды могут более глубоко изучать геополитические цели и интересы стран, но и представители политических и дипломатических структур. Работа может представлять интерес как для научного и профессионального сообщества, так и для всех заинтересованных в более подробном ознакомлении с проблематикой.

Ключевые слова: дипломатия топонимов, Республика Арцах, территориальные претензии, неправительственная дипломатия, Армения, Азербайджан.

Для цитирования: Маркосян А. А. Феномен дипломатии топонимов в современном мире: ономастика как политический инструмент (на примере Республики Арцах) // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):852-859.

The Phenomenon of Toponymic Diplomacy in the Modern World: Onomastics as a Political Tool (on the example of Republic of Artsakh)

Ani A. Markosyan

St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9421-4078>, email: st079523@student.spbu.ru

Abstract. the study is aimed at studying the phenomenon of diplomacy of toponyms - a tool of non-governmental diplomacy, which allows, using certain toponyms, to reflect a political position and determine discursive power. The relevance of the work is related to the changing political situation in the international arena and the need to respond quickly to any signals that may be of strategic importance in a more global context. It seems important to study the question in more detail, especially considering the considerable number of territorial disputes that have not been resolved to date. The issue of the use of toponymic signals in the political and diplomatic sphere has not been previously studied, which increases the significance of the work and interest in the issue. The work uses a systematic approach, as well as general scientific methods of analysis and synthesis. The author comes to the conclusion that thanks to toponymy, not only representatives of the scientific community can more deeply study the geopolitical goals and interests of countries, but also representatives of political and diplomatic structures. The work may be of interest both to the scientific and professional community, and to all those interested in a more detailed acquaintance with the issue.

Keywords: diplomacy of toponyms, Republic of Artsakh, territorial claims, non-governmental diplomacy, Armenia, Azerbaijan.

For citation: Ani A. Markosyan The Phenomenon of Toponymic Diplomacy in the Modern World: Onomastics as a Political Tool (on the example of Republic of Artsakh) // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023; 8(6):852-859. (In Russ.)

Неправительственная (внеинституциональная) дипломатия, использующая неправительственные ресурсы для достижения государственных целей или представления своих геополитических интересов, обретает все большее значение в международных отношениях.

Цифровая дипломатия [Цветкова 2020], дипломатия больших данных [Цветкова, Кузнецов], спортивная дипломатия [Наумов 2017], дипломатия мечетей [Маркосян 2023] и многие другие термины, все чаще возникающие в научном дискурсе, характеризуют меняющиеся инструменты реализации национальных интересов. Представляется, что не только определенная деятельность, но и используемая терминология может отражать сигналы и также являться неявным инструментом дипломатии.

Прежде всего необходимо разобраться в терминологии: ономастика – это раздел языкознания, изучающий любые собственные имена, историю их возникновения и трансформации в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием из других языков. В свою очередь топонимика – это раздел ономастики, изучающий географические названия (топонимы), их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние, написание и произношение.

Предмет политической ономастики раскрывался в работах ряда исследователей. Так, например, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН в своем труде [Карпюк 2003] поднимает вопрос политической ономастики, однако особое внимание уделяет афинским именам и их распространением в политических кругах и среди представителей разных классов.

В исследовании доктора филологии, ассистента департамента бизнес-

коммуникации Венского экономического университета [Хоффманн 2008] особое значение уделено именам политических событий, входящих в периферию онимии. Автор утверждает, что они обладают как особенностями имен собственных, так и признаками апеллятивов – имен нарицательных. Однако и в данной работе большее значение уделено лингвистическим аспектам политических имен.

Наиболее интересным в контексте изучения поставленного вопроса представляются работы О. А. Ткаченко. В своих исследованиях [Ткаченко 2021; Ткаченко 2022] автор использует понятие «политоним», отражающее имя общественно-политической организации, политической партии, союза и других общественных объединений, фигурирующих в сфере общественно-политической коммуникаций и введенное в оборот в начале XXI века [Максимчук 2002].

Рассматривая политонимы как важный инструмент формирования эффективной политической коммуникации, О. А. Ткаченко отмечает, что названия партий, становясь неким политическим брендом, выполняют имиджевую функцию. Именно благодаря имени – его выбору и/или изменению – партии могут создавать определенный образ, менять его и оставаться в рамках соответствия постоянно меняющимся политическим трендам.

Кроме того, в исследовании [Роговцов 2001] утверждается, что политонимы оказывают непосредственное влияние на политическую и общественную жизнь в определенной стране, формируя массовое сознание общества. И действительно, в политическом дискурсе как ономастика, так и топонимика могут выполнять функции идеологически нагруженных знаков [Иссерс 2014], однако вопрос о том, какие сигналы могут передаваться используемыми топонимами участниками мировых

политических процессов, остается не изученным по сей день.

По этой причине представляется важным исследование ономастики в контексте взаимосвязи используемых топонимов с теми значениями и, которые они несут или могут нести в более глобальном политико-дипломатическом контексте. Под понятием «дипломатия топонимов» понимается использование топонимики для неявной демонстрации политических интересов, геополитических целей и иных государственных стремлений.

Нередко в политическом дискурсе стран используются те или иные названия городов или регионов, которые имеют и отличные от привычного для граждан этой страны имя, например, Фолклендские острова – как их называют британцы – в Аргентине именуется Мальвинскими [Мартыненко, Ильина, Куприянова 2019]. Причина образования различных наименований кроется в историческом значении и традиционно-культурных связях, которые имеют выбранные топонимы. Лишь те названия, которые более понятны населению, будут активнее им использоваться, а любые другие варианты будут восприниматься как чужие и не соответствующие особенностям территориального образования.

В результате грузино-абхазского конфликта и провозглашения независимости последним, был изменен ряд наименований на территории современной Республики Абхазия. В рамках проведенного исследования [Кварчия 2006] был составлен историко-этимологический словарь топонимов Абхазии, в котором представлена абхазская топонимика с учетом лексико-географических аспектов. Также в научно-исследовательской среде представлены работы, посвященные топонимике Крыма [Картавая 2017], Иерусалима [Занозина 2022] и других отдельно взятых геополитических единиц.

По варианту топонима, который более распространен и чаще используется среди представителей научного и политического

сообщества, можно судить о дискурсивной силе – качестве дискурса, определяющее возможности и средства воздействия и/или взаимодействия с адресатом, которые имеют значимость для контроля общественного сознания [Серебренникова 2015] – и о том, кто определяет дискурс. Все чаще топонимы рассматриваются в качестве неких дипломатических сигналов, отражающих политическую позицию.

Проблема определения корректных топонимов встречается практически во всех примерах территориальных споров и непризнанная Республика Арцах (Нагорный Карабах) – не исключение. Как свидетельствует Конституция Республики: «Названия Республика Арцах и Нагорно-Карабахская Республика тождественны»¹, однако важно отметить, что первое название более древнее, (упоминается примерно в V веке) и имеет армянские корни [Ованнисян 2022], тогда как второе происходит от тюркского или персидского и появляется в дискурсе примерно в XIV в. Интересно также посмотреть на значения, которые несут указанные топонимы.

По некоторым данным, Арцах происходит от имени армянского князя Арана Сисакяна и слова "цах" - сад, т.е Арцах - сад Ара. Самая распространенная на данный момент научная версия гласит: в основе этого слова лежит армянский корень арц, идущий от индоевропейского *hargʷ- (яркий, светлый). Обычно яркими/белыми древние индоевропейцы называли все земли, лежащие по правую сторону от центра своих стран. В том время, как "черными" или темными именовались земли по левую сторону. Таким образом, название «Арцах» может переводиться как яркий или белый.

В свою очередь, Карабах часто переводят как кара (черный на тюркском) + бах (сад на фарси). Иранские лингвисты считают, что Карабах имеет значение «большой сад». Так, «кара» идет от слова kaleh или kala, что на иранских языках значит большой. Также существует вероятность того, что «кара» является показателем множественности, что составляет значение «множество садов».

¹ Конституция Республики Арцах 1991 года. URL: <https://www.nkr.am/ru/constitution-of-Artsakh>

Есть также версия, что Бах идет от названия армянской местности Бахк, где существовало Сюникское (Бахкское) царство, т.е. Карабах - Большой Бахк.

На сегодняшний день более популярным и известным названием остается вариант «Нагорный Карабах», хотя многие армянские исследователи постепенно вводят в оборот и «Арцах». Интересно, что использование армянского топонима официальным представителем МИД России, М. Захаровой в 2021 г.¹, а также, например, использование этого топонима в телеэфире иранского государственного телеканала², привлекло особое внимание армянского сообщества.

Говоря о телевидении, отметим его особое значение как во внутренней, так и во внешней культурно-политической среде. Телевидение способно незаметно влиять на восприятие человеком окружающей действительности и формировать установки и мнения о социальном мире [Акимова 2017]. То есть, оно создает информационную действительность для жителей страны, в которой функционирует, но кроме того, телевидение является одним из информационных источников для международных партнеров.

В этой связи возникло понятие для нового феномена – теледипломатия – новая дипломатическая парадигма, развитие которой связано с высокоскоростной информационной составляющей жизни мирового сообщества, совершенствованием коммуникационных технологий [Орлова 2003]. Кроме того, свою роль здесь играет и «эффект CNN» – способность глобальных СМИ оказывать влияние на принятие политических решений [Быков 2017].

¹ Туризм для Арцаха сейчас не главное: Захарова о приоритетных задачах в Карабахе// Спутник, 26.02.2021г. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20210226/Turizm-dlya-Artsakha-seychas-ne-glavnoe-Zakharova-o-prioritetnykh-zadachakh-v-Karabakhe-26602877.html?ysclid=lkvjpyozjq947201139>

² На иранском государственном телевидении прозвучало название Арцах// Arevelk Strategic Analytics Center, 27.12.2022г. URL: <https://arevelkcenter.com/headlines/на-иранском-государственном-телевид>

Возвращаясь к теме топонимов, обратим особое внимание на то, что в 2016 г. в рамках конституционной реформы было принято решение об официальном переименовании Нагорно-Карабахской Республики в Республику Арцах³. Последнее представляет собой историческое название, а потому имеет особое значение для местного населения. О важности использования корректного топонима говорит директор Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона им. В. Б. Арцруни, старший научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, кандидат философских наук Виктор Надеин-Раевский: «Дружественные Арцаху страны и народы, конечно, начнут использовать название Арцах. Это название будут использовать также и страны-сопредседатели Минской группы ОБСЕ, в том числе и Россия. Для начала будет непривычно, но со временем все привыкнут»⁴.

Интересно, что В. Надеин-Раевский отмечает, что название «Арцах» будут в первую очередь использовать дружественные страны и народы, тем самым демонстрируя свое уважительное отношение к истории арцахцев и их решению.

Стоит обратить внимание на события, происходящие на фоне продолжающейся более полугода блокады Арцаха, установкой Азербайджаном контрольно-пропускного пункта и неожиданной для многих готовностью Н. Пашиняна признать историческую землю Армении с армянским населением частью Азербайджана.

Так, на общественном телевидении Армении в июле 2023 года в прогнозе погоды Министерства окружающей среды был

³ Нагорный Карабах официально станет Арцахом// Спутник, 09.11.2016г. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20161109/Karabakh-Artsakh-spiker-pereimenovanie-5423667.html?ysclid=lkvk8fond080030264>

⁴ Российский историк: Арцах-историческое название Нагорного Карабаха// Русарминфо, 07.11.2016г. URL: <https://rusarminfo.ru/2016/11/07/rossijskij-istorik-arcax-istoricheskoe-nazvanie-nagornogo-karabaxa/?ysclid=lkvlrzy9pp750834147>

заменен термин «Арцах» на «Нагорный Карабах»¹. Отмечается, что ранее из армянского дискурса постепенно исчезло слово «Республика». В качестве аргумента изменению названия в дискурсе было обозначено, что «Нагорный Карабах» – более приемлемый в международном плане термин², однако и «Арцах», несмотря на невысокую популярность, давно получил свое место в политическом и научном дискурсе среди тех, кто интересуется карабахским вопросом. В свою очередь на русскоязычной версии страницы «Новости» сайта Премьер-Министра в разделе «Визиты» появилась вкладка «Нагорно Карабах»³, название которой, вероятно всего, представляет собой транслитерацию англоязычной версии «Nagorno Karabakh» и не является корректным.

Представляется, что, заменив исторически более близкий для армяноязычной среды и армянского народа в принципе «Арцах» на топоним «Нагорный Карабах», действующие власти Армении подчеркивают приверженность договоренностям, достигнутым в Брюсселе. Именно там, по заявлению Н. Пашиняна, в ходе встречи с азербайджанским президентом И. Алиевым Баку признал территориальную целостность Армении, а Ереван – Азербайджана⁴, о чем Н. Пашинян последовательно сообщает народу, подчеркивая готовность признания Арцаха территорией Азербайджана.

Особый интерес также в данном контексте вызывает позиция Баку и сигналы,

которые передаются оттуда (в частности, посредством использования инструментов телевидения). Так, например, в информационном пространстве Азербайджана активно продвигается понятие «Западный Азербайджан»⁵, которое географически распространяется на всю территорию современной Армении. Была создана Община Западного Азербайджана⁶, которая активно продвигает свои интересы и все чаще заявляет о себе.

Президент Азербайджана И. Алиев заявил, что «древние азербайджанские районы и населенные пункты, расположенные на территории современной Армении, должны называться своими первоначальными именами»⁷, тем самым обозначив геополитические интересы, распространяющиеся за пределы когда-либо существовавших территориальных образований азербайджанцев на регионы традиционного поселения армян и, как мы увидим далее, иных народов. Постоянно подчеркиваемая им якобы «историческая принадлежность» ряда армянских городов и присвоение наследия Кавказской Албании лишь усиливает аннексионистские настроения Баку, вызывая все большую обеспокоенность среди армянского населения Армении и Арцаха.

Представляется, что введение в оборот азербайджанских топонимов и демонстрация соответствующих материалов не только дают понимание геополитических целей Баку, но и объясняют причины по которым несмотря на заявления Н. Пашиняна о

¹ Общественное телевидение Армении заменило Арцах Нагорным Карабахом - омбудсмен Арцаха // Verelq, 10.07.2023г. URL: <https://verelq.am/ru/node/129581>

² Министерство окружающей среды прокомментировало исчезновение названия «Арцах» из прогнозов погоды// Armenia Today, 01.06.2023г. URL: <https://armeniatoday.news/republicofartsakh-ru/628724/>

³ Визиты: Нагорно Карабах// Премьер-министр Республики Армения. URL: <https://www.primeminister.am/ru/Nagorno-Karabakh-visits/>

⁴ Пашинян отметил важность взаимного признания территорий Армении и Азербайджана // Известия, 18.05.2023г. URL: <https://iz.ru/1514789/2023-05-18/pashinian-otmetil-vazhnost-vzaimnogo-priznaniia-territorii-armenii-i-azerbaidzhana>

⁵ Baku pushes rights of "Western Azerbaijan" in negotiations with Yerevan// Eurasianet, 29.03.2023. URL: <https://eurasianet.org/baku-pushes-rights-of-western-azerbaijan-in-negotiations-with-yerevan>

⁶ Община Западного Азербайджана: Эксперты Совета ООН по правам человека превысили свой мандат// First News Media, 08.08.2023г. URL: <https://1news.az/news/20230808094031602-Obshcina-Zapadnogo-Azerbaidzhana-Eksperty-Soveta-OON-po-pravam-cheloveka-prevysili-svoi-mandat>

⁷ President Aliyev: Ancient Azerbaijani Settlements in Present-day Armenia Should Be Called by Original Names// Caspian News, 23.08.2021г. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/president-aliyev-ancient-azerbaijani-settlements-in-present-day-armenia-should-be-called-by-original-names-2021-8-23-0/>

взаимном признании границ, И. Алиев все еще не признал территориальную целостность Армении публично¹.

Свои территориальные претензии Баку, как было отмечено выше, заявляет не только в адрес Армении и Арцаха, но и Ирана. В информационном поле стала появляться концепция так называемого «Южного Азербайджана» – с таким названием в апреле 2023 года была создана организация, нацеленная на «создание независимого «Южно-Азербайджанского» государства»² на территории современного Ирана. Учитывая, что сам топоним «Азербайджан» переводят с персидского, как «собирающий огонь» (азар — «огонь», бадаган — «собирающий») и связывают с древним культом поклонения огню [Поспелов Е. М., 2002], неудивительна и возможная схожесть остальной современной азербайджанской топонимики с иранской, что в дальнейшем может привести к возникновению новых территориальных претензий к Ирану.

В свою очередь в начале июля 2023 года в прогнозе погоды на бакинском телеканале армянские города были представлены как азербайджанские и, более того, были использованы азербайджанские топонимы³ (призыв к использованию которых был озвучен президентом в 2021 году). Месяцем позже, несмотря на официальные заявления об отсутствии территориальных претензий к Армении⁴, подкрепляя отправленные телевидением в июле сигналы, в поддержку продвигаемой аннексионистской инициативе на азербайджанском государственном телевидении был показан 35-минутный «фильм», в котором территория современной Армении была представлена как Азербайджанская. В ответ на это пресс-секретарь армянского МИД Ани

Бадалян обвинила государственное ТВ Азербайджана в посягательстве на суверенитет армянской республики⁵.

Проблема также касается и отдельных наименований в регионе. Так, например, широко используемой в политическом и научном дискурсе термин «Лачинский коридор» – азербайджанский, тогда как армянским вариантом будет «Бердзорский коридор» или как его часто называют сегодня армянские исследователи «трасса Горис-Степанакерт», подчеркивая, что дорога не является транс-/межгосударственной. Данный термин встречается крайне редко, как в международном, так и даже в армянском дискурсе. Топоним «лачинский» используется и на армянских картах (мне не удалось найти карту на армянском или русском языке, где коридор имел бы название «бердзорский», однако в материалах СМИ и аналитических работах название иногда фигурирует, но как правило в скобках указывается «лачинский»).

Так, использование определенного топонима может не только являться результатом исторической традиции, но и нести определенное идеологическое значение. Выбранные топонимы, особенно в контексте территориальных конфликтов, способны отражать дипломатические сигналы той или иной стороне, и их важно учитывать, как в научной, так и политической сфере. Нередко именно использованный топоним помогает расшифровать геополитические цели и интересы страны, а также понять причины тех или иных действий (или целенаправленных бездействий) государственных лидеров.

¹ Секретарь Совета безопасности: Алиев не говорит, что Азербайджан признает 29 800 кв. км территории Армении// News.am, 30.05.2023. URL: <https://news.am/rus/news/762853.html>

² Создана организация «Южного Азербайджана», призванная расшатать государственность Ирана// NEWS.am, 27.04.2023г. URL: <https://news.am/rus/news/757065.html>

³ Бакинское телевидение покусилось на территорию Армении прогнозом погоды// EADaily, 07.07.2023. URL: [https://eadaily.com/ru/news/2023/07/07/bakinskoe-](https://eadaily.com/ru/news/2023/07/07/bakinskoe-televidenie-pokusilos-na-territoriyu-armenii-prognozom-pogody)

[televidenie-pokusilos-na-territoriyu-armenii-prognozom-pogody](https://eadaily.com/ru/news/2023/07/07/bakinskoe-televidenie-pokusilos-na-territoriyu-armenii-prognozom-pogody)

⁴ Алиев заявил, что у Азербайджана нет территориальных претензий к Армении// ТАСС, 25.05.2023г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17844197?ysclid=ll2gwkau1f722955941>

⁵ Ереван обвинил азербайджанское ТВ в посягательстве на суверенитет Армении // РИА Новости, 06.08.2023г. URL: <https://ria.ru/20230806/armeniya-1888445580.html?ysclid=ll2cayn6wz141357115>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова И.А.* Роль телевидения в жизни человека //Манускрипт. 2017. №. 10-2 (84). С. 13-15.
- Быков Д.В.* «Эффект CNN» и его влияние на развитие мирового медийного пространства //Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2017. №. 1 (24). С. 22-28.
- Занозина А.В.* Трансформация топонимов Иерусалима и его окрестностей в 1940–1960 годы //Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. №. 4. С. 58-84.
- Иссерс О.С.* Политическая топонимика 2012: знаки текущего момента //Вестник Омского университета. 2014. №. 1 (71). С. 91-94.
- Карпюк С.Г.* Политическая ономастика классических Афин в надписях V–IV вв. до н.э.// Вестник древней истории 3 (246), 2003.
- Картавая Ю.К.* тические группы топонимов Крыма: особенности происхождения //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №. 1-1 (67). С. 121-126.
- Кварчия В.Е.* Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум. 2006, 328с.
- Максимчук Н.А.* Нормативно-научная картина мира русской личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: в 2 ч. Ч. 1/ Н.А. Максимчук. - Смоленск: СГПУ, 2002. - 184 с.
- Маркосян А.А.* «Дипломатия мечетей» Саудовской Аравии: есть ли место религии в XXI веке? //Via in tempore. История. Политология. 2023. Т. 50. №. 1. С. 277-285.
- Мартыненко И.А., Ильина А.Ю., Куприянова М.Е.* Топонимия Фолклендских островов сквозь призму территориальных споров //Политическая лингвистика. 2019. №. 2. С. 67-78.
- Наумов А.О.* Спортивная дипломатия как инструмент "мягкой силы". Мировая политика, 2017. № 4. С. 32-43. DOI:10.25136/2409-8671.2017.4.24852
- Орлова В.В.* Глобальные телесети новостей на информационном рынке //М.: Рип-холдинг. 2003. Т. 168.
- Поспелов Е.М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. М.: Издательство АСТ, 2002. 512 с.
- Роговцов Д.А.* Политонимы в структуре политической символики, БГУ, Минск. Электронный архив библиотеки МГУ им. А. А. Кулешова, 2001
- Серебренникова Е. Ф.* Фактор времени в динамике дискурса: способы "финализации" смысла // Человек. Язык. Время : Материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрелиной с международным участием, Москва, 16–18 сентября 2015 года. Москва: Московский городской педагогический университет, 2015. С. 330-334.
- Ткаченко О.А.* Ономастика политической сферы: наименования политических партий современной Германии : автореф. дис... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2021.
- Ткаченко О.А.* Политическая ономастика //Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2022. №. 1 (3). С. 18-27.
- Хоффманн Э.* Имена политических событий и их онимизация в средствах массовой информации //Вопросы ономастики. 2008.№1 (5). 2008. №. 1 (5). С. 90-104.
- Цветкова Н.А.* Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения //Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. №. 2. С. 37-47.
- Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М.* Феномен дипломатии больших данных в мировой политике //Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. №. 4-1. С. 27-44.

REFERENCES

- Akimova I.A.* Rol' televideniya v zhizni cheloveka //Manuskript. 2017. №. 10-2 (84). S. 13-15.
- Vykov D.V.* «Effekt CNN» i ego vliyanie na razvitie mirovogo medijnogo prostranstva //Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv. – 2017. №. 1 (24). S. 22-28.

- Zanozina A.V. Transformaciya toponimov Ierusalima i ego okrestnostej v 1940–1960 gody //Hristianstvo na Blizhnem Vostoke. 2022. T. 6. №. 4. S. 58-84.
- Issers O.S. Politicheskaya toponimika 2012: znaki tekushchego momenta //Vestnik Omskogo universiteta. 2014. №. 1 (71). S. 91-94.
- Karpyuk S.G. Politicheskaya onomastika klassicheskikh Afin v nadpisyah V–IV vv. do n.e.// Vestnik drevnej istorii 3 (246), 2003.
- Kartavaya Y.K. ticheskie gruppy toponimov Kryma: osobennosti proiskhozhdeniya //Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. №. 1-1 (67). S. 121-126.
- Kvarchiya V.E. Istoricheskaya i sovremennaya toponimiya Abhazii (Istoriko-etimologicheskoe issledovanie). Suhum. 2006, 328s.
- Maksimchuk N.A. Normativno-nauchnaya kartina mira russkoj lichnosti v kompleksnom lingvisticheskom rassmotrenii: v 2 ch. CH. 1/ N.A. Maksimchuk. - Smolensk: SGPU, 2002. - 184 s.
- Markosyan A. A. «Diplomatiya mechetej» Saudovskoj Aravii: est' li mesto religii v XXI veke? //Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2023. T. 50. №. 1. S. 277-285.
- Martynenko I.A., Il'ina A.YU., Kupriyanova M.E. Toponimiya Folklendskih ostrovov skvoz' prizmu territorial'nyh sporov //Politicheskaya lingvistika. 2019. №. 2. S. 67-78.
- Naumov A.O. Sportivnaya diplomatiya kak instrument "myagkoj sily". Mirovaya politika, 2017. № 4. С. 32-43. DOI:10.25136/2409-8671.2017.4.24852
- Orlova V.V. Global'nye teleseti novostej na informacionnom rynke //M.: Rip-holding. 2003. T. 168.
- Pospelov E.M. Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskij slovar'. M.: Izdatel'stvo АСТ, 2002. 512 s.
- Rogovcov D.A. Politonimy v strukture politicheskoj simboliki, BGU, Minsk. Elektronnyj arhiv biblioteki MGU im. A. A. Kuleshova, 2001
- Serebrennikova E. F. Faktor vremeni v dinamike diskursa: sposoby "finalizacii" smysla // CHelovek. YAzyk. Vremya : Materialy XVII konferencii SHkoly-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 16–18 sentyabrya 2015 goda. Moskva: Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet, 2015. S. 330-334.
- Tkachenko O.A. Onomastika politicheskoj sfery: naimenovaniya politicheskikh partij sovremennoj Germanii : avtoref. dis... kand. filol. nauk. Velikij Novgorod, 2021.
- Tkachenko O.A. Politicheskaya onomastika //Verba. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal. 2022. №. 1 (3). S. 18-27.
- Hoffmann E. Imena politicheskikh sobytij i ih onimizaciya v sredstvah massovoj informacii //Voprosy onomastiki. 2008.№ 1 (5). 2008. №. 1 (5). S. 90-104.
- Cvetkova N.A. Fenomen cifrovoj diplomatii v mezhdunarodnyh otnosheniyah i metodologiya ego izucheniya //Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. №. 2. S. 37-47.
- Cvetkova N.A., Kuznecov N.M. Fenomen diplomatii bol'shih dannyh v mirovoj politike //Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. №. 4-1. S. 27-44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Маркосян Ани, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, Санкт-Петербург, Email: st079523@student.spbu.ru.

Ani A. Markosyan, PhD student, School of International Relations, St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg, Email: st079523@student.spbu.ru.

Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023 гг.**Р. И. Гузаеров**

Отдел Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0006-9975>, e-mail: guzaerov99@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу турецко-азербайджанских отношений и их периодизации. Автор уделяет внимание основным этапам становления турецко-азербайджанских отношений, рассматривает ключевые события во взаимоотношениях Анкары и Баку. Особо отмечается превалирование экономических интересов на начальном этапе выстраивания отношений. Турция столкнулась с рядом проблем в ходе реализации своей стратегии на Южном Кавказе, что не позволило сразу углубить отношения с Азербайджаном. Приход к власти ПСР обусловил приоритетность европейского направления внешней политики, Азербайджан представлял интерес с точки зрения обеспечения энергетической и транспортной безопасности. Переосмысление и постепенное углубление турецко-азербайджанских отношений начинается с момента осознания Анкарой безуспешности других направлений внешнеполитической деятельности и необходимости расширения сотрудничества в области безопасности с Баку. Автором представлены основные соглашения между странами, сформировавших договорную базу двустороннего взаимодействия. Особое внимание уделено проблемам в развитии торговли между странами. Вторая карабахская война и Шушинская декларация представляются как начало нового этапа отношений, направленного на углубление сотрудничества. На современном этапе Турция и Азербайджан стремятся планомерно развивать отношения во всех сферах. Тандем стран открывает большие возможности для их становления энергетическим, логистическим, транспортным хабом. Действия стран направлены на дальнейшее углубление отношений.

Ключевые слова: Турция, Азербайджан, двусторонние отношения, Р.Т. Эрдоган, И. Алиев, Шушинская декларация, Анкара, Баку.

Для цитирования: Гузаеров Р. И. Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023 гг. // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):860-870.

Evolution of Turkish-Azerbaijani relations from 1991 to 2023**Razil I. Guzaerov**

Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0006-9975>, e-mail: guzaerov99@bk.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of Turkish-Azerbaijani relations and their periodization. The author pays attention to the main stages of the formation of Turkish-Azerbaijani relations, examines the key events in the relations between Ankara and Baku. The predominance of economic interests at the initial stage of building relations is particularly noted. Turkey faced a number of problems during the implementation of its strategy in the South Caucasus, which did not immediately allow deepening relations with Azerbaijan. The coming to power of the AKP determined the priority of the European direction of foreign policy, Azerbaijan was of interest from the point of view of ensuring energy and transport security. The rethinking and gradual deepening of Turkish-Azerbaijani relations begins from the moment Ankara realizes the failure of other areas of foreign policy and the need to expand security cooperation with Baku. The author presents the main agreements between the countries that have formed the contractual basis of bilateral cooperation. Special attention is paid to the problems in the development of trade between the countries. The Second Karabakh War and the Shusha Declaration are presented as the beginning of a new stage of

relations aimed at deepening cooperation. At the present stage, Turkey and Azerbaijan are striving to systematically develop relations in all spheres. The tandem of countries opens up great opportunities for their becoming an energy, logistics, and transport hub. The actions of the countries are aimed at further deepening relations.

Keywords: Turkey, Azerbaijan, bilateral relations, R.T. Erdogan, I. Aliyev, Shusha Declaration, Ankara, Baku.

For citation: Razil I. Guzaerov. Evolution of Turkish-Azerbaijani relations from 1991 to 2023. // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023; 8(6): 860-870. (In Russ.)

Распад Советского Союза был воспринят турецкой элитой в положительном ключе [Yarici 2015: 431–434]. Турция находилась в составе коалиции, которая действовала против СССР. Исчезновение одного из географически близких великих держав виделось в глазах турецких властей снижением уровня угроз для их страны. Более того, на постсоветском пространстве возник ряд новых государств, что расширяло пространство для активной турецкой дипломатии.

Особо выделялись 5 тюркских государств, в развитии отношений с которыми Турция могла стать ориентиром развития благодаря этнической и языковой близости стран. В данном контексте наиболее тесные отношения у Анкары сложились с Баку. Отношения стран начались с признания Турцией Азербайджана 9 декабря 1991 г., на следующий день после подписания Беловежских соглашений и обретения независимости Баку.

Турецко-азербайджанские отношения развивались на фоне столкновения в Нагорном Карабахе. Баку нуждался в союзнике, который оказал бы поддержку в период становления нового государства. Анкара последовательно начала выступать за территориальную целостность Азербайджана и осуждала действия Армении, параллельно блокировав сухопутную границу с ней [Маркедонов 2016: 6].

Зарождение турецко-азербайджанских отношений в 1990-е гг.

Уже в 1992 г. президент Азербайджана А. Муталибов совершил первый визит в Турцию, в ходе которого был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве [Ибрагимов 2011: 18]. Президент Азербайджана заявил, что «отношения с

Турцией будут стоять в основе внешней политики Азербайджана» [Sadik 2022: 237]. Особую любовь к Турции продемонстрировал А. Эльчибей, занимавший пост президента Азербайджана с июня 1992 г. по июнь 1993 г. В период его правления турецким компаниям и бизнесменам был представлен статус наибольшего благоприятствования. Президент не скрывал своих протурецких идей.

Однако А. Эльчибей просчитался в своих идеях, потому что Турция оказалась не готова к столь стремительным событиям в регионе и не смогла быстро среагировать и выработать новую политику по отношению к новым государствам и Азербайджану, в частности. «Романтичные» представления пантюркизма преобладали над прагматичным расчетом, что привело к смене власти в Азербайджане [Ибрагимов 2011: 18–19].

С приходом Г. Алиева к власти в Азербайджане турецкий вектор внешней политики не утратил силу. В 1994 г. стороны подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, помимо этого активизировались двусторонние контакты, отношения в области экономики, безопасности, энергетики. Так формировалась основа турецко-азербайджанских отношений. При этом отношения развивались не только в сферах политики, экономики и т.д. Активно развивалась идейно-ценностная база взаимодействия стран. Г. Алиев не раз подчеркивал, что «Турция и Азербайджан созданы одним народом» [Sadik 2022: 250]. В итоге это вылилось в слоган «Один народ, два государства», подчеркивающий этническую общность населения двух государств [Erarslan 2021: 319]. Всего Г. Алиев совершил порядка 20 визитов в

Турцию [Юматов 2020: 964–966], что также демонстрирует особый статус Анкары во внешнеполитическом планировании Баку.

Несмотря на интерес Турции к развитию своей политики на постсоветском пространстве (и интерес западных стран в этом) существовали определённые проблемы для успешной реализации данной стратегии. Во-первых, ошибочным было считать, что Анкара входила на Кавказ «как на ничейную территорию», где больше нет влияния России. Во-вторых, Турция не была подготовлена к проведению подобной политики ни организационно, ни идеологически, что в том числе выражалось в недостатке специалистов по региону. Более того, несмотря на амбиции Т. Озала, МИД Турции старался следовать взвешенной и осторожной политике в Закавказье [Коджаман 2004].

Приход к власти ПСР и отношения Турции и Азербайджана

В 2003 г. и в Турции, и в Азербайджане произошла смена руководства. В Турции к власти пришел Р.Т. Эрдоган, а в Азербайджане – И. Алиев. Во время первого визита в Турцию в 2004 г. И. Алиев встретился с А.Н. Сезером, президентом Турции. Стороны подписали совместное заявление, протоколы о сотрудничестве в области гражданской авиации и культуре и т.д.¹ В ходе своего выступления И. Алиев отметил, что считает «Турцию своей родиной» [Гасанов 2013: 755], что свидетельствовало о желании продолжить курс на сближение стран в духе девиза «один народ, два государства».

После этого произошел целый ряд визитов на высшем уровне: в 2006 г. в Азербайджан прибыла делегация во главе с президентом Турции, в этом же году И. Алиев посетил Турцию. В 2007 г. А. Гюль, президент Турции прибыл в Азербайджан, где провел переговоры с И. Алиевым и принял участие в бизнес-форуме Турция-Азербайджан. А в 2008 г. в Азербайджан приехал премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган, в ходе которого была предложена идея создания «Платформы стабильности и

сотрудничества на Кавказе» [Гасанов 2013: 756].

Однако действия турецкого руководства в этот период стали стресс-тестом для турецко-азербайджанских отношений. Следуя политике «ноль проблем с соседями», Анкара решила установить добрососедские отношения с Арменией. Однако вопрос нормализации турецко-армянских отношений изначально планировался к рассмотрению без привязки к конфликту в Нагорном Карабахе, что безусловно не могло не устроить Ереван [Юматов, Сивина 2020: 965–966].

Опасения партнера были поставлены Анкарой на второй план. С учетом того, что Турция стремилась вступить в ЕС и выполнит его условия, ей необходимо было продемонстрировать приверженность новому курсу развития страны.

Несмотря на политические разногласия между Анкарой и Баку, активно развивалось сотрудничество в энергетической сфере. В 2006 г. был открыт нефтепровод по маршруту Баку-Тбилиси-Джейхан. Вместе с этим также был подписан Меморандум о взаимопонимании, который предусматривал возможность развития проектов для реализации экспорта азербайджанского газа на турецкий и международные рынки [Ибрагимов, Агакишиева 2012: 152–153]. В 2007 г. был открыт газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, а позже страны достигли договоренностей о строительстве железной дороги по маршруту Баку-Тбилиси-Карс [Притчин 2022: 27–29].

Турция проявляла большой интерес к Азербайджану с точки зрения обеспечения энергетической и транспортной безопасности, реализации проектов в этой сфере и интеграции в западное политико-экономическое пространство. Азербайджану, в свою очередь, было важно выйти на мировой рынок, в чем ему и помогла Турция [Гасанов 2013: 406–407].

В Концепции национальной безопасности Турции от 2007 г. отмечается, что трубопровод БТД «превратил азербайджанскую нефть в важный фактор на

¹ Türkiye Cumhuriyeti ile Azerbaycan Cumhuriyeti arasında ortak bildiri // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. 2004. URL:

<https://www.tccb.gov.tr/basin-aciklamalari-ahmet-necdet-sezer/1720/6204/turkiye-cumhuriyeti-ile-azerbaycan-cumhuriyeti-arasinda-ortak-bildiri>

мировом рынке». Помимо этого отмечается особая роль Турции в реализации трансрегиональных экономических проектов¹. Все это свидетельствовало о том, что сотрудничество в энергетической сфере представляло особую важность для обеих сторон.

Подписание Анкарой и Ереваном в 2009 г. дорожной карты, предусматривающей широкий круг мероприятий для нормализации отношений, а затем и Цюрихских протоколов, среди которых «Протокол об установлении дипломатических отношений» и «Протокол о развитии двусторонних отношений» [Маркедонов 2012: 252] заметно осложнили политические отношения Турции и Азербайджана.

И. Алиев обращал внимание на то, что процесс турецко-армянской нормализации должен идти параллельно с разрешением карабахского конфликта. При этом азербайджанская позиция получила поддержку в турецком обществе благодаря особому отношению к «братскому» народу (от 80% до 90% турецких граждан считали Азербайджан самой дружественной страной) [Чернявский 2013: 283]. По итогу протоколы, подписанные Турцией и Арменией, не прошли ратификации в парламентах, что завершило процесс нормализации.

Турция под очарованием «западной мечты» не осознавала потенциала отношений с Азербайджаном или же хотела преуспеть во всех направлениях деятельности, пытаясь угодить каждой из сторон. После неудачного примирения с Арменией Турция пересмотрела свою политику.

Турецко-азербайджанская нормализация в 2010-е гг.

В августе 2010 г. президент Турции А. Гюль прибыл с официальным визитом в

Азербайджан². В ходе встречи было подписано 154 документа [Гасанов 2013: 757], среди которых был Договор о стратегическом сотрудничестве и взаимопомощи между Азербайджаном и Турцией³, который предполагал углубление отношений в военно-политической, экономической, гуманитарной областях.

Было объявлено о создании Совета стратегического партнерства «Азербайджан – Турция», который выступал в качестве механизма поддержания политического диалога [Bostacı 2018: 29]. По итогам встречи Р.Т. Эрдоган отметил, что создание Совета является «всеобъемлющим, всеохватывающим и самым важным шагом для будущего турецко-азербайджанских отношений»⁴.

Уже в 2014 г. Р.Т. Эрдоган в ходе своего визита в Баку подчеркнул, что турецко-азербайджанские отношения достигли уровня стратегического партнерства. Также он характеризовал страны исключительно как «братские» и «дружественные», чьи отношения направлены на развитие единства в сфере культуры, религии, языка и гуманитарных отношений.

Инцидент со сбитым российским истребителем Су-24 в ноябре 2015 г. в небе Сирии обернулся для Турции большими потерями и ухудшением отношения с Москвой. Баку в стремлении помочь партнеру упростил правила грузоперевозок через свою территорию, что позволило турецким перевозчикам увеличить перевозки в Центральную Азию через Каспийское море. Так, всего за январь-февраль 2016 г. перевозки грузовых автомобилей из Турции через Азербайджан увеличились в 7,3 раза⁵.

В октябре 2018 г. И. Алиев в ходе своего визита в Измир принял участие в церемонии открытия нефтеперерабатывающего завода Star, который был заложен еще в 2011 г.

¹ Azərbaycan Respublikasının milli təhlüksizlik konsepsiyası // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi. 2007. URL: <https://e-qanun.az/framework/13373>

² Azərbaycan Ziyareti // Abdullah Gül ve eşi Sayın Hayrünnisa Gül'ün şahsi internet sitesi. 2010. URL: <http://www.abdullahgul.gen.tr/aciklamalar/252/76940/azerbaycan-ziyareti.html>

³ Türkiye Cumhuriyeti ile Azerbaycan Cumhuriyeti arasında stratejik ortaklık ve karşılıklı yardım anlaşması //

Resmi Gazete. 2010. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/05/20110528M1-30-1.pdf>

⁴ Türkiye-Azerbaycan arasında önemli adım // CNN Türk. 2010. URL: <https://www.cnnturk.com/dunya/turkiye-azerbaycan-arasinda-onemli-adim>

⁵ Турция значительно увеличила транзит грузов в Центральную Азию через Азербайджан // Trend news agency. 2016. URL: <https://www.trend.az/business/economy/2504648.html>

Суммарные инвестиции в завод составили 6,3 млрд долл. Строительством объекта занимались SOCAR, национальная нефтяная компания Азербайджана, и турецкая Turcas. Более того, азербайджанский SOCAR стал крупнейшей иностранной компанией – инвестором, вложившим в турецкую экономику более 19 млрд долл.¹

Продолжением углубления энергетического сотрудничества стало расширение совместных газопроводов. В 2018 г. состоялось торжественное открытие Трансанатолийского газопровода (TANAP), учредителями которого стали азербайджанский SOCAR, на долю которого приходится 80%, и турецкие Botas и Türkiye Petrolleri AO. Газопровод обеспечивает поставку газа с месторождения «Шах Дениз» в Европу, проходя через территорию Грузии и Турции и соединяясь с Трансадриатическим газопроводом [Годжаева 2021: 125].

Данный газопровод стал частью Южного газотранспортного коридора, который должен обеспечить безопасные поставки энергоресурса в Европу. Так, Анкара и Баку совместными усилиями становятся важным энергетическим хабом, увеличивая свою роль для соседей.

При этом в рамках турецко-азербайджанских отношений Турция в большей мере выполняет именно роль хаба для азербайджанских нефтепродуктов. Так, из 26,3 млн тонн нефти, экспортированной из Азербайджана, на долю Турции пришлось лишь 768 тыс. тонн. Анкара находится на 11 строчке в списке экспортеров азербайджанской нефти². Из 22,3 млрд кубометров азербайджанского газа Турция получила 8,4 млрд кубометров (из которых 5,6 млрд кубометров прошла по газопроводу

TANAP), а в Европу было поставлено 11,4 млрд кубометров³.

События 2016 г. актуализировали сотрудничество стран в сфере безопасности. Четырехдневная война стала еще одной вехой развития карабахского вопроса. Анкара ограничилась публичными вызовами к восстановлению территориальной целостности Азербайджана и обещаниями прибегнуть к жестким мерам в случае атаки армянских ВС на Нахичевань.

В июле того же года произошла попытка переворота в Турции. Это нанесло ущерб международному авторитету, потому что послужило демонстрацией того, что внешние и внутренние угрозы для Анкары достигли своего пика [Yeşiltaş, Merve, Özçelik 2017: 18] и резко снизили военно-стратегические возможности Турции. Ситуация требовала того, что турецкие власти были вынуждены пересмотреть политику государства в области безопасности, в том числе в вопросе военно-технических отношений с другими государствами.

Результат данного переосмысления в отношении Азербайджана стал виден во время Второй карабахской войны. Отличительной чертой данной эскалацией от других в регионе стало усиление турецкого вовлечения в него. Во-первых, Азербайджан закупил у Турции военную технику, сыгравшую большую роль в азербайджанском наступлении. Например, бронетранспортёры, реактивную артиллерию, ракеты и т.д. Также в Азербайджан были поставлены БПЛА Bayraktar TB2 и управляемые ракеты MAM-L⁴. В целом 2020 г. стал рекордным с точки зрения закупок Баку оружия у Анкары, достигнув отметки в 256 млн долл.⁵

¹ Ильхам Алиев принял участие в церемонии открытия нефтеперерабатывающего завода Star // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. 2018. URL: <https://president.az/ru/articles/view/30374>

² Выручка Азербайджана в 2022г от экспорта нефти выросла почти в 1,5 раза // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. 2023. URL: <https://nangs.org/news/markets/oil/vyruchka-azerbajdzhana-v-2022g-ot-eksporta-nefti-vyroslo-pochti-v-1-5-raza>

³ Сколько газа добыл и экспортировал Азербайджан в 2022 году // Sputnik Азербайджан. – 2023. URL:

<https://az.sputniknews.ru/20230113/skolko-gaza-dobyl-i-eksportiroval-azerbaydzhan-v-2022-godu-450622421.html>

⁴ Arms transfers to conflict zones: The case of Nagorno-Karabakh // SIPRI. 2021. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2021/arms-transfers-conflict-zones-case-nagorno-karabakh> (дата обращения: 10.08.2023)

⁵ Türkiye'nin Azerbaycan'a silah ihracatı yüzde 600 arttı // Yeni Şafak. 2020. URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/turkiyenin->

Во-вторых, в 2017 г. между Турцией и Азербайджаном было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере оборонной промышленности¹, направленное на увеличение эффективности разработок, поставок, обслуживания и т.д. в данной сфере.

Более того, азербайджанские военные проходили обучение в Турции. Так, сообщается о том, что около 18 тыс. будущих офицеров и как минимум 8 тыс. действующих военнослужащих Азербайджана прошли обучение в Турции. Более того стали постоянными турецко-азербайджанские военные учения «Анатолийский феникс» и др. [Шумилов, Шумилов 2022: 322].

В-третьих, различные факты указывают на прямое участие турецких военных в конфликте. В данном случае речь идет о группировке турецких войск численностью 600 человек, которые остались на территории Азербайджана вместе с военной техникой и оборудованием для разведки². Более того, директор СВР С.Е. Нарышкин заявлял, что в зону конфликта были переброшены завербованные Турцией наемники из террористических организаций «Джабхат ан-Нусра», «Фиркат Хамза» и т.д.³

Одним из итогов Второй карабахской войны стало подписание между Турцией и Азербайджаном Шушинской декларации о союзнических отношениях⁴ в 2021 г. Стороны обозначили, что они будут предпринимать усилия для укрепления стабильности и безопасности региона в том числе через координацию политики

государств с помощью механизма двусторонних консультаций [Аватков 2022: 96-97].

Не осталась без внимания и военная сфера. Особое внимание уделяется сотрудничеству в военной сфере. В частности, стороны договорились предпринять все усилия, направленные на модернизацию вооруженных сил стран, проведение постоянных совместных учений, укрепление обороноспособности стран с помощью обмена личным составом и т.д. Уже в 2022 г. Ф. Салахов, начальник Высшей военной школы, сообщил, что азербайджанская армия перешла на турецкий формат, все обучение, программы, штатная структура уже переведены под турецкие стандарты⁵. Что самое интересное, в этом же году турецкий генерал-майор Э. Бахтияр был назначен советником министра обороны Азербайджана.

Считается, что Э. Бахтияр в должности начальника оперативного управления сухопутных войск Турции принимал участие в организации военных операций во время Второй карабахской войны⁶. Наметилась тенденция на то, что азербайджанская армия, постепенно выстраиваясь по турецкой модели, сможет перейти под управление турецкого Генштаба. Э. Бахтияр в данном случае с высокой долей вероятности выполняет функцию контроля за реформой армии Азербайджана и переводом ее под управление Турции. Турция довольно активно поддержала Баку и И. Алиева лично во время последней эскалации в Нагорном Карабахе, и усиление интеграции с Турцией

azerbaycana-silah-ihracati-yuzde-600-artti-3587900 (дата обращения: 10.08.2023)

¹ Türkiye Cumhuriyeti hükümeti ile Azerbaycan Cumhuriyeti hükümeti arasında savunma sanayi işbirliği anlaşması // Resmi gazete. 2017. URL: <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2021/04/20210406-2.pdf> (дата обращения: 15.08.2023)

² Черненко Е. Принуждение к конфликту // Коммерсантъ. 2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4537733?fbclid=%20IwAR0dr2FduKzqUadJ4_MOMQ2bYj0ivfSN6kclXdZNzfR8hLrOf8oU1w0hc4#id1960749 (дата обращения: 13.08.2023)

³ О ситуации вокруг Нагорного Карабаха // Служба внешней разведки РФ. 2020. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2020/10/o-situatsii-vokrug->

nagornogo-karabakha.htm) (дата обращения: 12.08.2023)

⁴ Azərbaycan Respublikası ilə Türkiyə Respublikası arasında müttəfiqlik münasibətləri haqqında Şuşa Bəyannaməsi // Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyev. 2021. URL: <https://president.az/az/articles/view/52122> (дата обращения: 12.08.2023)

⁵ Генерал: Азербайджанская армия полностью перешла на турецкий формат // Caliber.Az. 2022. URL: <https://caliber.az/post/111360/> (дата обращения: 11.08.2023)

⁶ 1290th PLENARY MEETING OF THE COUNCIL // Organization for Security and Co-operation in Europe. Permanent Council. 2020. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/d/d/472074_0.pdf (дата обращения: 15.08.2023)

возможно является главной ценой подобной поддержки. Так, армия в будущем станет ведущим институтом в процессе постепенной интеграции двух государств.

Также в Шушинской декларации особое внимание уделено экономическим отношениям. Так, стороны обозначают необходимость диверсификации национальных экономик и структуры экспорта, создания совместных производств в перспективных областях. Турция и Азербайджан особо отметили собственную роль в реализации Южного газового коридора и выразили намерения по активному участию в дальнейшем развитии проекта.

В целом экономическое взаимодействие стран не отличается большой интенсивностью. Турция инвестировала в Азербайджан около 12,5 млрд долл., а Азербайджан в Турцию 18 млрд долл.¹ В Азербайджане действует порядка 4000 турецких предприятий, деятельность которых с основным сосредоточена в сфере телекоммуникаций, банковского дела, торговли продуктами, транспортных услуг и т.д.

Для Азербайджана Турция стала вторым торговым партнером, на которого пришлось 11 % всего торгового оборота страны. А для Турции Азербайджан не входит в первую пятерку торговых партнеров². Основу турецкого импорта составляют алюминий и изделия из него (25% импорта на 2017 г.), пластик, хлопок, железо, бронзу и т.д. [Alpdoğan, Akal, Hasanov 2020: 24]. Азербайджан в свою очередь закупает у Турции котлы, механические устройства, оборудование для телекоммуникационных систем и т.д. В 2022 г. Азербайджан стал третьим торговым партнером по объему экспортированного природного газа, заняв 13,5% турецкого рынка³.

¹ Nicat Hacızadə: Türkiyə-Azərbaycan xarici ticarət dövriyyəsi sürətlə böyüyəcək // Trend News Agency. 2020. URL: <https://az.trend.az/business/3197755.html>

² Dış Ticaret İstatistikleri, Mart 2023 // Türkiye İstatistik kurumu. 2023. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Dis-Ticaret-Istatistikleri-Mart-2023-49623> (дата обращения: 13.08.2023)

³ Турция импортировала за год почти 9 млрд кубометров газа из Азербайджана // Вестник Кавказа.

В торговых отношениях Турции и Азербайджана существует ряд преград. В первую очередь это связано с отсутствием общей сухопутной границы, за исключением Нахичевани, которая сама отделена от основной части Азербайджана. Грузоперевозки через территорию соседних стран увеличивают расходы на доставку продукции и делают Турцию и Азербайджан зависимыми от третьих стран, что в конечном итоге делает эти товары малоконкурентными на рынке партнера [Alpdoğan, Akal, Hasanov 2020: 24–25].

Вторым ограничением выступают соглашения стран о таможенном союзе. Турция должна применять общие правила торговли ЕС по отношению к третьим странам, в том числе по отношению к Азербайджану. Азербайджан является участником Соглашения о свободной торговле со странами СНГ предоставляя им более выгодные условия для выхода на азербайджанский рынок. К тому же, в торговом балансе Азербайджана высокую долю занимает продажа нефти, и с ней же связана большая часть инвестиций в страну, что также создает препятствия на пути к расширению торгового оборота с Турцией, ввиду отсутствия предложения [Alpdoğan, Akal, Hasanov 2020: 26].

В апреле 2023 г. министр торговли Турции М. Муш и министр экономики Азербайджана М. Джаббаров подписали «Соглашение о льготной торговле между Турцией и Азербайджаном». Соглашение должно повысить двустороннюю торговлю еще на 150 млн долл., что станет дополнительным шагом к достижению отметки объема торговли в 15 млрд долл., которую обозначили как главную цель экономического сотрудничества стран главы Турции и Азербайджана⁴.

2023. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/turcia-importirovala-za-god-pocti-9-mlrd-kubometrov-gaza-iz-azerbajdzana.html> (дата обращения: 13.08.2023)

⁴ Türkiye-Azerbaycan Tercihli Ticaret Antlaşması İmzalandı // Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı. 2023. URL: <https://www.ticaret.gov.tr/haberler/turkiye-azerbaycan-tercihli-ticaret-antlasmasi-imzalandi> (дата обращения: 17.08.2023)

Значимый вес экономическим отношениям Турции и Азербайджана может добавить открытие транспортного маршрута из Нахичевани на основную территорию Азербайджана (т.н. Зангезурский коридор). В трехстороннем заявлении о прекращении огня от 10 ноября 2020 г. указан пункт, согласно которому путем согласования позиций сторон будет обеспечена транспортная коммуникация между Нахичеванью и западными частями Азербайджана¹. Так появился проект «Зангезурского коридора», который должен пройти через Сюникскую область Армении. Баку начала активно прокладывать коммуникации и дорожные сети к будущему коридору, однако Ереван не соглашается с экстерриториальным характером будущего транспортного маршрута, что становится причиной словесных перепалок руководства Азербайджана и Армении².

Для Турции коридор имеет потенциал в рамках ее политики на тюркском пространстве и облегчит доступ к тюркским государствам Средней Азии через Азербайджан и Каспийское море, в том числе позволит увеличить свою долю на рынках этих стран за счет удешевившегося транзита [Аватков, Сбитнева 2022: 12]. Более того, турецкие эксперты заявляют о том, что существует возможность подключения коридора к китайскому проекту «Один пояс – один путь», что позволит Турции и Азербайджану стать важным для Китая транспортным и логистическим хабом³. Также планируется строительство ветки газопровода через Зангезурский коридор, который не только закроет потребности Нахичеванской области, но и сможет

открыть возможности для транспортировки туркменского газа в Европу⁴.

Победа Р.Т. Эрдогана на президентских выборах ознаменуют продолжение стратегии развития страны. Повторение тезиса о том, что «Турция больше чем Турция»⁵ свидетельствует о желании турецких элит продолжать глобальную стратегию Турции, направленную на повышение роли страны в системе международных отношений. Визит в Азербайджан, который стал первой зарубежной поездкой Р.Т. Эрдогана, стало знаком, что Анкара продолжит предпринимать меры по развитию и углублению отношений до военно-политического союза.

Таким образом, историю турецко-азербайджанских отношений можно разделить на несколько этапов:

1) с 1991 по 2002 гг. – налаживание отношений, подготовка договорно-правовой базы отношений. Азербайджан, как новое государство, стремился наладить отношения с соседним государством, однако Турция не была готова к такому стремительному развитию отношений;

2) с 2002 по 2010 гг. – с приходом к власти Партия справедливости и развития стремилась проводить политику, направленную на нормализацию отношений со всеми соседями. В данный период отношения стран по большей части опирались на экономическое взаимодействие, а политический диалог вовсе к концу периода находился на низком уровне;

3) с 2010 по 2016 гг. – в данный период отношения стран в политической сфере нормализовались, но взаимодействие все

¹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Сайт Президента России. 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384>

² Армения назвала угрозой территориальной целостности слова Алиева о Зангезурском коридоре // Коммерсантъ. 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4782408> (дата обращения: 23.08.2023)

³ Рехимов Р., Кескин О. Зангезурский коридор обеспечит новое сообщение между Турцией и Азербайджаном // Anadolu Ajansı. – 2021. – URL:

<https://www.aa.com.tr/ru/мир/зангезурский-коридор-обеспечит-новое-сообщение-между-турцией-и-азербайджаном/2259451> (дата обращения: 17.08.2023)

⁴ Аманов А. Турик в начале «Зангезурского коридора» // Международная жизнь. 2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31882> (дата обращения: 23.08.2023)

⁵ Kabine Toplantısı'nın Ardından Yaptıkları Konuşma // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. 2023. URL: <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/147414/kabine-toplantisi-nin-ardindan-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 27.08.2023)

равно основывалось на основе экономических отношений. Фокус внимания Турции был смещен на Ближний Восток в связи с событиями «арабской весны» и дальнейшим развитием региона;

4) с 2016 по 2020 гг. – попытка переворота в Турции, 4-дневная война продемонстрировали хрупкость системы безопасности как вокруг Турции, так и внутри нее и необходимости большей координации между сторонами. Активизировалось военное сотрудничество;

5) с 2020 по н.в. – Вторая карабахская война стала одной из проверок итогов тесного сотрудничества стран, стороны преподносили победу как общую. Подписание Шушинской декларации наметило курс на более тесную интеграцию стран.

Довольно интересным выглядит оценка турецкими политологами последнего этапа турецко-азербайджанских отношений. Так, автор крупнейшего провластного турецкого think tank'a Фонда стратегических, экономических и общественных отношений (SETA) М. Юдже пишет, что победа Азербайджана в 44-дневной войне, которая состоялась благодаря сотрудничеству с Турцией, привела к формированию новых парадигм в глобальном масштабе, в западном мире, а также на тюркском пространстве. Результатом тесного сотрудничества стран и подписания Шушинской декларации стало то, что союз Турции и Азербайджана начал рассматриваться другими тюркскими государствами как пример для подражания в контексте разрешения проблем, которые появились после обретения независимости [Yüce 2022].

Стратегия Турции по отношению к Азербайджану прошла ряд перемен.

Эйфория, вызванная распадом СССР, не оправдалась. Анкара быстро осознала, что не готова и не имеет возможностей развивать столь активную политику в регионе. Интересы правящей элиты в первую очередь были сконцентрированы на Западе. Именно данный факт не позволял Турции в полной мере рассматривать потенциал отношений с новыми государствами постсоветского пространства, в том числе с Азербайджаном. И только проблемы на западном векторе внешней политики Анкары, а также на Ближнем Востоке стали стимулом для развития отношений с Азербайджаном. Азербайджан, в свою очередь, демонстрировал более прагматичную политику. Изначально Баку был настроен на развитие тесного экономического сотрудничества и предлагал множество проектов в данной сфере.

На современном этапе Турция и Азербайджан стремятся планомерно развивать отношения во всех сферах. Тандем стран открывает большие возможности для их становления энергетическим, логистическим, транспортным хабом, на что и направлены крупные экономические проекты между странами, когда Азербайджан выступает в роли источника энергоресурсов, а Турция выступает в качестве проводника на мировой рынок азербайджанским газу и нефти [Притчин 2021]. Примеры унификации стандартов и методик демонстрируют, что Азербайджан планомерно смещается в сторону турецкого поля. Подобные реформы «по-турецки» в долгосрочной перспективе приближают интеграцию двух государств и создание какого-то подобия союзного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аватков В.А.* Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2022. Т. 66. № 2. С. 90-100.
- Аватков В.А., Сбитнева А.И.* Коридоры турецкого влияния: евроазиатский путь Анкары // *Геоэкономика энергетики.* 2022. №3. С. 6-20.
- Гасанов А.М.* Политика национального развития и безопасности Азербайджанской Республики / А.М. Гасанов. Баку: “Zərdabi LTD” MMC, 2013. 612 с.
- Годжаева Л.Р.* Проект TANAP и его геостратегическое значение // *АНИ: экономика и управление.* 2021. №1 (34). С. 124-127.
- Ибрагимов Р.* Турецко-азербайджанские отношения и политика Турции на Центральном Кавказе // *Кавказ и глобализация.* 2011. № 3-4. С. 17-23.

- Ибрагимова Г.И., Агакишиева Н.А.* Вопросы экологической безопасности трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан // *Bakı Universitetinin xəbərləri*. 2012. № 4. С. 151-157.
- Коджаман О.* Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период / пер. с англ. И. Стамовой, предисл. И ред. В.А. Надеин-Раевского. М.: «Русская панорама», 2004. 296 с.
- Маркедонов С.М.* Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2012. № 7 (87). С. 245-256.
- Маркедонов С.М.* Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности кавказского региона // *Валдайские записки*. 2016. 14 с.
- Притчин С.А.* Место Центральной Азии и Каспийского региона в энергетической и транспортной стратегии Турции // *Геоэкономика энергетики*. 2022. № 3 (19). С. 21-36.
- Притчин С.А.* Энергетический сектор как ключевой фактор регионального лидерства Азербайджана // *Постсоветские исследования*. 2021. №2. С. 109-118.
- Чернявский С.И.* Десять лет истории Азербайджана: 2003-2013 годы: монография. М.: ФЛИНТА, 2013. 400 с.
- Шумилов М.М., Шумилов Ю.М.* Военное сотрудничество Турции и Азербайджана в контексте реализации проекта создания пантюркистской армии // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2022. № 5-1. С. 322-326.
- Юматов К.В., Сивина К.Н.* Азербайджано-турецкое взаимодействие в контексте международных отношений на Южном Кавказе (1992-2020 гг.) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. С. 963-971. \ *Alpdoğan H., Akal M., Hasanov G. Türkiye ile Azerbaycan'ın dış ticaret gelişimi // Journal of business and trade (JOINBAT)*. 2020. № 1 (1). P. 16-26.
- Bostacı M.* AK Parti dönemi Türkiye – Azerbaycan ilişkileri / II. Milletlerarası Azerbaycan – Türkiye münasebetleri sempozyumunun bildirileri (Bakü, 12-14 ekim 2017). Kastamonu, 2018. P. 20-36.
- Erarlan F., Özdemir N.* Azerbaycan-Türkiye ilişkilerinde önemli bir kavşak: ikinci karaabağ savaşı // *Türk dünyası araştırmaları*. 2021. № 255. P. 315-334.
- Sadık R.* Kısa Azerbaycan tarihi. İstanbul: Yeditepe yayınevi, 2022. 304 p.
- Yapıcı U.* Türkiye'nin Güney Kafkasya politikası (1989-1993) // *Alternatif politika*. 2015. № 3. P. 425-456.
- Yeşiltaş M., Merve S., Özçelik N.* Fırat kalkını harekatı. Harekatın icrası, istikrarın tesisi ve alınan dersler. İstanbul: SETA, 2017. 56 p.

REFERENCES

- Alpdoğan H., Akal M., Hasanov G.* Türkiye ile Azerbaycan'ın dış ticaret gelişimi // *Journal of business and trade (JOINBAT)*. 2020. No 1 (1). pp. 16-26.
- Avatkov V.A.* Turciya i Azerbajdzhan: odna naciya – odno gosudarstvo? // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. T. 66. № 2. S. 90-100.
- Avatkov V.A., Sbitneva A.I.* Koridory tureckogo vliyaniya: evroaziatskij put' Ankary // *Geoekonomika energetiki*. 2022. №3. S. 6-20.
- Bostacı M.* AK Parti dönemi Türkiye – Azerbaycan ilişkileri / II. Milletlerarası Azerbaycan – Türkiye münasebetleri sempozyumunun bildirileri (Bakü, 12-14 ekim 2017). Kastamonu, 2018. pp. 20-36.
- Chernyavskij S.I.* Desyat' let istorii Azerbajdzhana: 2003-2013 gody: monografiya. M.: FLINTA, 2013. 400 s.
- Erarlan F., Özdemir N.* Azerbaycan-Türkiye ilişkilerinde önemli bir kavşak: ikinci karaabağ savaşı // *Türk dünyası araştırmaları*. 2021. No 255. pp. 315-334.
- Gasnov A.M.* Politika nacional'nogo razvitiya i bezopasnosti Azerbajdzhanskoj Respubliki / A.M. Gasnov. Baku: “Zərdabi LTD” MMC, 2013. 612 s.
- Godzhaeva L.R.* Proekt TANAP i ego geostrategicheskoe znachenie // *ANI: ekonomika i upravlenie*. 2021. №1 (34). S. 124-127.

- Ibragimov R.* Turecko-azerbajdzhanskie otnosheniya i politika Turcii na Central'nom Kavkaze // Kavkaz i globalizaciya. 2011. № 3-4. S. 17-23.
- Ibragimova G.I., Agakishieva N.A.* Voprosy ekologicheskoy bezopasnosti truboprovoda Baku-Tbilisi-Dzhejhan // Bakı Universitetinin xəbərləri. 2012. № 4. S. 151-157.
- Kojaman O.* The South Caucasus in the politics of Turkey and Russia in the post-Soviet period / translated from English by I. Stamova, preface. And ed. by V.A. Nadein-Rayevsky. M.: "Russian Panorama", 2004. 296 p.
- Markedonov S.M.* Process normalizacii armyano-tureckih otnoshenij: problemy, vyzovy, perspektivy // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 7 (87). S. 245-256.
- Markedonov S.M.* Rossijsko-tureckie otnosheniya i problemy bezopasnosti kavkazskogo regiona // Valdajskie zapisi. 2016. 14 s.
- Pritchins S.A.* Energeticheskij sektor kak klyuchevoj faktor regional'nogo liderstva Azerbajdzhana // Postsovetskie issledovaniya. 2021. №2. S. 109-118.
- Pritchins S.A.* Mesto Central'noj Azii i Kaspijskogo regiona v energeticheskoy i transportnoj strategii Turcii // Geoekonomika energetiki. 2022. № 3 (19). S. 21-36.
- Sadik R.* Kısa Azerbaycan tarihi. İstanbul: Yeditepe yayınevi, 2022. 304 p.
- Shumilov M.M., Shumilov Y.M.* Voennoe sotrudnichestvo Turcii i Azerbajdzhana v kontekste realizacii proekta sozdaniya pantyurkistskoj armii // Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. 2022. № 5-1. S. 322-326.
- Yapıcı U.* Türkiye'nin Güney Kafkasya politikası (1989-1993) // Alternatif politika. 2015. No 3. pp. 425-456.
- Yeşiltaş M., Merve S., Özçelik N.* Fırat kalkanı hareketi. Harekatın icrası, istikrarın tesisi ve alınan dersler. İstanbul: SETA, 2017. 56 p.
- Yumatov K.V., Sivina K.N.* Azerbajdzhano-tureckoe vzaimodejstvie v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij na YUzhnom Kavkaze (1992-2020 gg.) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. S. 963-971.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гузаеров Разиль Илшатович, младший научный сотрудник, Отдел Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия. E-mail: guzaerov99@bk.ru

Razil I. Guzaerov, Junior Researcher, Department of the Near and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: guzaerov99@bk.ru

∴

Основные направления политики Ирана в отношении Азербайджанской Республики в постсоветский период

А. Г. Ибрагимов

*Бакинский Государственный Университет, Баку, Азербайджан
e-mail: ialimusa@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления политики Ирана в отношении Азербайджанской Республики в постсоветский период. На основании сравнительно-исторического подхода автор провел краткий анализ статуса Исламской Республики Иран в качестве важного регионального актора. Без участия ИРИ трудно представить приемлемое решение любой из основных проблем ближневосточной повестки дня: гражданской войны в Сирии, стабилизации ситуации в Ираке или разрешения кризиса в Ливане. В последние десятилетия наблюдается последовательное развитие отношений Ирана со странами бывшего Советского Союза. Распад Советского Союза создал серьезные угрозы для Ирана, включая устранение угрозы со стороны его северных границ и ликвидацию международной изоляции с помощью новых независимых республик. Реальной угрозой для Ирана были попытки США проникнуть в регион. Одним из важных направлений политики Ирана на постсоветском пространстве является регион Южного Кавказа. 25 декабря 1991 г. Иран признал независимость Азербайджанской Республики, а в январе 1992 г. в Баку открылось посольство Исламской Республики. Отношения между Ираном и Азербайджаном формировались под влиянием таких факторов, как проблема Южного Азербайджана, карабахский конфликт, каспийская проблема и отношения между Азербайджаном и Западом. Во время правления президента Гейдара Алиева отношения с Ираном улучшились, но после подписания «Договора века» в сентябре 1994 г. отношения Тегеран-Баку снова обострились. Г. Алиев проводил сбалансированную политику между США и Россией и держался на расстоянии от Ирана. После прихода к власти в 2003 г. президента И. Алиева в ирано-азербайджанских отношениях произошло оживление.

Ключевые слова: Иран, Азербайджанская Республика, постсоветский период, Южный Кавказ, Россия.

Для цитирования: Ибрагимов А. Г. Основные направления политики Ирана в отношении Азербайджанской Республики в постсоветский период // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):871-879.

Main directions of Iran's policy with regard to Republic of Azerbaijan in the post-soviet period

A.G. Ibrahimov

*Baku State University, Baku, Azerbaijan
e-mail: ialimusa@mail.ru*

Abstract. The article examines the main directions of Iran's policy towards the Republic of Azerbaijan in the post-Soviet period. Based on a comparative historical approach, the author briefly analyzed the status of the Islamic Republic of Iran as an important regional actor. Without the participation of Iran, it is difficult to imagine an acceptable solution to any of the main problems of the Middle East agenda: the civil war in Syria, the stabilization of the situation in Iraq or the resolution of the crisis in Lebanon. In recent decades, there has been a consistent development of Iran's relations with the countries of the former Soviet Union. The collapse of the Soviet Union posed serious threats to Iran, including removing the threat from its northern borders and ending international isolation with the help of the newly independent republics. The real threat to Iran was US attempts to penetrate the region. One of the important directions of Iran's policy in the post-

Soviet space is the South Caucasus region. On December 25, 1991, Iran recognized the independence of the Republic of Azerbaijan, and in January 1992, an embassy of the Islamic Republic was opened in Baku. Relations between Iran and Azerbaijan were formed under the influence of such factors as the problem of South Azerbaijan, the Karabakh conflict, the Caspian problem and relations between Azerbaijan and the West. During the presidency of President Heydar Aliyev, relations with Iran improved, but after the signing of the "Treaty of the Century" in September 1994, Tehran-Baku relations escalated again. Heydar Aliyev pursued a balanced policy between the United States and Russia and kept his distance from Iran. After President Ilham Aliyev came to power in 2003, there was a revival in Iranian-Azerbaijani relations.

Key words: Iran, Azerbaijan Republic, post-Soviet period, Caspian Sea, Nagorno-Karabakh problem, South Azerbaijan.

For citation: Alimusa G. Ibrahimov. Main directions of Iran's policy with regard to Republic of Azerbaijan in the post-soviet period // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023; 8(6):871-879. (In Russ.) (In Russ.)

Распад СССР и восстановление независимости Азербайджана вызвали беспокойство у иранского руководства. Целью Ирана в отношении Азербайджанской Республики было обеспечение следующих интересов: защита территориальной целостности и внутренней стабильности Ирана, предотвращение растущего влияния США и Турции на Кавказе и в Центральной Азии, а также предотвращение сближения тюркских стран [Велиев 2007: 62].

К основным факторам, влияющим на ирано-азербайджанские отношения в постсоветский период, относятся следующие.

Фактор Южного Азербайджана в диалоге Баку-Тегеран

Важнейшим фактором, влияющим на отношения между Ираном и Азербайджаном, является фактор Южного Азербайджана. Сухопутная граница Ирана с его северным соседом Азербайджаном составляет 618 км. Две страны также граничат друг с другом в Каспийском море. Однако, помимо географического положения, наиболее важным фактором, сближающим две страны, является исторический фактор, разделение Азербайджана на север и юг и расположение Южного Азербайджана в границах Ирана. Возникновение проблемы Южного Азербайджана связано с Туркменчайским договором, подписанным между Ираном и Россией 10 февраля 1828 года. По этому соглашению север

Азербайджана был передан России, а юг - Ирану. Туркменчайский договор официально закрепил раздел исторических азербайджанских земель на две части, граничащих по реке Араз. В соответствии с этим договором Азербайджан как политический термин был разделен на две части и стал употребляться как Южный, А то есть Иранский Азербайджан и Северный, то есть Кавказский Азербайджан

Сегодня 40% населения Исламской Республики Иран - азербайджанские турки. Это составляет 60% азербайджанских турок в мире [Акман 2005: 80]. Южный Азербайджан образует северные районы Ирана. Хотя в Иране проживает более 30 миллионов азербайджанских турок, они лишены политических, культурных прав и права на образование на родном языке. В последнее время азербайджанские турки, проживающие в Иране, требуют расширения культурных прав и разрешения официально использовать азербайджанский язык.

Иран считает, что Азербайджанская Республика, получившая независимость после распада СССР в 1991 г., несет ответственность за проблему Южного Азербайджана. Иран стремится предотвратить или минимизировать влияние Азербайджанской Республики на Южный Азербайджан.

Проблема Южного Азербайджана была одной из важнейших проблем Ирана на протяжении почти двух веков. Хотя Иран

использовал все средства для преодоления этой проблемы, ему это не удалось.

Распад Советского Союза и независимость Северного Азербайджана привели к подъему национального движения Южного Азербайджана. Поддержка Ираном Армении, ведущей войну против Азербайджана, еще более стимулировал национальное движение Южного Азербайджана. Иранское государство попыталось контролировать национальное движение Южного Азербайджана. Иранское государство стремилось к тому, чтобы процессы на юге и севере развивались в рамках ислама. Однако направленность процессов в Северном Азербайджане заставило иранское государство проводить иную политику. Реформаторы, пришедшие к власти в Иране в 1997 г., признали этнические различия в Иране и несколько изменили политику периода Рафсанджани. Через некоторое время борьба между реформаторами и консерваторами привел к расширению национального движения в Южном Азербайджане.

Как отмечалось выше, из-за фактора Южного Азербайджана Тегеран пытается действовать осторожно в своей политике в отношении Баку, поскольку его антиазербайджанская политика может привести к напряженности между азербайджанцами, проживающими в Иране, и центральным правительством.

Понимая важность фактора Южного Азербайджана и азербайджанских турок, США пытаются вынести «проблему Южного Азербайджана» в мировую повестку дня.

Фактор сотрудничества Азербайджанской Республики с Западом

Политика Баку в отношении Турции и Запада - один из факторов, обостряющих отношения с Ираном. После обретения независимости Азербайджану пришлось улучшить свои отношения с США и Израилем перед лицом давления Ирана.

Азербайджано-американские отношения формируются под влиянием многих факторов. Важными факторами, влияющими на отношения между двумя странами, являются геополитическое и стратегическое

значение Азербайджана для Соединенных Штатов в контексте США на Ближнем Востоке и борьбы с терроризмом после событий 11 сентября, а также наличие нефти и богатых природных ресурсов в регионе [Aslanlı, Hesenov 2005: 234].

Дипломатические отношения Азербайджана с США были установлены не сразу после провозглашения независимости Азербайджана. Озабоченный активизацией Ирана в регионе, Белый дом 23 февраля 1992 года решил установить дипломатические отношения с Баку и открыл посольство в Баку 15 марта того же года. После установления дипломатических отношений американо-азербайджанские отношения значительно продвинулись в экономической сфере.

Азербайджан поддерживал США в контртеррористической операции в Афганистане с 11 сентября 2001 г. 19 декабря 2002 года Соединенные Штаты приостановили действие 907-й поправки, чтобы помочь Азербайджану по официальным каналам.

До конца 1990-х годов США сосредоточились на экономической и политической деятельности на Южном Кавказе. После 11 сентября Вашингтон увеличил свое военное присутствие в регионе в рамках борьбы с международным терроризмом. Основной причиной беспокойства Ирана по поводу присутствия американских войск на Кавказе была угроза военной осады его границ со стороны США. Доктрина национальной безопасности Азербайджана была утверждена в августе 2004 года - в тот момент, когда США хотели создать военную базу в Азербайджане. Согласно этому документу, размещение иностранных войск внутри границ Азербайджана запрещено.

Соединенные Штаты всегда были озабочены сближением Азербайджана и Ирана. Поэтому Вашингтон время от времени поднимает вопрос о Южном Азербайджане, для того чтобы причинить беспокойство Ирану.

Проблема правового статуса Каспия

Одним из факторов, влияющих на ирано-азербайджанские отношения, является растущий стратегический интерес

к каспийской нефти. Иран не хотел, чтобы другие производители нефти и западные компании имели право голоса в вопросах нефти в Каспийском море. В этом контексте Тегеран был обеспокоен проектом нефтепровод Баку-Джейхан. Иран использовал все возможные средства, чтобы помешать реализации трубопровода, и вместо этого выдвинул альтернативные проекты, такие как экспорт нефти из Персидского залива¹.

Распад Советского Союза и появление пятнадцати новых независимых государств на территории бывшего Советского Союза существенно изменили политическую географию Евразии. До 1991 года Каспийское море, считавшееся внутренним морем между Советским Союзом и Ираном, стало одним из регионов, наиболее пострадавших от этих изменений. Поскольку четыре из новых независимых бывших советских республик - Российская Федерация, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, граничат с Каспийским морем, количество стран вокруг Каспийского моря увеличилось до пяти, и между ними начались обсуждения. Таким образом, одной из актуальных проблем с распадом Советского Союза стал статус Каспийского моря.

Статус Каспийского моря до 1992 года регулировался двумя основными соглашениями между Ираном и РСФСР от 26 февраля 1921 года и соглашениями, подписанными между Ираном и СССР в 1940 году. Эти соглашения предусматривали совместное использование только морской поверхности и дна Каспийского моря. Таким образом, в то время как Иран владел 14 процентами Каспийского моря, остальная часть принадлежала СССР. Советская часть Каспийского моря была разделена Министерством нефтяной промышленности Советского Союза в 1970 году между Азербайджанской ССР, Казахской ССР,

Россией и Туркменской ССР. Это разделение по методу средней линии не создало формальных границ, но таким образом возникли национальные сектора. Каждая советская республика, консультируясь с другими, фактически занималась разведкой и добычей нефти на своей территории и фактически узаконила это разделение.

В ходе подготовки соглашений с западными компаниями об использовании нефтяных месторождений в азербайджанском секторе Каспийского моря иранская сторона активно стремилась к тому, чтобы стать участником этих соглашений. В этот период Тегеран поддержал позицию Азербайджана по правовому статусу Каспийского моря. Однако из-за возражений США Иран не был включен в многостороннее соглашение по добыче нефти. После этого Иран радикально изменил свою политику в отношении статуса Каспийского моря и занял позицию по совместному использованию Каспийского моря.

Позиция Ирана по вопросу статуса Каспия определялась различными факторами. Главная цель Ирана - не допустить развертывания в регионе Запада во главе с США, поскольку Тегеран рассматривает его военную мощь как угрозу своей безопасности. Единственной границей, на которой Иран может установить прямой контакт с Россией, которую он считает союзником, может быть Каспий, и разделение Каспия на национальные сектора исключало эту возможность.

Пытаясь выдвинуть тезис о совместном использовании Каспийского моря, Иран стал настаивать на равной доле между пятью странами после изменения позиции России. При применении принципа равных долей доля Ирана в Каспийском море достигла бы 20%.

В совместном российско-иранском заявлении от 12 марта 2003 г. подчеркивалась «важность консенсусного решения по всем вопросам, касающимся

¹ Nesibli N. Azerbaijan-Iran Relations: Challenges and Prospects // <https://www.belfercenter.org/publication/azerbaijan-iran-relations-challenges-and-prospects>

Каспийского моря в целом»¹. Крупномасштабные проекты пришлось исключить до тех пор, пока пять государств не пришли к консенсусу по статусу Каспийского моря и различным аспектам использования воды. «До установления нового правового режима правовой режим на Каспийском море, определенный положениями советско-иранских соглашений 1921-1940 годов, будет оставаться в силе. Каспийское море открыто для использования всеми прикаспийскими государствами, но ни одно из них не имеет права предпринимать односторонние шаги по освоению своих территорий» [Колобов, Тюменкова, 2012: 81].

С самого начала Каспийское море было сложным с точки зрения разделения объектом. Во-первых, в переговорах участвовали не две-три, а пять стран, у каждой из которых есть конфликт интересов. Во-вторых, Каспий - не удаленный остров. Каспийское море - это не только самый большой водоем в центре Евразии, связанный сетью судоходных рек, но и важный источник энергии. Кроме того, 90% генофонда осетровых рыб сосредоточено в Каспийском море. В таких условиях переговоры удалось завершить только за 22 года. Более того, в декабре 2017 года подписание конвенции в ближайшее время казалось невозможным. На последнем саммите в Астрахани в 2014 году президенты договорились вновь встретиться не позднее, чем через два года в одном из городов Казахстана, чтобы подписать согласованный документ. Однако встреча не состоялась ни в 2016, ни в 2017 году, и процесс остановился.

В конце 2017 года удалось добиться прогресса. Окончательно проект Астанинской конвенции был согласован на встрече министров иностранных дел прикаспийских государств 4-5 декабря 2017 года в Москве. После встречи министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что все вопросы согласованы и

саммит состоится в 2018 году. 21 июня стало ясно, что Россия полна решимости всеми возможными способами положить конец переговорному процессу. В тот же день официальный сайт правительства России пошел на беспрецедентный шаг и опубликовал проект конвенции. На встрече в Актау усилия официальной Москвы принесли практические результаты. 12 августа 2018 года в Актау прошел саммит по правовому статусу Каспийского моря с участием президентов Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана. По итогам саммита 22-летние переговоры завершились подписанием главами 5 прикаспийских государств Конвенции, определяющей правовой статус моря.

Меморандум о взаимопонимании по совместному развитию соответствующих блоков на Каспийском море, подписанный во время визита президента Ирана Хасана Рухани в Баку в конце марта 2018 года, стал важным документом исторической значимости в достижении окончательной договоренности.

Согласно Конвенции, прикаспийские государства осуществляют свой суверенитет, суверенные права, исключительные права и юрисдикцию. Историческое соглашение по Каспийскому морю предусматривает замену давних споров между прикаспийскими государствами по поводу правового статуса моря сотрудничеством. В результате соглашения замороженные и спорные месторождения будут разрабатываться совместно, что принесет пользу прикаспийским государствам и народам. Эксперты называют подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря поворотным моментом для пяти прибрежных государств. Все страны, а также Иран по Конвенции получают в большей степени экономическую выгоду. Препятствия для прокладки трубопроводов по морскому дну для транспортировки каспийских углеводородных ресурсов на западные рынки были устранены.

Важность подписанного документа очень высока. Этот документ охватывает вопросы безопасности, экономического сотрудничества, защиты окружающей

¹ Совместное российско-иранское заявление // Официальный сайт МИД РФ. 2003. 12 марта. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/sps/ED83168FAC44510143256CE60053CC49 (дата обращения: 5.10.2013).

среды, развития морского транспортного потенциала и т.д. прикаспийских государств. определяет правила развития сотрудничества в данной сфере. Но кто больше выиграл и больше потерял с момента подписания Конвенции? Ни одна из сторон не может быть однозначно признана выигравшей или проигравшей. Что касается принципов разграничения, то больше всех выиграли Казахстан и Азербайджан. Астана и Баку не только поддержали разделение моря на участки в интересах недропользователей, но и сумели контролировать крупнейшие участки с наибольшими запасами нефти и газа. При этом проблема региональной безопасности на море была разрешена с максимальным учетом интересов Москвы и Тегерана.

Позиция Ирана по Карабахской проблеме

Одним из факторов, влияющих на ирано-азербайджанские отношения, является нагорно-карабахский конфликт. Иран, являясь «исламским государством» в этом конфликте, возникшем в начале 1990-х годов поддержал Армению, хотя и заявлял о своем нейтралитете. Такое отношение Ирана задело иранский народ, особенно турок, проживающих в Южном Азербайджане, и проармянская позиция Ирана была встречена с неудовольствием.

До 1992 года проблема Нагорного Карабаха считалась региональной проблемой и оставалась под контролем Российской Федерации. Однако после того, как в 1992 году Азербайджан и Армения стали членами Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), нагорно-карабахский конфликт стал международным, и США, Франция, Турция и Иран, Россия, наряду с различными международными организациями выступили посредниками. Минская группа, созданная ОБСЕ для решения этой проблемы в 1992 году включала представителей США, России, Турции, Франции, Италии, Германии, Чехии, Словакии, Беларуси, Швеции. Сопредседателями Минской группы были назначены США, Франция и Россия.

Как основной принцип внешней политики, Иран защищает нерушимость территориальной целостности стран и отрицает право народов на самоопределение. Фактически, Иран обеспокоен тем, что нарушение территориальной целостности любой страны в мире на основе права народов на самоопределение может создать прецедент для будущего разрушения суверенитета и территориальной целостности страны. Поэтому политика, проводимая Тегераном, иногда имеет негативные последствия для Азербайджана, и хотя Иран подчеркивает вышеупомянутый принцип, он старается оставаться нейтральным и проводить активную политику на Кавказе, чтобы предотвратить негативные для себя последствия.

Иран оценил карабахский конфликт как одну из самых серьезных угроз своей национальной безопасности, поскольку конфликт произошел между ближайшими соседями Ирана. С этой точки зрения Иран основывает свою политику в отношении Карабаха на предотвращении нестабильности в регионе, предотвращении вмешательства иностранных сил в регион и предотвращении превращения Азербайджана в сильное государство. Для этого Тегеран выступил посредником в решении проблемы и поддержал Армению против Азербайджана. Иран неоднократно пытался выступить посредником в прекращении карабахской войны. Впервые в ноябре 1991 года министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти заявил на встрече с представителями министерства иностранных дел Армении, что они хотят выступить посредником, чтобы положить конец войне, но безуспешно. Иран выступил со своей второй посреднической инициативой 25 февраля 1992 года. Президенты Азербайджана и Армении, встретившиеся в Тегеране в конце февраля 1992 года, подписали при посредничестве президента Ирана соглашение о прекращении огня. Однако сразу за подписанием соглашения армянскими силами был занят Ходжалы, один из крупнейших поселений азербайджанцев в

Нагорном Карабахе, а большая часть его населения была уничтожена. На следующий день после встречи руководителей Азербайджана и Армении в Тегеране 7-8 мая и подписания протокола о прекращении огня армяне оккупировали Шушу, стратегический пункт Нагорного Карабаха. В результате посредничества Тегерана, принесло армянам значительные преимущества, а также сформировало негативное отношение к Ирану в азербайджанском обществе. Хотя позже Иран несколько раз вновь пытался выступить посредником, азербайджанская сторона отреагировала отрицательно.

По мнению некоторых исследователей, существует ряд важных причин политики Ирана в пользу Армении в карабахском конфликте. Самым важным из них является опасение Тегерана того, что Азербайджан, ведущий независимый, богатый и западный образ жизни на севере, станет источником притяжения для азербайджанских турок в Иране¹.

Вторая карабахская война с 27 сентября по 10 ноября 2021 года привела к освобождению Азербайджаном большей части оккупированных Арменией земель, оказала большое влияние на геополитику Южного Кавказа, а также на политику Ирана в отношении Южного Кавказа и Азербайджана. Прежде всего, Азербайджан восстановил контроль над всей иранской границей, освободив оккупированные Арменией районы. В этом контексте 132-километровый участок 765-километровой азербайджано-иранской границы, находившийся под армянской оккупацией с 1994 года, вновь был передан под суверенитет Азербайджана.

Во-вторых, Иран не мог проявлять никакой активности во время азербайджано-армянской войны и не мог проводить последовательную политику. В начале войны Иран призвал к немедленному прекращению боевых действий и параллельно выступил с заявлениями о том, что признает территориальную целостность

Азербайджана. В этом контексте призыв Ирана к прекращению огня против общего контрнаступления, начатого Азербайджаном против нападения Армении 27 сентября 2020 года, с целью обеспечить территориальную целостность, создал противоречие. Кроме того, во время войны в СМИ была отражена новость о том, что военные машины, идущие из Ирана вместе со своим грузом везут в Армению помощь. Министерство иностранных дел Ирана официально опровергло эти обвинения.

В-третьих, Иран не смог проявить никакого присутствия в механизмах, созданных во время и после переговорного процесса по трехсторонней декларации от 10 ноября 2020 года, подписанной между Азербайджаном, Арменией и РФ, положившей конец Второй Карабахской войне. Отказ Ирана, который является одним из важных игроков региона, принять участие в этом процессе был расценен как своего рода политический и дипломатический провал. С другой стороны, РФ, наиболее эффективная региональная держава на Южном Кавказе, не только посадила стороны за стол переговоров, но и стала основным действующим лицом в механизмах, созданных соглашением о прекращении огня. В рамках упомянутой тройной декларации РФ смогла сохранять военное присутствие на линии прекращения огня в Карабахе и Лачинском коридоре в течение пяти лет миротворческими силами. Хотя Турция не стала участником трехсторонней декларации, российские и турецкие военные совместно осуществляют деятельность по наблюдению за соблюдением режима прекращения огня в Совместном наблюдательном центре, созданном в рамках указанной декларации. Таким образом, после Второй карабахской войны Турция и РФ, региональные соперники Ирана, начали сохранять военное присутствие в Азербайджане. Еще одной причиной, по которой политика Ирана не была эффективной во Второй карабахской войне, является сближение Москвы и Анкары.

Девятая статья трехсторонней декларации, имеющая наибольшее значение для Ирана, гласит: "Блокада всех

¹Shaffer B., 'Islam, Iran, and Prospects in the Caspian Region' // <https://www.belfercenter.org/publication/islam-iran-and-prospects-stability-caspian-region>

экономических и транспортных связей в регионе будет снята. Республика Армения будет сотрудничать с западными регионами Азербайджанской Республики и Нахчыванской Автономной Республикой с целью организации беспрепятственного передвижения людей, транспортных средств и грузов в обоих направлениях». Контроль транспорта осуществляют органы Пограничного управления Федеральной службы безопасности России (ФСБ). По соглашению сторон будет обеспечено строительство новых транспортных дорог, соединяющих Нахчыванскую Автономную Республику с западными регионами Азербайджана".

Если положение, заявленное в Трехсторонней декларации, будет реализовано, Иран потеряет свою роль транзитной страны как между Азербайджаном и Нахчываном, так и между Турцией и Азербайджаном и Центральной Азией. Это негативно скажется на интересах Ирана как в политическом, так и в экономическом плане. С другой стороны, соединение Нахчывана и Азербайджана через Армению усилит влияние Турции и Запада в целом в Азербайджане и Центральной Азии. Эта ситуация будет

препятствовать стремлению Ирана к региональному влиянию.

В-четвертых, Иран обеспокоен растущей политической, военной и экономической мощью Баку. Особенно тревожит Иран усиление политических, военных, экономических и культурных отношений между Азербайджаном и Турцией после Второй Карабахской войны, участие Турции в Объединенном наблюдательном центре с РФ, а также ее военное присутствие в Азербайджане и совместно организованные учения. Кроме того, внимание Тегерана привлекает и тот факт, что политическая и военная поддержка Турцией Азербайджана во Второй Карабахской войне усилила влияние Анкары на азербайджанских турок, проживающих в Азербайджане и Иране.

Турция и Азербайджан предложили механизм диалога в формате 3 (Азербайджан, Армения и Грузия) + 3 (Турция, РФ и Иран) с целью достижения постоянного решения региональных проблем в рамках геополитической ситуации, сложившейся на Южном Кавказе после Второй Карабахской войны. В любом случае, Баку осознает важность Ирана в регионе и хочет включить Тегеран в новый процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акман А.* Азербайджан - молодая страна древней географии. Стамбул, Издательство Ильке, 2005.
- Асланлы А., Гасанов А.* Внешняя политика Азербайджана в период Гейдара Алиева. Анкара, Издательство Платина, 2005.
- Велиев Э.* Политика Ирана на Южном Кавказе после холодной войны. Анкара, 2007.
- Колобов А.О., Тюменкова А.С.* Динамика двустороннего взаимодействия Российской Федерации и Исламской Республики Иран в условиях глобализации (1990–2011 гг.). Арзамас: АГПИ, 2012.
- Насибли Н.* Азербайджано-иранские отношения: прошлое и настоящее. Геополитика и нефть Азербайджана, Баку, Издательство Хазарского Университета, 2000.
- Сафаров П.Ш.* Международное положение и внешняя политика Азербайджана в 90-е годы. Баку, 1999.

REFERENCES

- Kolobov A.O., Tyumenkova A.S.* Dinamika dvustoronneqo vzaimodeystviya Rossiyskoy Federasii i Islamskoy Respubliki Iran v usloviyax qlobalizatsii (1990–2011 qq.). Arzamas: AQPI, 2012.
- Nəsibli N.* Azərbaycan-İran münasibətləri: keçmiş və bu gün. Azərbaycan geopolitikası və neft, Bakı, Xəzər Universiteti nəşriyyatı, 2000.
- Səfərov P.Ş.* 90-cı illərdə Azərbaycanın beynəlxalq vəziyyəti və xarici siyasəti, Bakı, 1999.
- Akman A.* Azərbaycan Kadim Coğrafiyanın Genç Ülkesi, İstanbul, İlke Yayınları, 2005.

Aslanlı A., Hesenov A. Haydar Aliyev dönemi Azerbaycan dış politikası, Ankara, Platin Yayınları, 2005.

Veliyev E. Soğuk savaş sonrası İranın Güney Kavkasya politikası, Ankara, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского Государственного Университета (E-mail: ialimusa@mail.ru).

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, Ph.D. in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University (E-mail: ialimusa@mail.ru).

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ / EURASIAN INTEGRATION

Научная статья / Research article

Актуальная повестка для ЕАЭС

Н. И. Харитонова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>, e-mail: natahari@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи стало определение повестки на ближайшую перспективу для Евразийского экономического союза, в котором Российская Федерация председательствует в 2023 г., что определяет актуальность исследования. В число методов, использованных в ходе подготовки статьи, входят ситуационный анализ, системный анализ, анализ документов. В рамках исследования охарактеризовано место евразийской интеграции в новой Концепции внешней политики РФ (принята 31.04.2023), приведены результаты анализа предложенных российскими парламентскими структурами приоритетов повестки ЕАЭС на текущий год. Т.к. при подготовке парламентских слушаний автор разрабатывала и направляла рекомендации в итоговый документ, выступала с докладом на слушаниях, в статье тезисно обозначены основные из них. Представленные рекомендации были подготовлены с опорой на отчет проекта «Точки Роста: восточный вектор евразийской интеграции» по итогам ситуационного анализа, проведенного в рамках экспертной сессии «Точки Роста – Киргизия» (Кыргызская Республика, 29.09.2022). В ситуационном анализе принимали участие эксперты – представители стран участниц ЕАЭС (включая автора доклада). Ситуационный анализ показал проблему во многом методологического свойства – крайне близкий горизонт планирования в условиях идущей специальной военной операции России на Украине и в связи с этим необходимость прорабатывать проблемы условно надстроечного характера, очевидность которых несомненна в контексте реализуемой Российской Федерацией специальной военной операции или вне этого контекста. Центральное место заняла проблема выработки идеологической базы интеграции в рамках проекта ЕАЭС при том, что эксперты достаточно много внимания в рамках ситуационного анализа уделили экономическим вопросам, проблемам развития сферы государственного строительства и общественной сферы. Таким образом, в условиях гибридной войны с Западом, в которой последний делает ставку на разобщение Москвы и ее союзников по интеграционным объединениям, создание и укрепление идеологической базы интеграции видится первоочередной задачей.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, повестка, Россия, ситуационный анализ.

Для цитирования: Харитонова Н. И. Актуальная повестка для ЕАЭС // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):880-889.

Current agenda for the EAEU

Natalia I. Kharitonova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>; e-mail: natahari@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article was to determine the near-term agenda for the Eurasian Economic Union, in which the Russian Federation chairs in 2023, which determines the relevance of the study. The methods used during the preparation of the article include situational analysis, system analysis, document analysis. As part of the study, the place of Eurasian integration in the new Foreign Policy Concept of the Russian Federation (adopted on April 31, 2023) is characterized, and the results of the analysis of the priorities of the EAEU agenda proposed by the Russian parliamentary structures for the current year are presented. Because when preparing parliamentary hearings, the author developed and sent recommendations to the final document, made a report at

the hearings, the main of them are outlined in the article. The recommendations presented were prepared based on the report of the project “Points of Growth: Eastern Vector of Eurasian Integration” based on the results of the situational analysis conducted within the framework of the expert session “Points of Growth – Kyrgyzstan” (Kyrgyz Republic, 29.09.2022). The situational analysis was attended by experts - representatives of the EAEU member countries (including the author of the report). The situational analysis showed a problem of a largely methodological nature - an extremely close planning horizon in the context of Russia's ongoing special military operation in Ukraine and, in this regard, the need to work out problems of a conditionally superstructural nature, the obviousness of which is undeniable in the context of the special military operation being implemented by the Russian Federation or outside this context. The central place was occupied by the problem of developing an ideological basis for integration within the framework of the EAEU project, despite the fact that experts paid a lot of attention within the framework of situational analysis to economic issues, problems of developing the sphere of state building and the public sphere. Thus, in the conditions of a hybrid war with the West, in which the latter relies on the disunity of Moscow and its allies in integration associations, the creation and strengthening of the ideological base of integration is seen as a priority.

Key words: EAEU, integration, agenda, Russia, situational analysis.

For citation: Natalia I. Kharitonova Current agenda for the EAEU // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023; 8(6):880-889 (In Russ.).

С 1 января 2023 г. Россия приняла председательство в Высшем Евразийском экономическом совете, Евразийском межправительственном совете и Совете Евразийской экономической комиссии. Общая внешнеполитическая ситуация в целом не благоприятствует российскому председательству. Специальная военная операция (СВО), реализуемая Россией, жесткая санкционная политика в отношении Москвы, а затем и государств-союзников нашей страны по интеграционным объединениям, переводят интеграционные устремления России в плоскость сверхусилий по удержанию интеграционного контура на Евразийском пространстве и поиск новых параметров совместной работы. Соответствующие задачи нашли отражение в новой редакции Концепции внешней политики РФ и в российских инициативах, обозначенных в поле деятельности ЕАЭС.

Целью настоящей статьи стало определение повестки на ближайшую перспективу для Евразийского экономического союза, в котором Российская Федерация председательствует в 2023 г., что определяет актуальность исследования. В число методов, использованных в ходе подготовки статьи, входят ситуационный анализ, системный анализ, анализ документов. Эмпирической

базой для подготовки статьи стали материалы ситуационного анализа, проведенного в рамках экспертной сессии «Точки Роста – Киргизия» (Кыргызская Республика, 29.09.2022) и материалы парламентских слушаний, посвященных приоритетам российского председательства в Евразийском экономическом союзе в 2023 г. (Москва, Государственная дума ФС РФ 18.04.2023).

Евразийская интеграция во внешней политике РФ. В новой редакции Концепции внешней политики РФ, принятой в марте 2023 г.¹, как и в предыдущих пяти редакциях документа, евразийской интеграции отводится значимое место. В частности, в этом документе стратегического планирования указано, что «в целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание», кроме прочего, «укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 31 марта 2023 г. № 229 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 26.08.2023).

(ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ОДКБ...» (п. 19.4.). Упоминается ЕАЭС и в разделе о международном экономическом сотрудничестве и содействии международному развитию. Более того, в п. 54 указывается, что ЕАЭС должно стать одной из опор «широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства», наряду с другими структурами. Вместе с тем, в п. 40 подчеркивается, что Россия намерена уделять «приоритетное внимание социально-экономическому развитию Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, государств – членов ЕАЭС, государств – участников СНГ, поддерживающих добрососедские отношения с Россией»¹.

В текущей геополитической обстановке в экспертном сообществе России и других стран постсоветского пространства многие специалисты склоняются к мысли, что идея построения «Большой Евразии» как общего гуманитарного, экономического и политического пространства от Лиссабона до Шанхая имеет больше шансов на успех, нежели концепция «Большой Европы». Последняя утратила актуальность как в связи с ухудшением отношений России и Евросоюза, так и вследствие реализации Китаем инициативы «Один пояс, один путь» (проект создания сети экономических коридоров и транспортных маршрутов, которая связывает Европу, Россию и страны Азиатско-Тихоокеанского региона). Специалисты полагают, что в рамках проекта «Большой Евразии» Россия и страны ЕАЭС могли бы стать центром евразийской интеграции [Tsvyk 2018].

В целом в новой Концепции внешней политики РФ, наряду с нововведениями, прослеживается преемственность с предыдущими редакциями. Так, Россия и продолжает придерживаться одного из

ключевых принципов российской внешней политики – ориентации на «союзоспособность» стран ближнего и дальнего зарубежья. Это в корне отличает российскую внешнюю политику от внешней политики стран Запада, воспринимающих другие стран как ресурсную базу для собственного развития, и формирует благоприятные условия для вовлечения новых участников в проекты евразийской интеграции.

Рассуждая о природе интеграции на евразийском пространстве, специалисты отмечают специфику цивилизационных основ и особенностей евразийской интеграции, отличающую ее от западных моделей. По их мнению, в основе евразийства находятся несколько иные ценности:

- господство права как формального приказа;
- коллективизм, соборность – особое значение прав и интересов неопределенного круга лиц по сравнению с индивидуальными;
- приоритет естественных связей в группе [Neshataeva 2020: 65].

Безусловно, обозначенные выше конфессионально-цивилизационные особенности были учтены при создании Евразийского экономического союза, как и предшествовавших ему проектов. Принципы международного права имеют приоритет в применении, однако, по мнению некоторых исследователей, отличаются особым наполнением. Таким образом, в ЕАЭС учитываются как принципы христианской цивилизации (уважение к праву), так и принципы иных цивилизаций (уважение к власти), принципы гармоничного построения отношений внутри Союза (многокультурность)» [Neshataeva 2020: 65].

Повестка ЕАЭС и вызовы времени. В Обращении Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств — членов ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 г. было предложено оценить ход реализации действующих «Стратегических направлений

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 31 марта 2023 г. № 229 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 26.08.2023).

развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»¹. Президент отметил: «Полагаем целесообразным... уже в текущем году приступить к подготовке новых документов стратегического планирования, которые определяют основные векторы интеграционного взаимодействия на период до 2030 и 2045 годов»². В связи с этим один из ведущих российских экономистов С.Ю. Глазьев отметил, что «кроме горизонта планирования, связанного с принятием и реализацией Основных направлений экономического развития государств — членов ЕАЭС до 2035 г., нам уже сейчас следует задуматься над более долгосрочным горизонтом» [Глазьев 2023: 12].

Если в первые годы становления ЕАЭС, протекавшего в условиях неблагоприятной международной обстановки [Пивовар 2019; Dutkiewicz, Sakwa 2014; Dragneva, Wolczuk 2013; Laumulin 2014; Abaidyllaeva, Arupov 2015], одним из наиболее важных вопросов в повестке дня объединения на среднесрочную перспективу являлось расширение ЕАЭС [Бирюков и др. 2019; Джанталеева 2022] и постепенная унификация и устранение нетарифных барьеров (НТБ) во взаимной торговле товарами и услугами [Ибрагимов 2018: 757], то последние годы ситуация выглядит сложнее. Повестка ЕАЭС определяется не только задачами развития Союза, успех решения которых зависит от достижений «восходящей интеграции», т.е. роста взаимной торговли, взаимных инвестиций и цивилизованной трудовой миграции [Ибрагимов 2018: 758], а также проблем реализации разноскоростной модели интеграции (модель предусматривает, что каждое государство идёт на более тесное

сотрудничество в том ритме, который позволяют её возможности и интересы) [Рахимов, Азизова 2021; Абросимов, Шевченко 2017; Tarr 2016], но и преодолением целого ряда негативных факторов [Чуфрин 2020: 21-22]. Сегодня – это влияние СВО на процесс интеграции [Sutyurin 2022: 159-160], реакция на СВО союзников, санкционное давление Запада, противоречия между союзниками (например, вооруженный приграничный конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном), угрозы военно-политической дестабилизации Евразийского пространства в контексте гибридной войны, ведущейся Западом против России. Как отмечают специалисты, «международные реалии таковы, что развитие Союза будет проходить в мире, где процесс глобализации стал принимать децентрализующий характер с последующими негативными сценариями как политической, так и экономической нестабильности в мире» [Джанталеева 2022: 91]. Другими словами, задачи преодоления разности экономических политик на общем интеграционном пространстве существенно скорректировались в сторону преодоления политических противоречий, что представляется куда более сложной проблемой. Не последнюю роль в этой трансформации сыграл так называемый коллективный Запад, видящий в евразийской интеграции угрозу для своей евразийской политики, во многом носящей постколониальный характер. Вместе с тем остается нерешенной проблема технологической зависимости стран ЕАЭС, а также технологической отсталости. Уязвимость экономики ЕАЭС от внешних угроз предопределяется его периферийным положением в мировой финансово-торговой системе [Глазьев 2023: 10]. Как указывает С. Глазьев, чтобы избежать неблагоприятного для ЕАЭС сценария развития, «необходимо выстроить самодостаточную, опирающуюся на внутреннюю ресурсную базу, систему планирования, что позволит вырваться из тисков инерции (сценария «статус-кво») и реализовать сценарий опережающего развития» [Глазьев 2023: 12]. По мнению

¹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Евразийская экономическая комиссия URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 10.08.2023).

² Обращение Президента Российской Федерации В.В.Путина к главам государств – членов Евразийского экономического союза. 23 января 2023 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 10.08.2023).

президента Евразийской Ассоциации Бизнеса (ЕАБ) М. Чистякова, союзу необходимо больше внимания уделять технологическому суверенитету ЕАЭС, инвестиционному сотрудничеству, оптимизации механизмов финансирования, внедрению новых информационных технологий в деятельность уполномоченных органов ЕАЭС, содействию компаниям в проведении диверсификации рынков, разработке четких и понятных механизмов поддержки экспорта в рамках ЕАЭС, включая конгрессно-выставочную деятельность, взаимодействию по линии культурно-гуманитарного сотрудничества¹.

Программа мероприятий российского председательства включает в себя рассмотрение первоочередных вопросов взаимодействия и интеграции в рамках ЕАЭС по линии министерств и ведомств, организаций, а также встреч на уровне глав государств и правительств. Предполагалось, что ключевыми событиями станут заседание Высшего Евразийского экономического совета с участием глав государств Союза и заседание Евразийского межправительственного совета, участие в котором примут главы правительств стран ЕАЭС.

Эксперты сходятся во мнении, что перед Российской Федерацией по окончании СВО встанет весьма серьезная проблема – как дальше максимально эффективно интегрировать пространство, которое часто в политологическом дискурсе определяется как постсоветское. Здесь необходим учет опыта других интеграционных объединений, например, СНГ. Очевидно, что в том составе, в котором этот проект стартовал в начале 1990-х гг., мы его уже никогда не увидим. Грузия вышла из организации, Молдова постоянно говорит о выходе, денонсирует соглашения, по сути, пока ее удерживает в организации только зона свободной торговли, Украина

находится в процессе выхода из СНГ. В связи с этим ставка российского политического руководства на проект ЕАЭС оправдана и, как представляется большинству отечественных специалистов, перспективна. Так, политическое руководство Армении, которое в последние годы часто обозначает свое скептическое отношение, в частности, к Организации договора о коллективной безопасности, соглашается, что развитие ЕАЭС идет успешно².

Вопросы дальнейшего развития интеграционных процессов в ЕАЭС на среднесрочную и долгосрочную перспективы обсуждались в Армении на внеочередном заседании Евразийского Межправительственного Совета в конце августа 2023 г. Большое внимание на заседании было уделено именно «укреплению существующих форматов взаимодействия с другими странами и налаживанию контактов с потенциальными партнерами»³. В целом, правительство РФ демонстрирует подход, в рамках которого факторы, неизбежно возникающие при глобальной трансформации мирового порядка (санкционная политика Запада, возникновение новых и обострение старых конфликтов и проч.), не должны негативно влиять на перспективы ЕАЭС, а наоборот, должны стимулировать региональную интеграцию.

Об уверенности в дальнейшем успехе развития ЕАЭС свидетельствуют и весьма амбициозные и отражающие потребности времени планы на год председательства России в Организации. В частности, обсуждению приоритетов российского председательства были посвящены парламентские слушания, прошедшие в Государственной Думе ФС РФ 18 апреля 2023 г. Автором настоящей публикации были направлены рекомендации по

¹ Президент Евразийской Ассоциации Бизнеса (ЕАБ) Максим Чистяков оценил перспективы председательства России в ЕАЭС в 2023 году // Регионы России. 14.12.2022. URL: <https://www.gosrf.ru/prezident-eab-maksim-chistyakov-ocenil-perspektivy-predsedatelstva-rossii-v-eaes-v-2023-godu/> (дата обращения: 12.08.2023).

² Пашинян заявил об успешном развитии ЕАЭС. 25.08.2023 // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18581259> (дата обращения: 25.08.2023).

³ Премьеры стран ЕАЭС начали заседание межправсовета ЕАЭС. 25.08.2023 // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18580709?ysclid=llq5s1gres728222783> (дата обращения: 25.08.2023).

приоритетам российской политики в период председательства в объединении в итоговый документ, подготовленный к слушаниям (где, в частности, фигурировал вопрос создания Евразийской парламентской ассамблеи), затем, на самих слушаниях автор выступила с докладом, содержащим рекомендации. Представленные на парламентских слушаниях рекомендации автора во многом опирались на отчет проекта «Точки Роста: восточный вектор евразийской интеграции» по итогам ситуационного анализа, проведенного в рамках экспертной сессии «Точки Роста – Киргизия» (Кыргызская Республика, 29.09.2022). В ситуационном анализе принимали участие эксперты (включая автора) – представители стран участниц ЕАЭС. Важно отметить, что результаты ситуационного анализа показали проблему во многом методологического свойства – крайне близкий горизонт планирования в условиях СВО и в связи с этим необходимость прорабатывать проблемы условно надстроечного характера, очевидность которых несомненна в контексте СВО или вне этого контекста. Так, центральное место в рамках дискуссии заняла проблема выработки идеологической базы интеграции при том, что эксперты достаточно много внимания уделили экономике, сфере государственного строительства и общественной сфере.

Задачи развития евразийской интеграции в рамках ЕАЭС. По мнению участников ситуационного анализа, представляющих разнообразные экспертные структуры государств-членов ЕАЭС, создание общей идеологической базы евразийской интеграции является неперенным и ключевым условием поступательного развития объединения. При этом необходимо последовательно решить следующие задачи:

- формирование общей евразийской идентичности, непротиворечащей интересам всех народов Евразии, культивирующей взаимную комплиментарность, общие представления об историческом прошлом и единой судьбе;

- выработать 5-7 принципов евразийства, которые могут быть приняты в качестве

идейной основы всеми участниками евразийской интеграции;

- разработать концепции традиционных ценностей как основы развития евразийских государств;

- инициировать разработку и реализацию «живых» проектов, направленных на формирование объективного образа стран-участниц ЕАЭС в Евразийском макрорегионе и в мире и др.

Результатом ситуационного анализа по экономическому блоку как ключевому направлению деятельности ЕАЭС стала констатация внешней технологической зависимости государств, входящих в объединение, которая возникла из-за разорванности воспроизводственных контуров национальных инновационных систем, и постоянного недофинансирования исследований и разработок (особенно в сравнении с уровнем развитых стран). Таким образом, в сфере экономики эксперты сосредоточили внимание как на устранении проблем, которые носят системный характер внутри контура объединения, так и на создании новой концептуальной основы и расширении технологической базы взаимодействия государств-членов ЕАЭС по разным направлениям:

- разработка и внедрение принципов «евразийского консенсуса» (взамен «вашингтонского консенсуса»);

- совместные усилия по решению «водной проблемы» и примыкающей к ней проблемы энергодефицита в Центральной Азии (часто выступают в качестве инструмента манипулятивного влияния извне на государства и общества в регионе);

- создание Евразийского бизнес-сообщества и его системная поддержка;

- введение цифровой валюты ЕАЭС;

- инвестиции в наукоемкие отрасли государств-членов ЕАЭС (общий фонд инвестиций в науку ЕАЭС и пр.);

- введение общей системы защиты потребителей на пространстве ЕАЭС и др.

Большое внимание эксперты уделили вопросам развития общественной сферы, образования и науки. По результатам анализа было предложено активизировать усилия на следующих направлениях:

- проведение комплексного мониторинга настроений внутри евразийского общества и выработка на основе анализа данных мониторинга принципов общественного развития в странах ЕАЭС;

- развитие общеевразийской системы образования и науки;

- разработка и введение общей наукометрии на пространстве ЕАЭС;

- решение проблемы модернизации общества в цифровом пространстве и др.

Наконец, в сфере государственного строительства в целях развития евразийской интеграции эксперты сосредоточили внимание на следующих задачах:

- реализация проактивной внешней политики ЕАЭС и выход на формирование общего пространства безопасности;

- повышение уровня взаимного доверия между странами-участницами ЕАЭС на всех уровнях;

- реализация концепции «слышащего государства», институализация обратной связи между обществом и государством;

- усилия по укреплению информационного суверенитета стран-участниц ЕАЭС;

- введение единого цифрового паспорта ЕАЭС и др.

Специалисты полагают, что введение в актуальную повестку ЕАЭС хотя бы части из предложенного в рамках экспертной сессии могло бы обозначит новые векторы интенсивного развития организации. А нарастание напряженности в ходе гибридной войны, ведущейся Западом против России, определяет необходимость наращивания усилий по «спайванию» членов ЕАЭС на взаимоприемлемой основе.

Безусловно, военно-политическое противостояние в Восточной Европе проецируется на макрорегиональный и глобальный уровни, что не может не сказываться на интеграционных процессах в Евразии. Несмотря на существующие внутри Запада противоречия, страны, составляющие костяк блока НАТО, сплотились и выступают единым фронтом против России и ее немногочисленных союзников. Ситуация усугубляется тем, что ряд стран постсоветского пространства, такие как Молдова и Грузия, также

присоединились к антироссийским санкциям. Более того, по ряду вопросов неоднозначную позицию занимают элиты и стран-участниц ЕАЭС. Такой расклад сил, который наиболее ярко проявил себя с началом СВО, показывает «усеченное единство» в рамках тех интеграционных проектов на постсоветском пространстве, где в качестве ядра выступает Российская Федерация. Как отметили эксперты в ходе обсуждения на экспертной сессии влияния фактора СВО на евразийскую интеграцию, ее перспективы во многом будут зависеть от успехов России в СВО. Эксперты констатировали: «никто не желает быть в союзнических отношениях со слабым игроком». Отсутствие какой бы то ни было поддержки России в СВО со стороны союзников по ЕАЭС и ОДКБ произвело на Москву во многом отрезвляющий эффект. Скептики отмечают, что ослабления в местах крепления интеграционных механизмов показали возможность полного разрушения этих механизмов (показательна политика Армении по линии ОДКБ, например) с тяжелейшими последствиями даже для тех интеграционных инициатив, реализация которых за прошедшие годы существенно продвинулась.

Вышеуказанные обстоятельства учитываются в политике США, Великобритании и их союзников в ЕС, а также Турцией. Они возникли во многом благодаря системным усилиям Вашингтона и Лондона, и они же создают новые возможности для сокращения сферы геополитического влияния России (в действительности Запад готов пойти дальше – вплоть до расчленения России и установления оккупационных администраций в традициях неокOLONиализма). Поэтому особое внимание элитами США и Великобритании уделяется именно этой цели – лишению России союзников и партнеров. Ее проще достичь путем разрушения интеграционных проектов с тем, чтобы не только сократить возможности социально-экономического развития России (сложно) и ее союзников (возможно и чувствительно), но и показать всем сочувствующим Москве, что та не способна позаботиться о своих партнерах и

союзниках и не является весомым геополитическим субъектом. Именно поэтому западная пропаганда склонна определять любые успехи России по налаживанию взаимовыгодного сотрудничества (согласно отчетам ЕАЭК, сотрудничество экономически выгодно прежде всего контрагентам России, а не ей самой, Россия скорее выступает донором) как имперскую политику Москвы и попытку возродить СССР.

Вместе с тем, спустя полтора года с начала СВО Правительство РФ обнародовало следующие результаты сотрудничества в рамках ЕАЭС (спустя полгода с начала российского председательства в Организации)¹:

- страны ЕАЭС продолжает выступать надежными поставщиками сельскохозяйственных товаров;

- тема продовольственной и энергетической безопасности приобретает все большее значение на фоне сложностей с поставками зерна на мировые рынки;

- страны ЕАЭС серьезно продвинулись в углублении промышленной кооперации, за первое полугодие 2023 г. промышленное производство в ЕАЭС выросло на 3%;

- большинство взаиморасчетов в ЕАЭС происходит в национальных валютах, 80% банков государств-членов организации подключились к системе передачи финансовых сообщений;

- страны ЕАЭС способны найти взаимоприемлемые решения по самым сложным вопросам и пр.

Указанные достижения ЕАЭС в новых геополитических условиях, позволили российскому политическому руководству констатировать, что ЕАЭС в настоящее время играет роль одного из полюсов формирующегося многополярного мира и что в настоящее время организация проходит проверку на прочность в условиях давления со стороны коллективного Запада и уже не раз доказывала свою состоятельность. В повестке ЕАЭС значимое место по-прежнему занимает открытость для новых партнеров и их

присоединение к ядру организации в целях участия в формировании Большого евразийского партнерства.

¹ Из заявления Председателя правительства на заседании Евразийского межправительственного совета в Армении 24 августа 2023 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абросимов Н.В., Шевченко Д.Г.* Разноскоростная интеграция в региональных объединениях // Экономические стратегии. 2017. № 5. С. 36-41.
- Бирюков С.В., Барсуков, А.М., Березняков, Д. В., Козлов С. В.* Проблемы и перспективы расширения ЕАЭС // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 131-142.
- Глазьев С.* О подходах к политике опережающего развития ЕАЭС. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. №17(1). С. 9-12.
- Джанталеева М.Ш.* Перспективы расширения и развития ЕАЭС // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 91-97.
- Ибрагимов А.Г.* ЕАЭС: проблемы и перспективы // Постсоветские исследования. 2018. Т.1. №8. С. 756-764.
- Пивовар Е. И.* Евразийский интеграционный проект: предпосылки, становление, развитие. Глобальные процессы на постсоветском пространстве / Е. И. Пивовар. - Санкт-Петербург : Алетейя, 2019.
- Рахимов К.К., Азизова А. Б.,* Перспективы разноскоростной интеграции в ЕАЭС. - Геоэкономика энергетики. 2021. № 4 (16). С. 109-119;
- Чуфрин Г.К.* К вопросу о перспективах развития ЕАЭС / Г. К. Чуфрин // Россия и новые государства Евразии. 2020. С. 11-24.
- Abaidyllaeva M., Arupov, A.* Basic preconditions for the development of Eurasian integration in modern conditions // International Journal of Innovative Technologies in Economy. 2015. No. 1(1). Pp. 47-54.
- Dragneva R., Wolczuk, K.* Eurasian economic integration: Law, policy and politics. Cheltenham, UK, and Northampton, MA: Edward Elgar. 2013.
- Dutkiewicz P., Sakwa, R.* (Eds.) Eurasian integration — the view from within. London: Routledge. 2014.
- Laumulin M.* Eurasian integration: views and opinions // Central Asia and the Caucasus. 2014. Vol.15. No. 3. Pp.40-54.
- Neshataeva, T.* Eurasian Integration: General Values and Legal Institutions // Pravosudie/Justice, 2020. No. 2(3). Pp. 62-85.
- Sutyryn V.V.* Special military operation in Ukraine: consequences for the EAEU and eurasian integration // Russia in Global Affairs. 2022. Pp. 159-160.
- Tarr D.G.* The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can it succeed where its predecessor failed? Eastern European Economics. 2016. №54(1). Pp.1-22.
- Tsyvk A.V.* “Greater Europe” or “Greater Eurasia”? In search of new ideas for the Eurasian integration // RUDN Journal of Sociology. 2018. Vol. 18. No. 2. Pp. 262-270.

REFERENCES

- Abrosimov N.V., Shevchenko, D.G.* Diverse-Speed Integration in Regional Associations // Economic strategies. 2017. No. 5. Pp. 36-41.
- Biryukov S., Barsukov, A., Bereznyakov, D., Kozlov, S.* Prospects and problems of EAEU expansion // Svobodnaya mysl [Free Thought]. 2016. No. 5. Pp. 131-142.
- Glazyev S.Yu.* On Approaches to the Policy of Advanced Development of the EAEU // Eurasian Integration: economics, law, politics. 2023. No. 17(1). Pp.9-12.
- Dzhantaleeva M.Sh.* Prospects for EAEU expansion and development. Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022. No. 1 (70). Pp. 91-97.
- Ibrahimov A.G.* Eurasian Economic Union: problems and prospects // Post-Soviet studies. 2018; Vol.1. No.8. Pp. 756-764.
- Pivovar E.I.* Evraziyskiy integratsionnyy proekt: predposylki, stanovlenie, razvitie. Globalnye protsessy na postsovetskom prostranstve [Eurasian integration project: prerequisites, formation, development. Global processes in the post-Soviet space]. St. Petersburg: Aleteyya; 2019.

- Rakhimov K.K., Azizova, A.B.* Prospects for Multi-Speed Integration in the EAEU // *Geoeconomics of Energetics*. 2021. No. 4 (16). Pp. 109-119.
- Chufrin G.K.* К вопросу о перспективах развития ЕАЭС [On the prospects for the development of the EAEU]. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the new states of Eurasia]. 2020. No. 4 (49). Pp. 11-24.
- Abaidyllaeva M., Arupov, A.* Basic preconditions for the development of Eurasian integration in modern conditions // *International Journal of Innovative Technologies in Economy*. 2015. No. 1(1). Pp. 47-54.
- Dragneva R., Wolczuk, K.* Eurasian economic integration: Law, policy and politics. Cheltenham, UK, and Northampton, MA: Edward Elgar. 2013.
- Dutkiewicz P., Sakwa, R.* (Eds.) Eurasian integration — the view from within. London: Routledge. 2014.
- Laumulin M.* Eurasian integration: views and opinions // *Central Asia and the Caucasus*. 2014. Vol.15. No. 3. Pp.40-54.
- Neshataeva T.* Eurasian Integration: General Values and Legal Institutions // *Pravosudie/Justice*, 2020. No. 2(3). Pp. 62-85.
- Tarr D.G.* The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can it succeed where its predecessor failed? *Eastern European Economics*. 2016. №54(1). Pp.1-22.
- Tsvyk A.V.* “Greater Europe” or “Greater Eurasia”? In search of new ideas for the Eurasian integration // *RUDN Journal of Sociology*. 2018. Vol. 18. No. 2. Pp. 262-270.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Харитоновна Наталья Ивановна,
доктор политических наук, доцент, главный
научный сотрудник Российский
государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия. E-mail:
natahari@yandex.ru

Natalia I. Kharitonova, DSc (Political
Sciences), Associate Professor, Chief
Researcher Russian State University for the
Humanities, Moscow, Russia. E-mail:
natahari@yandex.ru

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ / SECURITY THREATS IN THE POST-SOVIET SPACE

Научная статья / Research article

Источник угроз международной безопасности на постсоветском пространстве: «цветные» и гибридные революции

И. С. Дерико

*Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: isaew001@mail.ru*

Аннотация. Данная статья исследует феномен «цветных революций» как механизм общественно-политических преобразований. Постсоветское пространство сегодня представляет собой значимый регион в сфере международной политики. В течение последних десятилетий этот регион стал свидетелем ряда политических изменений, включая так называемые «цветные революции». В статье анализируется влияние внешней политики стран Запада на внутривнутриполитические события, происходившие в Грузии и Украине в период революций. В ходе исследования делается вывод о том, что «цветные революции» представляют собой средство принудительной трансформации политической власти и являются источником угрозы международной безопасности в современном мире. Анализируя факторы, которые способствуют возникновению и развитию «цветных революций», в статье освещается внешнее влияние на эти процессы. В частности, автором исследуется роль государств-спонсоров, международных организаций и неправительственных организаций в поддержке оппозиционных движений и организации протестов. Проведя анализ революционных процессов в Грузии и Украине, в данной статье подчеркивается, что «цветные революции» представляют серьезную угрозу международной безопасности в свете их влияния на политическую стабильность, внутренние потрясения и возможные конфликты не только на национальном уровне, но и в региональном контексте. В связи с этим, возникает настоятельная необходимость более тщательного и глубокого исследования механизмов, факторов, а также причин и последствий, связанных с «цветными революциями», с целью разработки эффективных стратегий управления и поддержания международной безопасности в данный период времени. Исследование этих «цветных революций» является необходимым для более глубокого и всестороннего анализа современных политических тенденций и вызовов в данном регионе.

Ключевые слова: «Революция роз», «Оранжевая революция», постсоветское пространство, смена власти, политические технологии, «цветные революции», Украина, Грузия.

Для цитирования: Дерико И.С. Источник угроз международной безопасности на постсоветском пространстве: «цветные» и гибридные революции // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):890-902.

The source of threats to international security in the post-Soviet space: «color» and hybrid revolutions

Ivan S. Deriko

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: isaew001@mail.ru*

Abstract. This article examines the phenomenon of «color revolutions» as a mechanism of socio-political transformations. The post-Soviet space today represents a significant region in the field of international politics. Over the past decades, this region has witnessed a series of political changes, including the so-called "color revolutions." The article analyzes the influence of Western

countries' foreign policies on the domestic political events that occurred during the revolutions in Georgia and Ukraine. The research concludes that «color revolutions» serve as a means of forced transformation of political power and pose a threat to international security in the modern world. By examining the factors contributing to the emergence and development of «color revolutions», the article sheds light on external influences on these processes. In particular, the author investigates the role of sponsoring states, international organizations, and non-governmental organizations in supporting opposition movements and organizing protests. Through analyzing the revolutionary processes in Georgia and Ukraine, the article emphasizes that «color revolutions» pose a significant threat to international security due to their impact on political stability, internal turmoil, and potential conflicts not only at the national level but also within the regional context. Therefore, there is an urgent need for a more thorough and in-depth study of the mechanisms, factors, as well as the causes and consequences associated with «color revolutions» to develop effective strategies for managing and maintaining international security in the present time. Researching these «color revolutions» is crucial for a deeper and comprehensive analysis of contemporary political trends and challenges in the region.

Key words: «Rose Revolution», «Orange Revolution», post-Soviet space, change of power, political technologies, «color revolutions», Ukraine, Georgia.

For citation: Ivan S. Deriko. The source of threats to international security in the post-Soviet space: «color» and hybrid revolutions // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023; 8(6):890-902. (In Russ.).

Постсоветское пространство, состоящее из стран, ранее входивших в СССР, сегодня является одним из ключевых регионов международной политики. На протяжении последних десятилетий этот регион стал свидетелем множества политических изменений, включая так называемые «цветные революции». Цветные революции - это серия массовых протестов и гражданских движений, которые привели к смене власти в нескольких странах по всему миру. Термин "цветные революции" был введен американскими политологами и учеными по политическим наукам. Главными исследователями, которые приложили усилия к разработке этого концепта, являются П. Дюн, Т. Карнау и Д. Коэн.

Л. Митчел в работе «The Color Revolutions» изучал феномен массовых протестов и гражданских движений в различных странах. Он пришел к выводу, что «цветные революции» представляют собой новую форму политической мобилизации, где определенные символы и тактики используются для достижения политических целей [Митчел 2012: 98].

Т. Карнау, профессор политических наук из Специальной школы науки и технологий, и Д. Коэн, из Стэнфордского

университета, также внесли значительный вклад в исследование и анализ цветных революций. Они анализировали стратегии и тактики, используемые в этих движениях, и исследовали влияние внешних факторов, включая поддержку и вмешательство со стороны других государств.

Совместные исследования и публикации этих ученых способствовали распространению термина «цветные революции» и его широкому использованию в политической науке и общественном дискурсе.

Цель данного исследования: исследовать такие явления как «цветные революции» и гибридные революции как основные угрозы безопасности на постсоветском пространстве.

В рамках исследования был проведен системный анализ для изучения цветных и гибридных революций на постсоветском пространстве и их влияния на международную безопасность. Была проанализирована взаимосвязь между различными факторами, такими как социальные, политические, экономические и культурные, а также их взаимодействие с внешними акторами и системами.

Кроме того, был проведен сравнительный анализ стран на

постсоветском пространстве, чтобы выявить общие факторы и особенности, связанные с цветными и гибридными революциями и их влиянием на международную безопасность.

Современные международные отношения характеризуются дестабилизацией всего мирового социально-экономического и политического порядка. Процесс дестабилизации обусловлен исчерпанием возможностей существующих моделей государственного устройства и вступлением стран в фазу крупных потрясений, несущих угрозу международной безопасности. В этой связи события, происходящие на постсоветском пространстве в начале XXI столетия и получившие наименование «цветные революции», стали угрозой действующим системам независимых государств.

«Цветные революции» на постсоветском пространстве имеют долгосрочное воздействие на политическую, экономическую и социальную ситуацию в регионе. Их последствия могут затрагивать интересы многих государств и международных организаций. Поэтому важно проводить дальнейшие исследования и анализировать причины и последствия цветных революций с целью разработки комплексных подходов к обеспечению международной безопасности на постсоветском пространстве.

Цель исследования – проведение анализа использования технологий «цветных революций» как источника угроз международной безопасности.

В настоящее время большое внимание общественно-политического и научного сообщества уделяется явлению "цветных революций". Этот термин относится к серии массовых протестов, которые привели к смене власти в различных странах, включая Сербию, Грузию, Украину (дважды), Киргизию в 2000-х гг. под воздействием внешних сил. Каждая "революция" была названа уникальным именем и символикой, связанной с различными объектами окружающего мира, цветами, растениями или общественными ожиданиями.

Несмотря на значительное количество исследований, до сих пор отсутствует общепринятое понимание того, какое

событие может быть отнесено к категории «цветной революции», и какова их истинная природа. Также остается вопрос о тонкой грани, которая определяет переход «цветной революции» к «гибридной революции» современного типа и другим подобным явлениям.

«Цветные революции» и гибридные революции - это два разных понятия, которые относятся к политическим процессам, но имеют некоторые различия в своей сущности.

«Цветные революции» - это форма гражданских протестов, направленных на свержение режима или изменение политической системы в стране. Они получили свое название от цветных символов, которые ассоциировались с различными движениями, например, «Оранжевая революция» на Украине и «Революция роз» в Грузии. Цветные революции обычно характеризуются массовыми демонстрациями, забастовками, голодовками и другими формами гражданского неповиновения. Они могут быть поддержаны внутренними и внешними силами, и часто сопровождаются использованием социальных и информационных технологий для организации и мобилизации протестующих.

Гибридные революции - это более широкий и комплексный термин, который охватывает политические процессы, объединяющие различные инструменты и методы для достижения своих целей. Гибридные революции могут включать в себя элементы цветных революций, такие как массовые протесты и акты гражданского неповиновения, но также включают другие аспекты, такие как информационная война, дезинформация, экономическое давление, кибератаки, и т. д. Гибридные революции стремятся повлиять на политические процессы в стране, изменить структуру власти и достичь своих целей через комплексное воздействие на общество и политическую систему.

Гибридные революции активно используют информационные технологии и социальные медиа для организации и мобилизации масс. Они стараются контролировать информационное

пространство, распространять дезинформацию, манипулировать общественным мнением и влиять на политическую атмосферу. «Цветные революции», хотя и могут использовать социальные медиа и информационные технологии, не столь активно оперируют этими методами, как гибридные революции.

Исследователи продолжают анализировать историю и последствия «цветных революций», изучая их социальные, политические и экономические аспекты. Они стремятся выявить общие тенденции и факторы, способствующие возникновению и развитию подобных протестных движений. Это позволяет лучше понять сложные процессы, происходящие в обществе и политике, а также их влияние на международные отношения и глобальную политическую арену. [Гапич 2014: 13].

Таким образом, в научном сообществе продолжается активное обсуждение и исследование "цветных революций" с целью установления их сущности, характеристик и последствий, а также для определения их связи с другими формами политических конфликтов и процессов.

«Цветные революции» характеризуются широким участием гражданских организаций, молодежных групп и политических активистов, которые выражают свое недовольство политическим режимом, коррупцией и нарушениями избирательного процесса.

Однако, несмотря на обещания демократии и свободы, которые сопровождали эти революции, они также стали источником не только для международной безопасности, но и причиной усугубления внутривнутриполитического конфликта в ряде стран, к примеру, в Грузии и Украине.

Следует отметить, что феномен «цветных революций» зачастую возникает под давлением внешних сил. И уже давно стал инструментом в арсенале стран Запада, который обеспечивает решение важнейших задач без применения вооруженной борьбы и методов военного противостояния. Политические технологии, которые несут в себе реорганизацию в государстве,

применяются в период электорального цикла. Учитывая глобальную нестабильность, становится крайне необходимо изучать феномен «цветных революций» в условиях международной напряженности.

Так, «цветные революции» представляют собой процедуру смены управляющих порядков под давлением многочисленных уличных акций неповиновения и при помощи финансируемых из-за границы неправительственных организаций¹.

Влияние внешних сил:

«Цветные революции» на постсоветском пространстве непосредственно связаны с вмешательством внешних сил. Различные государства и международные организации используют политические потрясения и нестабильность для достижения своих геополитических целей. Это может включать в себя поддержку оппозиционных движений, финансирование массовых протестов или даже организацию революционных ситуаций. Такое влияние внешних сил может усугубить политические конфликты и привести к дальнейшей дестабилизации региона.

Слабость государственных институтов:

Одной из причин возникновения цветных революций в постсоветском пространстве является слабость государственных институтов. Во многих странах в качестве «катализатора» использовались проблемы с коррупцией, нарушением прав человека и непрозрачностью политического процесса. Эти проблемы становятся источником неудовлетворенности населения и массовых протестов, которые могут внешне силы, могут использовать как повод для реализации цветных революций. Неспособность государственных институтов эффективно реагировать на эти протесты может привести к дестабилизации и конфликтам, что негативно сказывается на международной безопасности [Гришин 2015: 99].

¹Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко.../ С. Г. Кара-Мурза [и др.]. – 2005. – URL: <http://www.karamurza.ru/books/export/Chapter002.html>

Цветные революции имеют потенциал для распространения нестабильности на региональном уровне. Политические потрясения в одной стране могут повлиять на соседние государства и вызвать цепную реакцию событий. Это может привести к межэтническим конфликтам, региональным спорам и даже вооруженным конфликтам. Распространение нестабильности в регионе угрожает международной безопасности, особенно если эти конфликты имеют потенциал перерасти в глобальные проблемы.

Кроме того, «цветные революции» могут привести к потере контроля к потере контроля со стороны властей над некоторыми регионами страны. Переход к новому политическому режиму может вызвать хаос и неопределенность. Это создает условия, которые могут быть использованы экстремистскими группировками, наркоторговцами и террористическими организациями для расширения влияния и деятельности. Такая потеря контроля может привести к росту преступности, незаконной торговле и транснациональным угрозам, которые негативно сказываются на международной безопасности [Лейн 2010: 19].

Внешние акторы включая США и Европейский союз, предоставляют финансовую помощь оппозиционным группам и неправительственным организациям, которые активно участвуют в массовых протестах. Это включает финансирование медиа, обучение активистов, организацию кампаний и другие виды поддержки.

Внешние силы оказывают дипломатическое давление на режимы, которые они считают недемократическими или нарушающими права человека. Они выражают свою поддержку оппозиционным силам и призывают к демократическим изменениям в стране. К примеру Дж. Буш в 2005 году, в ходе своей встречи с Саакашвили заявил: «Грузия строит демократическое общество, в котором уважаются права меньшинств; где процветает свободная пресса; где приветствуется энергичная оппозиция и где единство достигается через мир». Позже

президент США он также пообещал Саакашвили: "У тебя есть солидный друг в Америке"¹.

Зачастую западные СМИ и социальные сети, играют важную роль в информационной поддержке оппозиции и распространении информации о протестах. Они могут обеспечивать платформу для оппозиционных групп и активистов, чтобы сообщать о нарушениях прав человека и коррупции, и привлекать внимание международного сообщества.

Техническая помощь так же является важным фактором в реализации цветных революций. Внешние силы предоставляют техническую помощь оппозиционным силам в области организации митингов, использования социальных сетей и технологий связи для координации действий и мобилизации сторонников [Пономарев 2012: 64].

Глобальные протесты, зарубежная помощь оппозиционных компаний, тяготеющих к смене власти, присутствуют в каждой революции. В данной взаимосвязи суть цветных революций лучше всего выявляется в сопоставлении с классическими революциями XIX-XX столетий. Они выступают, в первую очередь, духовно-нравственным, идеологическим поворотом и затрагивают все без исключения уровни и круги общества (экономику, политику, культуру, общественную организацию, повседневную жизнь индивидов и так далее), социально-политические и экономические институты перестраиваются уже после присвоения власти революционерами, а вносимые перемены исключительно быстры [Голдстоун 2016: 190].

«Цветные революции» являются формой массовых протестов и политической активности, характеризующихся широким использованием непосредственных действий граждан, медиа-кампаний и социальных сетей. Они обычно происходят в странах с авторитарными режимами или имеющих проблемы с развитием

¹ Bush: Georgia 'beacon of liberty' // CNN. – 2005. – URL:<https://edition.cnn.com/2005/WORLD/europe/05/10/bush.tuesday/>

демократического общества [Бочанов 2014: 163].

«Цветные революции» зачастую используют определенные тактики и стратегии, которые повторяются в различных случаях. Они обычно включают мирные протесты, гражданское неповиновение, использование социальных медиа и других средств коммуникации для мобилизации и координации протестующих. Эти движения также стремятся привлечь внимание международного сообщества и оказать давление на политическую элиту.

Таким образом, цветные революции можно рассматривать как новую форму общественно-политических технологий, поскольку они используют различные методы и стратегии для достижения своих целей. Они основаны на комбинации насильственных и ненасильственных способов воздействия, включая технологии коммуникации и управления общественным сознанием.

Вопреки тезису о том, что, цветные революции являются инструментом демократизации и способствуют восстановлению демократических свобод в странах с авторитарными режимами и в странах с переходными формами демократии. По факту же происходит насильственный демонтаж легитимной государственной власти, то есть государственный переворот. Результат государственного переворота, осуществленного с помощью технологий цветных революций, – перманентная политическая и социально-экономическая дестабилизация и хаос, которые могут выходить за пределы страны и распространяться на весь регион.

Демонтируя политические режимы, «цветные революции» и их лидеры не предлагают ни обществу, ни государству ничего, кроме абстрактных идей «демократизации», под которыми они понимают унификацию общества под стандарты и ценности западных либеральных демократий. Как итог, возникает новый очаг международной напряженности.

«Цветные революции» не соответствуют классическому представлению о революциях, и поэтому их предпосылки и пути реализации отличаются. В исследовании директора Института стран СНГ К. Ф. Затулина были определены соответствующие предпосылки цветных революций на постсоветском пространстве. Они включают полный общественно-политический и финансовый крах в странах, где происходят такие революции, внешнее влияние и недостаток необходимых мер противодействия данному воздействию [Бочанов 2014: 141]. Таким образом, по мере становления новых государств на постсоветском пространстве наблюдалось усиление влияния неформальных институтов, что приводило к ослаблению президентской власти, особенно на региональном уровне.

Также стоит отметить, что внешнеполитический курс этих государств основывается на стремлении сформировать равновесие в отношениях с Россией и Соединенными Штатами, а также на "маневрировании" между ними. В современном открытом обществе потеря собственных целей приводит к замещению их чужими целями. Это означает, что граждане отказываются от своих собственных личных целей и идеалов, их взгляды и убеждения подвергаются воздействию и манипуляции со стороны внешних сил и интересов.

В целом, «цветные революции» представляют сложное явление, которое требует глубокого исследования. Взаимодействие между внутренними и внешними факторами, влияние неформальных институтов и потеря собственных целей создают особую динамику, которая формирует ситуацию для возникновения и развития цветных революций. [Гапич 2014: 72].

Особую значимость в «цветных революциях» играют непосредственно цвет и символика, так как конкретно знаковые системы, в отличие от содержательной вербальной коммуникации, оказывают влияние на фундаментальные сферы психики. Символика является основной

частью цветной революции. Она должна быть узнаваемой и свободно применяемой в публичных местах. Общественно-политический символизм вносится, в первую очередь, в политически нейтральные пространства [Голдстоун 2016: 195].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что многомерное сочетание технологий цветных революций используется с целью достижения разрушительных целей. Их применение в конфликтных ситуациях позволяет достигать поставленных целей без прямого военно-силового вмешательства, что является источником угрозы для международной безопасности.

Один из примеров такой цветной революции - "Оранжевая революция" на Украине в период с 2004 по 2005 гг. Эта революция началась 21 ноября 2004 г., уже после объявления предварительных результатов президентских выборов. Поводом для начала протестов стали обвинения в фальсификации выборов, по которым утверждалось, что кандидат от правящей власти Янукович В. Ф. обошел своего оппозиционного соперника Ющенко В. А. на три процента. Предпосылками для возникновения этой революции стали также осложнения в общественно-политической и социально-экономической обстановке на Украине осенью 2004 г. [Гришин 2015: 192].

Так же стоит отметить, что несколько позднее и Киргизия столкнулась с цветной революцией. «Тюльпановая революция», которая произошла в Киргизии в 2005 г., была массовым народным движением, направленным против режима президента Аскара Акаева. Революция получила свое название от символа протестов - тюльпанов, которые рассматривались как символ свободы и демократии.

Революция началась с массовых протестов, организованных оппозиционными силами, которые заявляли, что они не согласны с коррупцией, авторитарным управлением и нарушениями избирательных процессов. Протесты включали митинги, шествия и блокирование правительственных зданий. Оппозиция использовала различные инструменты для мобилизации народа, включая социальные

сети, радио, телевидение и другие средства массовой информации.

Одним из ключевых факторов успеха революции стала мобилизация оппозиционных сил. Различные политические партии, общественные движения и активисты объединились против президента Акаева.

Кроме того, важную роль сыграло вмешательство внешних сил. Так как революция была поддержана и финансирована из вне. В частности, некоторые политические аналитики и исследователи утверждают, что революционные события были частично организованы и поддержаны Соединенными Штатами и другими западными странами.

Согласно этим утверждениям, иностранные организации и фонды, включая Фонд Сороса и Национальный демократический институт (NDI), могли предоставить финансовую и техническую поддержку оппозиционным силам и неправительственным организациям в Киргизии. Это включало тренинги, консультации и финансирование, направленные на организацию массовых протестов и деятельность оппозиционных групп [Пономарева 2012: 91].

В результате революции Акаев был вынужден покинуть пост президента, а новое правительство было сформировано под руководством оппозиционных лидеров, включая К. Бакиева. Однако после революции Киргизия столкнулась с рядом сложных вызовов, включая политическую нестабильность, коррупцию и экономические проблемы.

«Тюльпановая революция», которая произошла в Киргизии в 2005 г., имела значительные последствия для политической и социальной ситуации в стране. Некоторые из основных последствий включают:

Смена власти: «Тюльпановая революция» привела к свержению президента А. Акаева, который находился у власти с 1990 г.

Политическая нестабильность: после революции Киргизия оказалась в состоянии политической нестабильности и долгое время сталкивалась с периодами

политических противоречий, правительственных кризисов и беспорядков.

Реформы и изменения в системе: «Тюльпановая революция» привела к проведению политических и конституционных реформ. Была принята новая конституция, которая установила парламентскую форму правления и сократила президентские полномочия.

Экономические вызовы: революция оказала отрицательное влияние на экономику страны. Политическая нестабильность и неуверенность в будущем замедлили экономический рост и инвестиции в Киргизию.

Региональные последствия: «Тюльпановая революция» вызвала тревогу у соседних стран и великих держав, таких как Россия, США и Китай. Революция привела к переосмыслению внешней политики Киргизии и изменению баланса сил в регионе.

Долгосрочные эффекты: после революции Киргизия продолжала сталкиваться с политическими напряжениями и конфликтами. Смены правительств, противоречия между различными этническими группами и экономические вызовы оставались актуальными на протяжении последующих лет.

Таким образом, «Тюльпановая революция» имела долгосрочные последствия, которые до сих пор сказываются на политической и экономической ситуации в Киргизии.

Еще одним примером «цветной революции» на постсоветском пространстве является революция в Армении, известная как «вельветовая революция» или «революция нежности», произошла в 2018 г. и стала примером успешного проведения цветной революции, когда под руководством западных координаторов была смещена действующая власть. Рассмотрим некоторые механизмы, которые были характерны для этой революции:

Массовое участие граждан: в революции в Армении активное участие принимали тысячи граждан различных возрастов и социальных групп. Митинги, шествия и

акции гражданского неповиновения были организованы и поддерживались широким слоем населения [Толочко 2012: 109].

Отказ от насилия: Протестующие в Армении придерживались мирного характера своих действий и активно демонстрировали свое нежелание использовать насилие. Это было одним из ключевых принципов движения и способствовало поддержке со стороны международного сообщества и национальных институтов. Это отличает данную цветную революцию от ряда других, так как не была задействована армия в ответ на действия митингующих.

Использование социальных сетей и новых медиа: Социальные сети, такие как Facebook и Twitter, а также мессенджеры, стали важными инструментами для координации и мобилизации протестующих. Они позволили быстро распространять информацию, организовывать мероприятия и выражать свое недовольство властью.

Лидерство оппозиции: Н. Пашинян стал символом и лидером революции. Он был известным оппозиционным политиком и консолидировал различные оппозиционные силы в Армении. Его харизма, речи и способность мобилизовать протестующих стали важными факторами успеха движения.

Роль армии: Ключевым моментом в революции в Армении было то, что армия не вмешалась в события и не поддержала действующий режим [Митчел 2012: 69].

В революции в Армении 2018 г. использовалась определенная символика, которая стала визуальным выражением протестного движения и его целей. Некоторые ключевые символы включали:

Хачкар (каменный крест): Хачкар является национальным символом Армении и был широко использован в качестве символа протестов. Он символизирует армянскую идентичность, национальную гордость и стремление к свободе.

Вельветовая лента: Вельветовая лента стала символом революции в Армении. Лента была изготовлена из бархатистой ткани и носилась на руке или на одежде протестующих.

Жест «Признак победы»: Протестующие использовали жест «Признак победы», который состоял из согнутого указательного и среднего пальцев, а также выпрямленного безымянного и мизинца. Этот жест был широко использован на митингах и фотографиях.

Песня «Давайте кричать вместе»: Одной из самых известных песен, ставших гимном революции в Армении, была песня «Давайте кричать вместе» («Միսիւնի ձայն լրացիւր»). Эта песня, исполненная музыкальной группой Aram MP3 и музыкантом Garik Paryoan, стала гимном протестов [Иглин 2016: 82]. Данные революции имели место быть в начале и середине 2000-х гг. Однако, со временем они эволюционировали в «гибридный формат».

Протесты, которые произошли в Белоруссии в 2020 г., так же можно отнести к цветным революциям на постсоветском пространстве, однако их природа и характер имеют отличия от традиционных цветных революций.

Протесты в Белоруссии начались после президентских выборов 9 августа 2020 г., когда Александр Лукашенко, президент страны уже 26 лет, был объявлен победителем с официальным результатом, вызвавшим широкое недоверие и возмущение населения. Призывы к митингам были опубликованы в различных интернет-ресурсах в СМИ. Протестующие требовали пересмотра результатов выборов и политических реформ, а также освобождения политических заключенных и прекращения насилия со стороны правоохранительных органов.

Протесты в Белоруссии имеют характерные черты цветных революций, такие как массовое участие гражданских организаций и молодежных групп, использование символики и слоганов, и применение некоторых методов гражданского неповиновения, координация протестующих посредством интернет-ресурсов.

В целом политические технологии того периода характеризовались противопоставлением Запада и Востока, спекуляциями на внешне- и внутривнутриполитических, языковых,

национальных и этнокультурных проблемах, вбрасыванием всякого рода фальшивого компромата, что негативно сказывалось на процессе интеграции в данном регионе, а в конечном итоге представляло реальную угрозу национальной безопасности государства.

Революция в Украине не привела к радикальным изменениям в государственном или общественном устройстве, однако она существенно повлияла на определенные области общественных институтов. Один из ярких примеров - впечатляющий рост свободы СМИ после «Оранжевой революции». Несмотря на победу Оранжевой революции, автокефальное сообщество позже разочаровалось: коррупция усилилась, макроэкономика пострадала, а новый лидер не оправдал ожиданий народа и не выполнил обещанных реформ.

Президентские выборы в Украине имели важные последствия не только на внутреннем уровне, но и влияли на международную стабильность, вызывая разногласия между ведущими странами. США видели в демократической ориентации Украины возможность укрепить свои позиции на восточных границах расширенного Евросоюза. С другой стороны, для России Украина являлась важным фактором стабильности на постсоветском пространстве. Географическое положение Украины привлекало внимание международных «игроков», которые тщательно анализировали процесс и результаты президентских выборов в 2004 г. Эти выборы поставили Украину на перекрестке внутренних трансформаций и внешней ориентации, создавая новый очаг международных напряжений [Гриневецкий 2006: 160].

Аналогичные последствия для международной безопасности были связаны с «Революцией роз» в Грузии, которая произошла 22 ноября 2003 г. в Тбилиси. В тот день оппозиции удалось проникнуть в парламент и фактически свергнуть президента Э. Шеварднадзе. Эта революция стала возможной благодаря ранее предоставленной свободе действий лидерам

оппозиции, партиям и обществу в целом, которая отличала Грузию от других стран Кавказа и даже Средней Азии. В период правления Э. Шеварднадзе было создано множество партий и неправительственных организаций, а также сравнительно свободные средства массовой информации. Их возможность маневрировать и действовать привела к эффективному политическому влиянию, которое отражало относительно либеральные взгляды Э. Шеварднадзе и одновременно свидетельствовало о слабости грузинского государства в контроле и кооптации конкурирующих центров власти [Марков 2005: 71].

Запад проявлял заинтересованность в процессе демократизации Грузии, рассматривая ее как естественного союзника в глобальной борьбе с терроризмом. Администрация США выступала за вывод российских военных баз с грузинской территории, но при этом стремилась избегать открытой конфронтации с Россией. США всячески поддерживали развитие событий в Грузии, Кыргызстане и Украине. Кроме того, в стратегии национальной безопасности США 2006 г. отмечено: ««Цветные революции» в Грузии, Украине и Кыргызстане принесли новую надежду на свободу на евразийском пространстве»¹. Таким образом, революционные события в Украине и Грузии имели глобальное значение и вызвали напряженность в международных отношениях, влияя на стабильность и безопасность в регионе.

С помощью СМИ народ был мотивирован к радикальным действиям, поскольку он страдал от коррупции и неправильного управления со стороны правительства. Однако, несмотря на неудовлетворение и разочарование народных масс, протесты не перешли в бездумное насилие и разрушение.

На удивление, как для лидеров движения, так и для обычных людей, грузинский народ смог объединиться вокруг общих целей. Н. Бурджанадзе, бывший

спикер парламента при правительствах Э. Шеварнадзе и Саакашвили, выразила общее мнение о том, что грузины могут вынести многое, за исключением унижения своего достоинства [Ситнова 2011: 75].

Важно отметить, что в результате «Революции роз» в Грузии не произошло значительных демократических преобразований, а скорее произошло перераспределение власти, укрепляющее президентскую автократию. Следует также подчеркнуть, что США использовали технологии цветных революций для достижения своих геополитических целей в регионе, стремясь избежать прямого конфликта с Россией. В этом контексте американская политика была осторожной и избегала провокаций в отношении России, чтобы не вызвать открытого противодействия со стороны последней².

Стоит отметить, что процесс становления Грузии после «Революции роз» был сложным и включал в себя как положительные, так и негативные аспекты. Возникли серьезные вызовы и проблемы, которые требовали значительных усилий для их преодоления в процессе развития страны. Одной из главных задач было достижение стабильности и устойчивости внутри страны, а также укрепление ее позиции в регионе. Грузия активно работала над решением этих вопросов и стремилась справиться с вызовами, чтобы обеспечить благополучие своих граждан и продвинуться вперед по пути развития [Митчел 2006: 32].

Таким образом, «Цветные революции» являются инструментом принудительных политических трансформаций и происходят в период общественно-политической нестабильности в стране, что создает новые очаги напряженности. В условиях отсутствия укоренившихся традиций и культуры политической борьбы массовые акции протеста зачастую становятся единственным средством достижения власти или защиты своих требований. За последние

¹ National Security Strategy // WorldPress. – 2006. – URL. - <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2006/>

² Банс В. «Цветные революции» через выборы: почему они произошли, и кто следующий? // Институт общественного проектирования. - 2016. // <https://uchebana5.ru/cont/2633472.html>

двадцать лет методы захвата власти последовательно эволюционировали от организации мирных массовых акций, направленных на влияние на принятие политических решений, к методам прямого силового захвата власти [Вилков 2017: 31].

Можно выделить ряд угроз, которые возникают в результате проведения «цветных революций»

Распространение нестабильности. «Цветные революции», хотя и преследуют цель демократического развития и смены власти, часто вызывают нестабильность в странах постсоветского пространства. Эти революции могут привести к политическому вакууму, ослаблению государственных институтов и нарушению правопорядка. Нестабильность и потенциальный вакуум власти могут создать благоприятную среду для различных угроз, включая экстремистские группы, транснациональный организованный преступный сектор и террористические организации. Это представляет угрозу не только для стран постсоветского пространства, но и для международной безопасности в целом.

Рост геополитических амбиций. Цветные революции часто влекут за собой глобальное вмешательство и конкуренцию между великими державами, которые стремятся влиять на политическую ситуацию в регионе. Различные государства могут поддерживать определенные политические силы и движения, финансировать оппозицию или даже организовывать информационные кампании и провокации. Это создает напряженность и конфликтные ситуации между внешними акторами, что может повлиять на международные отношения и безопасность в регионе. Геополитическая борьба за влияние может приводить к усилению разделения и конфронтации внутри стран постсоветского пространства, что представляет реальную угрозу для их стабильности и международной безопасности [Голдстоун 2016: 15].

Разрушение региональных отношений. «Цветные революции» могут вызывать напряжение и разрушение региональных отношений. В регионах с сильными этническими и религиозными

различиями, политические изменения, порожденные цветными революциями, могут активизировать конфликты и враждебность между различными группами населения. Это может привести к насилию, эскалации конфликтов и даже к возможности гражданской войны. Такое разрушение региональной стабильности и гармонии имеет далеко идущие последствия для международной безопасности, так как может привлечь внимание и вмешательство других государств, усугубляя ситуацию и возможно приводя к региональным конфликтам.

Экономические последствия. «Цветные революции» также могут иметь негативные экономические последствия для стран постсоветского пространства. Политическая нестабильность и государственный кризис, вызванные сменой власти, часто приводят к экономическому спаду и ухудшению делового климата. Инвестиции сокращаются, экономические реформы замедляются, а неопределенность и риск отпугивают иностранных инвесторов. Это может привести к повышению уровня безработицы, росту социальной напряженности и ухудшению жизненного уровня населения. В свою очередь, такая экономическая нестабильность может способствовать усилению миграционных потоков, включая незаконную миграцию, что может иметь негативные последствия для международной безопасности, включая распространение организованной преступности и транснационального терроризма.

Этнические и социальные разногласия. В ряде случаев «цветные революции» могут усиливать этнические и социальные разногласия в стране. Новое политическое руководство может сталкиваться с вызовами в управлении этническими и социальными конфликтами, что может приводить к напряженности, насилию и разобщенности в обществе.

Разделение общества. «Цветные революции» могут приводить к глубокому расколу общества и повышению политической поляризации. Противоборствующие стороны могут оказывать давление друг на друга, создавая

напряженность и недоверие между различными группами населения. Это может привести к длительному конфликту и дезинтеграции социальной ткани.

Угроза национальной безопасности. «Цветные революции» могут создать уязвимость и угрозу национальной безопасности. В период перехода власти или в условиях политической нестабильности, страна может столкнуться с ухудшением ситуации в сфере обороны, контроля над границами и борьбы с транснациональными угрозами, такими как терроризм, организованная преступность и незаконная миграция.

Институциональная слабость. «Цветные революции» могут ослабить институты государственного управления и правопорядка. Смена политической власти и переход к новым политическим структурам может создать неопределенность и ограничить функционирование ключевых институтов. Это может затруднить процесс принятия решений, снизить эффективность государственного аппарата и повысить уровень коррупции.

Зависимость от внешних сил. Влияние иностранных государств и организаций на «цветные революции» может создавать проблему зависимости и потерю национального суверенитета. Если внешние акторы финансируют и организуют революции, это может привести к утрате контроля над внутренними делами страны и возникновению внешнего вмешательства.

«Цветные революции» являются источником угроз международной безопасности на постсоветском пространстве. Нестабильность, геополитические интересы, разрушение региональных отношений и экономические

последствия, вызванные такими революциями, могут иметь далеко идущие последствия для стран в этом регионе и для международной общности в целом.

Революционные технологии стали эффективным инструментом сильных государств для распространения своего влияния и достижения политического равновесия в мире. Они обеспечивают смену власти и преобразования в различных регионах, включая постсоветское пространство, и активное участие Западных стран, особенно Англии и США, в этом процессе неоспоримо. Либеральный центр западной культуры служит источником революционных идей и концепций, которые формируют негласный альянс политических партий этих стран.

Однако следует отметить, что феномен «цветных революций» несет в себе постоянную угрозу не только суверенитету государств, но и является источником потенциальных угроз международной безопасности. Массовые протесты и политические потрясения, которые сопровождают эти революционные процессы, могут привести к нестабильности, конфликтам и дестабилизации не только внутри страны, но и в регионе в целом [Вилков 2017: 111].

В свете этих наблюдений становится необходимым более глубокое изучение и понимание механизмов, причин и последствий «цветных революций» с целью разработки эффективных стратегий и подходов к управлению и поддержанию международной безопасности. Необходимо учитывать сложности и риски, связанные с данными революционными процессами, и обеспечить стабильность и безопасность в международном контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голдстоун Д.К. теории революции четвертого поколения // Интелрос. - 2016. // http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf
- Бочанов М.А., Проказина Н.В. Политический процесс современной Украины - управление хаосом? // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2014. - Т.6. - №6-2(28). - С.21-26.
- Вилков М.А., Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. - № 2 (9). – С. 191–196.
- Гатич А.Э., Лушников Д.А. Технологии «цветных революций». - М.: РИОР, 2014. - 132 с.

- Гриневецкий С.Р. Кто выиграет битву за Украину. Сборник статей. Одесса: Астропринт. – 2006. – 50 с.
- Гришин О.Е. Константность политической системы: технологии разрушения // Евразийский юридический журнал. - 2015. - №8 (87). - С.307-309.
- Иглин Д.А. «Цветные революции» на постсоветском пространстве как общественно-политическое явление: определение и основные взгляды. Проблемы постсоветского пространства. – 2016. - № 3 (9). – С. 130–144.
- Марков С. Цветная революция – это новый тип политических технологий по смене политической власти // Комсомольская правда. – 2005. – С. 31.
- Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. [Часть 1] // Свободная мысль. - 2012. - № 1-2. – С. 88–102.
- Ситнова И.В. Сравнительный анализ «цветных революций» в странах постсоветского пространства // Власть. – 2011. – № 5. – С. 145–150.
- Толочко П.П. Украина в оранжевом интерьере. Киев: АДЕФ-Украина. – 2012. – 192 с.
- Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко.../ С. Г. Кара-Мурза [и др.]. – 2005. – URL: <http://www.kara-murza.ru/books/export/Chapter002.html>
- Lane D. "Coloured Revolution" as a Political Phenomenon // Rethinking the "Coloured Revolution" / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 1-23.
- Mitchell L. The Color Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 256 p

REFERENCES

- Goldstoun D. К теории революции четвертого поколения // Intelros. - 2016. // http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf
- Bochanov M.A., Prokazina N.V. Politicheskij process sovremennoj Ukrainy - upravlenie haosom? // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. - 2014. - Т.6. - №6-2(28). - P.21-26.
- Vilkov M.A., Naumov A.O. «Myagkaya sila», «cvetnye revolyucii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka. Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropskikh istoricheskikh issledovanij. – 2017.- № 2 (9). – P. 191–196
- Gapich A.E., Lushnikov D.A. Tekhnologii «cvetnyh revolyucij». - М.: RIOR, 2014. - 132 s.
- Grineveckij S.R. Kto vyigraet bitvu za Ukrainu. Sbornik statej. Odessa: Astroprint. – 2006. – 50 p.
- Grishin O.E. Konstantnost' politicheskoy sistemy: tekhnologii razrusheniya // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. - 2015. - №8 (87). - P.307-309.
- Iglin D.A. «Cvetnye revolyucii» na postsovetском prostranstve kak obshchestvenno-politicheskoe yavlenie: opredelenie i osnovnye vzglyady. Problemy postsovetского prostranstva. – 2016. - № 3 (9). – P. 130–144.
- Markov S. Cvetnaya revolyuciya – eto novyj tip politicheskikh tekhnologij po smene politicheskoy vlasti // Komsomol'skaya pravda. – 2005. – P. 31.
- Sitnova I.V. Sravnitel'nyj analiz «cvetnyh revolyucij» v stranah postsovetского prostranstva // Vlast'. – 2011. – № 5. – S. 145–150.
- Tolochko P.P. Ukraina v oranzhevom inter'ere. Kiev: ADEF-Ukraina. – 2012. – 192 p.
- Ekspert revolyucii. Saakashvili, Yushchenko.../ S. G. Kara-Murza [i dr.]. – 2005. – URL: <http://www.kara-murza.ru/books/export/Chapter002.html>
- Lane D. "Coloured Revolution" as a Political Phenomenon // Rethinking the "Coloured Revolution" / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 1-23.
- Mitchell L. The Color Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 256 p

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дерико Иван Сергеевич, магистр направления «Транснациональные отношения», Южный Федеральный университет, Россия. (E-mail: isaew001@mail.ru).

Ivan S. Deriko, 2nd year Master's student, Transnational Relations, Department of History and International Relations, South Federal University, Russia (E-mail: isaew001@mail.ru).

Сравнительный анализ террористической активности на постсоветском пространстве на примере Таджикистана и Узбекистана

А. О. Атаева

*Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: ataeva-ao@pfur.ru*

А. Е. Баранова

*Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: 1032225281@pfur.ru*

А. О. Найдёнова

*Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: 1032185082@pfur.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема терроризма в двух центральноазиатских государствах с точки зрения теории конструктивизма, которая ставит поведение акторов в прямую зависимость от идеологической подоплеки. Авторами был проведен сравнительный анализ террористической активности в Узбекистане и Таджикистане в период с 2001 по 2021 гг. на основе самостоятельно сформулированных критериев. Проблема терроризма все еще занимает одно из центральных мест в мире. Узбекистан и Таджикистан — два государства, которые имеют общую границу с Афганистаном, являющимся базой для террористов. В связи с этим, для выбранных двух стран, а также для всего центральноазиатского региона в целом, борьба с террористической угрозой — один из приоритетов национальной безопасности. Целью данной работы является выявление особенностей террористической активности в Узбекистане и Таджикистане и влияние экстремистских идеологий на ее динамику за последние 20 лет, в особенности с приходом к власти талибов в Афганистане в 2021 г. Авторами было выявлено незначительное сокращение количества терактов на территории Узбекистана и Таджикистана после смены режима в Афганистане. Сделан вывод о том, что для крупных террористических организаций центральноазиатские страны по-прежнему являются кадровой базой для боевиков, а не конечной целью. В ходе исследования были задействованы следующие методы: анализ, синтез, компаративный анализ. В качестве опорной базы для данного исследования были использованы статьи российских и зарубежных авторов, официальные открытые источники стран СНГ, а также открытые базы данных и статистические источники. Статья содержит таблицы и графики, составленные авторами.

Ключевые слова: терроризм, идеология, Узбекистан, Таджикистан.

Для цитирования: Атаева А. О., Баранова А. Е., Найдёнова А. О. Сравнительный анализ террористической активности на постсоветском пространстве на примере Таджикистана и Узбекистана // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):903-918.

Comparative Analysis of Terrorist Activity in Post-Soviet Countries: The Case of Tajikistan and Uzbekistan

Anzhelika O. Ataeva

*RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
e-mail: ataeva-ao@pfur.ru*

Anna E. Baranova

*RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
e-mail: 1032225281@pfur.ru*

Anastasiia O. Naidonova

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

e-mail: 1032185082@pfur.ru

Abstract. The article examines the problem of terrorism in two Central Asian states from the constructivism theory perspective which puts the actors' behavior in direct dependence on the ideological background. On the basis of the independently formulated criteria the authors conducted a comparative analysis of the terrorist activity in Uzbekistan and Tajikistan in the period from 2001 to 2021. The problem of terrorism still occupies one of the central places in the world. Uzbekistan and Tajikistan are two states that share a common border with Afghanistan which is a base for terrorists. In this regard, combating the terrorist threat is one of the national security priorities for the selected two countries as well as for the entire Central Asian region. The purpose of this work is to identify the features of terrorist activity in Uzbekistan and Tajikistan and the influence of extremist ideologies on its dynamics over the past 20 years, especially with the coming to power of the Taliban (prohibited in the Russian Federation) in Afghanistan in 2021. The authors revealed a slight decrease in the number of terrorist attacks on the territory of Uzbekistan and Tajikistan after the regime change in Afghanistan. It is concluded that for large terrorist organizations Central Asian countries are still a personnel base for militants, and not the goal. The following methods were used during the study: analysis, synthesis, comparative analysis. Articles by Russian and foreign authors, official open sources of the CIS countries, as well as open databases and statistical sources were used as a reference base for this study. The article contains tables and graphs compiled by the authors.

Key words: terrorism, ideology, Uzbekistan, Tajikistan.

For citation: Anzhelika O. Ataeva, Anna E. Baranova, Anastasiia O. Naidonova. Comparative Analysis of Terrorist Activity in Post-Soviet Countries: The Case of Tajikistan and Uzbekistan // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023; 8(6):903-918. (In Russ.).

Теоретико-методологическая база исследования

Теоретико-методологическую базу исследования составляет теория конструктивизма. Первым исследователем, благодаря которому термин «конструктивизм» получил широкое распространение в теории международных отношений, стал американский политолог Н. Онуф. Согласно конструктивистскому подходу к исследованию международных отношений, поведение акторов на мировой политической арене зависит от идеологических факторов [Onuf 2012: 320-325]. Таким образом авторы статьи предпринимают попытку рассмотрения террористических актов на постсоветском пространстве на примере Республики Таджикистан и Республики Узбекистан через призму постулатов конструктивизма, выдвигая гипотезу о том, что основной причиной террористических актов является идеологическая составляющая, заимствованная террористами у таких

террористических группировок, как «Исламское государство» (ИГ)* и Талибан*, которые осуществляют свою деятельность непосредственно вблизи государственных границ Таджикистана и Узбекистана. Таким образом в заключении авторами приведены выводы по итогам проведенного исследования.

Введение

Международный терроризм представляет серьезную угрозу для мира и стабильности во всем мире. В странах СНГ, таких как Таджикистан и Узбекистан, проблема терроризма также является критической. Регион находится в тесном контакте с Афганистаном, где действуют многие террористические группировки, включая «Талибан», «Аль-Каида» и ИГИЛ. В Таджикистане, например, террористические акты совершаются главным образом в районах границы с

* Организации, запрещённые на территории РФ.

* Организации, запрещенные на территории РФ.

Афганистаном, где действуют международные террористические группировки, такие как ИГИЛ и Талибан*. В Узбекистане террористические угрозы связаны с экстремистскими группировками, такими как Исламское движение Узбекистана (ИДУ)*, которые имеют связи с Аль-Каидой и ИГИЛ*. В Узбекистане террористические угрозы связаны с экстремистскими группировками, такими как Исламское движение Узбекистана (ИДУ)*, которые имеют связи с Аль-Каидой и ИГИЛ*.

Как и в других странах, мотивы террористов в Таджикистане часто связаны с религиозной идеологией, экстремистскими взглядами и политическими убеждениями. В основном террористы в Таджикистане связаны с исламскими радикальными организациями, которые провозглашают свои идеалы открыто, например, «Исламское государство» (ИГИЛ), Хизб ут-Тахрир* и т. д.

Очень часто террористы беру на себя ответственность за уголовные преступления, чтобы привлечь внимание к своей идеологии и деятельности. В некоторых случаях мотивы террористов в Таджикистане связаны с их социальным положением и недовольством традиционными ценностями общества. Это может привести к формированию групп, готовых к экстремизму и террористическим действиям.

Кроме того, ряд террористических акций в Таджикистане за последние годы были связаны с международным терроризмом и экстремистскими организациями, действующими за пределами Таджикистана. Это свидетельствует о том, что террористы внутри государства стремятся быть частью глобальной террористической сети и влиять на международную политику.

Мотивы террористов в Узбекистане могут быть разнообразными, но, в целом,

они могут быть связаны с политическими, экономическими и религиозными причинами [Халлыев 2019: 922-933].

Политические мотивы:

- несогласие с режимом президента Узбекистана;
- желание изменить политическую систему в стране;
- борьба за независимость территорий, контролируемых правительством Узбекистана.

Экономические мотивы:

- неудовлетворенность экономическими условиями, высоким уровнем безработицы и низким уровнем жизни;
- желание контролировать и получать прибыль от торговли наркотиками и оружием.

Религиозные мотивы:

- распространение и охрана исламской веры в Узбекистане и за его пределами;
- протест против секуляризации общества и преобладания западной культуры;
- сотрудничество с исламистскими группами на международном уровне.

Одной из причин возникновения международного терроризма в Таджикистане и Узбекистане является бедность и социальная несправедливость. Эти факторы могут привести к радикализации и присоединению отдельных индивидуумов к экстремистским группировкам.

Другой причиной является тот факт, что через указанные государства проходит наркотрафик, а также существует ряд незаконных наркотических сетей, которые финансируют террористические группировки. Таджикистан и Узбекистан являются транзитными странами для наркотиков из Афганистана, что делает их более уязвимыми перед деятельностью международных террористических группировок [Зия 2018: 47-57].

Терроризм в этих странах имеет глубокие корни в истории и культуре региона. Это проявляется через религиозный экстремизм и идеологические разногласия, которые часто приводят к

* Организации, запрещённые на территории РФ.

* Организация, запрещенная на территории РФ.

* Организации, запрещённые на территории РФ.

* Организация, запрещенная на территории РФ.

* Организации, запрещённые на территории РФ.

* Организации, запрещённые на территории РФ.

насилию и конфликтам. Однако правительства Таджикистана и Узбекистана работают над предотвращением террористических актов и созданием условий для политической стабильности и экономического роста в регионе [Рахимов 2019: 1390-1401].

Волны террористической активности на пространстве СНГ

Первая волна связана с распадом Советского Союза и возникновением независимых государств. В этот период террористические группировки, в основном исламистского толка, стремились к установлению своей власти на территории региона. Особенно активны были группировки в Чечне, Дагестане и Таджикистане. Таджикистан переживал гражданскую войну, связанную с внутренними конфликтами, и именно здесь приняли участие боевики из созданной в 1996 г. группировки «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)*. Она занималась не только террористической деятельностью на территории Таджикистана и Узбекистана, но и отправляла боевиков на боевые действия в Афганистан (см. граф. 1).

Вторая волна террористической активности связана с террористическими атаками на США 11 сентября 2001 г. Это вызвало повышенный интерес к региону со стороны международного сообщества и укрепило борьбу с террористической деятельностью внутри стран СНГ. К этому периоду уже были созданы региональные антитеррористические центры, которые действовали в Ташкенте, Бишкеке и Алматы, что породило усиление сопротивления со стороны радикальных движений. Так, в декабре 2002 г. ИДУ* инициировало теракт в Бишкеке, а в мае 2003 г. – в городе Ош. В это время группировка изменила название на «Исламское движение Туркестана»¹.

* Организация, запрещенная на территории РФ.

* Организация, запрещенная на территории РФ.

* Организация, запрещенная на территории РФ.

¹ Политический Экстремизм, Терроризм и СМИ в Центральной Азии [Электронный ресурс] // International Media Support. – Режим доступа: [https://www.mediasupport.org/wp-](https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2012/11/ims-political-extremism-central-asia-RU-2008.pdf)

Третья волна террористической активности на территории рассматриваемых государств, которая началась в конце 2010-х гг., связана с распространением идеологии «Исламского государства» (ИГ)*. Эта группировка начала активно привлекать иностранных бойцов из СНГ, в том числе из Узбекистана и Таджикистана. Непосредственно в регионе их деятельность не отличалась особой активностью в последние годы, хотя нельзя отрицать того факта, что имели место случаи террористических атак в Киргизии и Таджикистане, повлекшие за собой массовые трагедии. Так, в 2019 г. в Таджикистане произошел теракт на посту границы, в результате которого погибли 17 человек, включая 14 солдат².

Лицами, совершившими нападение стали террористы, связанные с ИГИЛ*. В Дангаре в 2018 г. было совершено нападение на иностранных велотуристов, ответственность за которое взяла на себя террористическая организация «Исламское государство»³.

Необходимо отметить, что источники финансирования терроризма в Узбекистане и Таджикистане могут быть различными и включать в себя как местные, так и международные факторы. Некоторые из возможных источников финансирования терроризма в регионе могут включать:

– Незаконную торговлю наркотиками: Узбекистан и Таджикистан расположены на пути наркотиков из Афганистана в Россию и

[content/uploads/2012/11/ims-political-extremism-central-asia-RU-2008.pdf](https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2012/11/ims-political-extremism-central-asia-RU-2008.pdf) (дата обращения: 26.05.2023).

* Организация, запрещенная на территории РФ.

² «Дестабилизировать ситуацию в стране»: что известно об атаке боевиков ИГ на таджикско-узбекской границе. [Электронный ресурс]. // RT. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/article/684286-tadzhikistan-granica-ataka-ig> (дата обращения: 26.05.2023).

* Организация, запрещенная на территории РФ.

* Организация, запрещенная на территории РФ.

³ МВД Таджикистана: Нападение на иностранцев могло быть терактом. [Электронный ресурс]. // Radio France Internationale. – Режим доступа: <https://www.rfi.fr/ru/tsentralnaya-aziya/20180730-mvd-tadzhikistana-napadenie-na-inostrannykh-turistov-moglo-byt-teraktom> (дата обращения: 26.05.2023).

Европу [Аманбекова 2018: 318-329]. Некоторые группы террористов могут использовать доходы от наркотиков для финансирования своей деятельности, развития пропаганды и вербовку новых членов.

– Экстремистские организации: В регионе действуют различные экстремистские организации, которые могут финансировать террористические акты в Узбекистане и Таджикистане. Некоторые из них, например, Исламское государство (ИГ)*, получают финансирование в т. ч. от зарубежных спонсоров.

– Легальный бизнес: Некоторые террористические группировки создают фиктивные компании или используют легальные предприятия для отмывания денег.

– Благотворительность: Большое количество террористических ячеек используют благотворительность как метод сбора денег на экстремистскую деятельность. Они могут создавать фонды для помощи нуждающимся, но на самом деле используют собранные средства для финансирования терактов.

– Нелегальные переводы денег: Террористические группы могут использовать нелегальные каналы для перевода денег, например, через друзей и родственников или через несколько посредников. Это делает сложным отслеживание их финансовых потоков.

– Вымогательство: бандитские группировки могут требовать деньги с бизнесменов и предпринимателей под угрозой насилия.

– Убийства и ограбления: террористы могут получать деньги путем убийства и ограбления богатых людей и банков.

Источники финансирования

В наши дни с быстрым развитием технологий становится достаточно сложно определить, откуда именно поступают средства для террористических организаций. Большинство террористических группировок, оперирующих на территории Узбекистана и Таджикистана, связаны с более крупными и

известными террористическими организациями, например «Аль-Каидой»* ИГИЛ*, Талибан* и др.

Как отмечают эксперты, крупные террористические организации перешли на финансовое самообеспечение, в то время как более мелкие ячейки, естественно, находятся в зависимости (в т. ч. финансовой и организационной) от своих «патронов». Среди местных террористических группировок можно назвать «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) (теперь — «Исламская партия Туркестана»)*, которая работает на территории Узбекистана и Таджикистана и с момента своего создания тесно связана с Талибаном и «Аль-Каидой»*¹. И ни для кого не является секретом тот факт, что афганские талибы на протяжении долгого времени финансируют развитие террористической деятельности в Центральной Азии, спонсируя местные группировки [Сафарова 2018: 600-615]. В обмен на покровительство «Движения Талибан» ИДУ занималась распространением наркотиков в регионе. В 1990-е гг. и начало 2000-х гг. «Аль-Каида»* также не скупилась на предоставление последователям ИДУ* вооружения, обучения, финансовой и материально-технической помощи [Бакытбаева 2020: 305].

Что касается источников финансирования экстремистов, среди основных каналов поступления денежных средств выделяется прямое финансирование радикальными исламскими фондами Ближнего Востока, выдачу вместо денег крупных партий товаров для реализации, а

* Запрещена на территории РФ.

* Запрещена на территории РФ.

* Запрещена на территории РФ.

* Запрещена на территории РФ.

* Организации, запрещённые на территории РФ.

¹ Решение Комитета секретарей Советов Безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 8 июня 2016 г. «О перечне организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах-членах Организации Договора о коллективной безопасности». URL: https://antiterror.odkb-csto.org/terror_orgs/ (дата обращения: 28.05.2023).

* Запрещена на территории РФ.

* Запрещена на территории РФ.

* Организация, запрещенная на территории РФ.

также финансирование через механизмы культурной помощи [Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. 2017: 80].

Такие крупные террористические организации, как ИГИЛ*, получают финансирование посредством налогов, взимаемых на оккупированных территориях; продажи сырья, добытого на тех же территориях; торговли антиквариатом на черном рынке; грабежей; конфискации; штрафов; выкупа за похищенных людей и т. д. А Афганистан, находящийся под контролем Талибана*, стал главным источником распространения наркотических веществ, что также является одной из статей дохода для организации.

Однако многое из того, что доступно более масштабным террористическим организациям, не доступно для более мелких ячеек или частных лиц-последователей террористических идеологий. Поэтому сейчас активно набирает обороты обсуждение проблемы финансирования терроризма посредством криптовалют. В данной дискуссии участвуют как те эксперты, которые считают этот риск незначительным, так и те, кто пытаются привлечь внимание к потенциально безопасному для преступников способу получения денег. Криптовалютные транзакции признаются несущественным риском ввиду того, что террористические базы находятся в странах с отстающим технологическим развитием, и террористы в целом больше склонны доверять наличным средствам, потому что такие денежные потоки сложно отследить. Также террористы пользуются собственными платежными системами, например Хавала.

Тем не менее, российские эксперты выделяют криптовалюту как одну из потенциально перспективных возможностей получения финансовых средств боевиками. Анонимность большинства криптовалют как раз и может быть привлекательным достоинством такого вида платежных инструментов для приобретения

необходимых материалов террористами. Еще одним немаловажным достоинством криптовалют является их всеохватный масштаб, т. е. переводить деньги можно из любой точки мира и при этом легко сбить с толку службы безопасности благодаря использованию разных обменников и бирж в разных странах. Помимо этого, множество криптовалют имеют интуитивно понятный интерфейс, т. е. они не требуют каких-то особых навыков и знаний для использования. Также не стоит упускать из виду и тот факт, что криптовалюты — новый феномен. Во многих странах правовое регулирование этого аспекта находится только в зачаточном состоянии [Андропова, Гусаков, Завьялова 2020: 120-134].

В международных органах СНГ, специализирующихся на надзоре за террористической активностью, тоже отмечают новые способы получения террористами финансирования. Так, глава Антитеррористического центра СНГ А. Новиков сообщил, что за последнее время расширился перечень источников дохода для боевиков. Борьба с ними переходит в киберпространство. Сейчас в целях заработка они используют онлайн-казино, фальшивые интернет-магазины и сайты-двойники, устраивают фишинговые и фарминг-атаки, благодаря которым получают доступ к конфиденциальным данным пользователей, в т. ч. к их финансовым данным¹. Учитывая эти факты, работа с криптовалютой уже и не кажется таким далеким и фантастичным будущим.

В XXI в. экстремистами и террористами активно применяется сеть Интернет для финансирования своей деятельности. В настоящее время под видом благотворительности в виртуальном пространстве через системы краудфандинга, популярные социальные сети и мессенджеры пособники терроризма умело организуют сбор пожертвований якобы для людей, попавших в трудную жизненную

* Запрещена на территории РФ.

* Запрещена на территории РФ.

¹ В Антитеррористическом центре СНГ рассказали о новых способах финансирования терроризма // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7784139> (дата обращения: 28.05.2023).

ситуацию, нуждающихся в дорогостоящем лечении и пр. Большая часть такой информации является заведомо ложной¹.

Не стоит также забывать и частных лицах, которые также могут финансировать террористов из-за рубежа. Большой поток трудовых мигрантов идет из Центральной Азии напрямик в Россию, но не все из них там задерживаются. Некоторые идут дальше и приезжают учиться или работать в Европу и США, откуда позже по разным причинам могут переводить денежные средства своим знакомым, связанным с ИГИЛ, Талибаном* и т. д. [Яшлавский 2020: 133-148].

Так, например житель Душанбе, находясь в 2017 г. в трудовой эмиграции в России, оказался завербован ИГИЛ* и впоследствии выслал своим кураторам небольшую сумму посредством «Киви кошелька»². Преимущество такого источника финансирования также состоит в том, что по одиночке очень сложно отследить, кто из трудовых мигрантов более подвержен влиянию экстремистских идеологий. Многие из тех, кто уехали на заработки, ранее никогда не были замечены в подобном у себя на родине, и даже не слыли людьми религиозными. Но в чужой для них среде, испытывая проблемы с адаптацией, они становятся легкой мишенью для профессиональных вербовщиков.

Еще одной статьей дохода террористических организаций является регулярная иностранная помощь, поступающая из определенных государств. Точных данных нет. Тем не менее, такие пожертвования часто приходят от религиозных деятелей и предпринимателей из стран Персидского залива. В спонсировании терроризма часто обвиняют

Катар и Саудовскую Аравию [Андропова, Гусаков, Завьялова 2020: 125].

Таким образом, можно сделать вывод о том, насколько разнообразны способы получения денежных средств террористами. Крупные террористические организации владеют более широкими возможностями для продолжения своей незаконной деятельности и ее распространения за пределы контролируемых ими территорий, на которых они имеют неограниченный доступ к человеческим и природным ресурсам. Маленькие террористические группировки, работающие подпольно в Узбекистане и Таджикистане, зависят от частных пожертвований и финансовой помощи со стороны больших террористических организаций. От успеха их деятельности зависит и уровень «инвестиций» в такое предприятие. Однако, как пишут эксперты, Центральная Азия является скорее базой для набора новых солдат, нежели желаемым объектом террористов. Это, а также жесткое преследование сочувствующих экстремистам объясняет, почему в последнее десятилетие в Узбекистане и Таджикистане количество терактов существенно сократилось [Яшлавский 2020: 140]. Но как уже было отмечено ранее, выходцы из стран Центральной Азии, переживающие адаптационный кризис, нередко становятся частными спонсорами терроризма ввиду умелой идеологической обработки экстремистами.

Количество террористических актов за рассматриваемый период (2001-2021 гг.)

В период с 2001 по 2022 гг. в Таджикистане и Узбекистане было совершено множество террористических актов, наиболее крупные из них будут рассмотрены ниже (см. граф. 2).

Таджикистан:

– 5 апреля 2001 г. два человека погибли и по меньшей мере 10 получили ранения в результате взрыва бомбы, содержащей около 400 граммов взрывчатого вещества в тротиловом эквиваленте, в торговом центре «Садбарг» в Душанбе. В результате взрыва бомбы в торговом центре загорелся баллон с природным газом, что привело к серьезному

¹ О деятельности Антитеррористического центра СНГ по координации взаимодействия национальных органов безопасности и специальных служб // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/96729/> (дата обращения: 28.05.2023).

* Запрещены на территории РФ.

* Запрещена на территории РФ.

² Житель Душанбе получил 6 лет за финансирование терроризма / Avesta Information agency. URL: <https://avesta.tj/2018/02/02/zhitel-dushanbe-poluchil-6-let-za-finansirovanie-terrorizma/> (дата обращения: 28.05.2023).

пожару и повреждению торгового центра, когда все окна были выбиты. Источники отмечают, что многие люди в торговом центре в то время были афганцами и продавали различные товары в магазинах. Ни одна группировка не взяла на себя ответственность за нападение¹.

– 3 сентября 2010 года, Худжанд крупный теракт произошел внутри здания регионального отдела по борьбе с организованной преступностью областного УВД. Среди погибших – 17 человек, тяжелые ранения получили 20 человек².

– 4 сентября 2015 г. группировка А. Назарова, бывшего заместителя министра обороны Таджикистана, напала на Минобороны и на ОВД в городе Вахдате. Убито 17 человек – восемь сотрудников правоохранительных органов и девять членов вооруженной группы³.

Согласно данным, опубликованным в докладе Государственного департамента США «Страновые доклады о терроризме за 2018 г.», в 2018 г. в Республике Таджикистан было совершено четыре террористических акта, каждый из которых подробнее будет рассмотрен ниже⁴.

29 июля 2018 г. на территории Таджикистана произошел террористический акт, в ходе которого пятеро террористов протаранили на автомобилях группу из семи велосипедистов, после чего напали на них с ножами. В результате теракта погибли четыре велосипедиста, в числе которых два гражданина США, гражданин Нидерландов и гражданин Швейцарии. Стоит отметить,

что данный террористический акт является первым в истории Республики Таджикистан, когда в ходе терактов жертвами стали граждане западных государств. Если говорить о заказчиках теракта, мнения на этот счет разделились, так запрещенная на территории РФ террористическая организация «Исламское государство» взяла ответственность на себя, в то время как власти Республики Таджикистан обвинили в совершении теракта признанную в сентябре 2022 г. Верховным судом РФ террористической организацией, Партию исламского возрождения Таджикистана⁵. Стоит отметить, что у Министерства внутренних дел Республики Таджикистан было несколько версий мотивов произошедшего, в числе которых террористический акт, ограбление, дорожно-транспортное происшествие и т. д. В ходе расследования Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан было установлено, что все пятеро террористов были членами Партии исламского возрождения Таджикистана, а план действий по осуществлению теракта был разработан за пределами Республики⁶.

Еще один террористический акт произошел 26 августа 2018 г. на таджикско-афганской границе. В ходе теракта в поселке Пархар, который располагается в 2 км от границы с Афганистаном, были убиты два работника лесного хозяйства, один был ранен. Подробности теракта не раскрыты до сих пор, однако, как отмечается в докладе Госдепа США, таджикские и афганские СМИ опубликовали версии, в которых отмечалось, что инцидент может быть связан с ответным авиаударом таджикских

¹ Global Terrorism Database. [Электронный ресурс]. // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. – Режим доступа: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtid=200104050002> (дата обращения: 26.05.2023).

² МВД Таджикистана обвинило в теракте в Худжанде членов ИДУ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://24.kg/archive/ru/bigtiraj/81819-mvd-tadzhikistana-obvinilo-v-terakte-v-xudzhande.html/> (дата обращения: 26.05.2023).

³ При атаке на погранзаставу в Таджикистане ликвидировали 15 боевиков. [Электронный ресурс]. // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/06/11/2019/5dc24bbc9a794717405f911c> (дата обращения: 26.05.2023).

⁴ Country Reports on Terrorism 2018.

⁵ Chang E. Were the American cyclists killed in Tajikistan naive for traveling there? / The Washington Post. URL:

https://www.washingtonpost.com/lifestyle/travel/were-the-american-cyclists-killed-in-tajikistan-naive-for-traveling-there/2018/08/14/f8212ca8-9b36-11e8-b60b-1c897f17e185_story.html (дата обращения: 28.05.2023).

⁶ Генпрокуратура Таджикистана признала атаку на туристов терактом / Sputnik Таджикистан. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20180804/tajikistan-turisty-terakt-versiya-ubiystvo-1026366087.html> (дата обращения: 29.05.2023).

или российских военных по боевикам, дислоцированных на афганской границе, но данное предположение было опровергнуто как Душанбе, так и Москвой¹.

Стоит отметить, что не все запланированные теракты террористам удалось воплотить в жизнь, некоторые из них удалось предотвратить благодаря своевременной реакции правоохранительных органов Республики Таджикистан. 13 ноября 2018 г. в СМИ появилась информация о том, что 4 ноября 2018 г. властям Республики Таджикистан удалось предотвратить теракт в штабе 201-й российской мотострелковой дивизии, располагавшейся в Душанбе². По итогам проведенного МВД Республики Таджикистан расследования было установлено, что подготовка и дальнейшее осуществление теракта непосредственным образом связано с террористической деятельностью запрещенной на территории РФ террористической организацией Исламское государство.

Одним из крупнейших терактов на территории Таджикистана в 2018 г. стал кровавый бунт, произошедший 7 ноября 2018 г. в тюрьме, располагавшейся на севере Таджикистана – в городе Худжанд. В ходе столкновения с боевиками погибли десятки человек, в числе которых охранники тюрьмы. Ответственность за произошедшее, как и в предыдущих террористических актах, взяла на себя запрещенная на территории РФ террористическая организация Исламское государство³.

Что касается террористической активности в указанный период в Узбекистане, согласно данным доклада Госдепа США, в 2018 г. в Узбекистане не

было зарегистрировано ни одного террористического акта. При этом в ноябре 2018 г. властями Республики Узбекистан был задержан Д. Юлдашев, который впоследствии был обвинен в подготовке к проведению терактов на территории Республики⁴.

Если рассматривать террористическую деятельность в Таджикистане и Узбекистане в 2019 г., Одним из террористических актов, совершенных на территории Таджикистана, ответственность за который также взяла на себя запрещенная на территории РФ террористическая организация Исламское государство, стал кровавый бунт, вспыхнувший в тюрьме в городе Вахдат, расположенный в 10 км к востоку от Душанбе. Как сообщалось Министерством юстиции Республики Таджикистан, в результате вооруженного нападения боевиками были убиты три охранника тюрьмы и двадцать девять заключенных. Боевикам также удалось взять в заложники несколько заключенных, поджечь тюремную больницу и попытаться вырваться наружу, при этом оказывая сопротивление сотрудникам тюрьмы. В ходе боя за восстановление порядка в тюрьме, в которой на тот момент содержалось около 1500 заключенных, силам безопасности тюрьмы удалось обезвредить и уничтожить 24 вооруженных боевика⁵. По данным Министерства внутренних дел восстание было поднято заключенными, отбывающими наказание за связи с террористическими и экстремистскими организациями, а главным зачинщиком беспорядков был Б. Гулмурод – сын Г. Халимова, который был командиром таджикского спецназа, а в 2015 г. перешел на сторону ИГИЛ*⁶.

¹ Country Reports on Terrorism 2018. URL: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2018/> (дата обращения: 28.05.2023).

² Террористы присматриваются к 201-й военной базе России в Таджикистане / Sputnik Таджикистан. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20181113/tajikistan-terroristy-prismatrivayutsya-201-baza-russia-1027407528.html> (дата обращения: 28.05.2023).

³ Unprecedented attack that occurred in July 2018 underscores the threat posed by ISIS in Tajikistan / Asia-Plus. 05.11.2019. URL: <https://asiaplustj.info/ru/node/274232> (дата обращения: 28.05.2023).

⁴ Country Reports on Terrorism 2018. URL: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2018/> (дата обращения: 28.05.2023).

⁵ Dozens killed in riot at Tajikistan prison holding Isis militants / The Guardian. 20.05.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/may/20/tajikistan-prison-riot-guards-inmates-killed-isis-militants> (дата обращения: 28.05.2023).

* Запрещена на территории РФ.

⁶ Country Reports on Terrorism 2019. URL: <https://www.state.gov/wp->

Одним из террористических актов, произошедших на территории Таджикистана в 2019 г., стало нападение 6 ноября 2019 г. боевиками запрещенной на территории РФ террористической организации Исламское государство на пограничный пункт на таджикско-узбекской границе, в ходе которого по данным властей Республики Таджикистан жертвами стали не менее 17 человек¹.

Узбекистан:

– 29 марта 2004 г. прогремело несколько взрывов в Ташкенте и Бухаре, в результате погибли 2 милиционера, один был убит в перестрелке. Более 20 человек получили ранения. Одновременно с взрывом в Ташкенте два террористических акта были совершены в Бухаре. Один из терактов осуществлен в жилом доме, жертвами стали несколько террористов, т.к. взрывное устройство сработало до того, как боевики успели заложить его. Всего в результате взрывов погибли 19 человек и 26 ранены, один подозреваемый в причастности к терактам арестован. Взрывам в Ташкенте предшествовал ряд нападений, совершенных на патрульные посты милиции и сотрудников МВД².

– 30 июля 2004 г. три человека, в том числе террорист-смертник, были убиты, и один человек ранен в результате подрыва взрывного устройства в посольстве Израиля в Ташкенте. Ответственность за произошедшее взяли на себя Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Группа «Исламский джихад» и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»*. В ходе связанных инцидентов нападениям также подверглись посольство

США и Генеральная прокуратура Узбекистана в Ташкенте³.

– 13 мая 2005 г. Тысячи вооруженных протестующих ворвались в тюрьму, пытаясь освободить 23 членов религиозной группы «Акрамия» в Андижане, Узбекистан. В результате инцидента погибли по меньшей мере девять человек, многие получили ранения. Правительство Узбекистана считало, что религиозная группа «Акрамия» была в контакте с запрещенной радикальной исламской партией «Хизб ут-Тахрир»*. Ни одна группировка не взяла на себя ответственность за нападение⁴.

– 26 мая 2015 г. было совершено нападение на милицейский блокпост в городе Ханабад. В связи с происшедшим Кыргызстан закрыл участок границы с Узбекистаном⁵.

В Республике Узбекистан в 2019 г., как и годом ранее не было зафиксировано ни одного террористического акта⁶.

Поскольку как в Республике Таджикистан, так и в Республике Узбекистан в 2020 г. террористических актов зафиксировано не было, необходимо перейти к рассмотрению данной проблематики в 2021 г. Согласно докладу Бюро по вопросам борьбы с терроризмом Госдепартамента США за 2021 г., в 2021 г. в Республике Таджикистан было совершено два теракта и четыре попытки совершения терактов. Министерство внутренних дел

content/uploads/2020/06/Country-Reports-on-Terrorism-2019-2.pdf (дата обращения: 28.05.2023).

¹ Country Reports on Terrorism 2019. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/Country-Reports-on-Terrorism-2019-2.pdf> (дата обращения: 28.05.2023).

² 19 Killed in Uzbekistan; Terrorism Blamed. [Электронный ресурс]. // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2004/03/30/world/19-killed-in-uzbekistan-terrorism-blamed.html> (дата обращения: 26.05.2023).

* Запрещены на территории РФ.

³ Uzbekistan Blasts Shake U.S. and Israeli Embassies. [Электронный ресурс]. // The Los Angeles Times. – Режим доступа: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2004-jul-31-fg-uzbek31-story.html> (дата обращения: 26.05.2023).

* Запрещена на территории РФ.

⁴ Former Uzbek Spy Accuses Government Of Massacres, Seeks Asylum. [Электронный ресурс]. // RFE. – Режим доступа:

https://www.rferl.org/a/Former_Uzbek_Spy_Seeks_Asyllum/1195372.html (дата обращения: 26.05.2023).

⁵ МВД Киргизии сообщает о перестрелке на узбекской стороне границы. [Электронный ресурс]. // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20090526/172316117.html> (дата обращения: 26.05.2023).

⁶ Country Reports on Terrorism 2019. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/Country-Reports-on-Terrorism-2019-2.pdf> (дата обращения: 28.05.2023).

Республики Таджикистан связывает данные события с деятельностью запрещенных на территории РФ Партии исламского возрождения Таджикистана и Исламского государства, а также связанных с ними террористических ячеек, при этом подробности о терактах и числе жертв не раскрываются.

Такие теракты создают угрозу безопасности не только для населения этих стран, но и для всего региона в целом. Международные террористические группировки стремятся расширить свою зону влияния и установить контроль над регионом.

Проблема терроризма в регионе остается актуальной и требует постоянной бдительности со стороны правительств и международных сообществ. Одним из главных источников роста терроризма в СНГ является экономическая и политическая нестабильность в странах региона, что создает почву для радикализации населения.

В соответствии с данными, опубликованными Госдепом США, на территории Узбекистана в 2021 г. не произошло ни одного террористического акта¹.

Проблема терроризма в регионе остается актуальной и требует постоянной бдительности со стороны правительств и международных сообществ. Одним из главных источников роста терроризма в СНГ является экономическая и политическая нестабильность в странах региона, что создает почву для радикализации населения.

В последние годы Таджикистан и Узбекистан стали одними из наиболее затронутых террористической активностью стран в СНГ. Обе страны столкнулись с волнами террористических нападений и инцидентов, в результате которых пострадали сотни людей и были уничтожены десятки террористов.

В Таджикистане террористические акции начали принимать массовый характер

после окончания гражданской войны в 1990-х гг. [Коваленко Д.Н., Рахимов К.Х. 2022: 592-600]. Крупнейшей террористической группировкой в Таджикистане считается Исламское Движение Узбекистана (ИДУ)*, которое борется за создание исламского государства в Средней Азии. С 2010 года ИДУ* начало активно проводить в локальных регионах Республики Таджикистан свои продвинутые методы пропаганды и вербовки молодежи, что положило начало серии террористических нападений на государственные органы, административные здания и мирное население.

Узбекистан также столкнулся с террористической угрозой, особенно в связи с экстремистскими группировками, действующими на границе с Афганистаном. Республика также страдает от действий ИДУ*. Многие террористы, которые привлекаются к выполнению задач на территории Таджикистана, приезжают туда из Узбекистана. Кроме того, узбекские террористические группы связаны с талибами и Аль-Каидой*. Следует сказать, что с приходом к власти в 2016 г. президента Шавката Мирзиёева активизировалось сотрудничество по антитеррористическому взаимодействию с партнёрами на пространстве СНГ. Тем не менее, считается, что именно узбекские экстремистские структуры являются самыми сильными в регионе. Происходящие из Узбекистана экстремистско-террористические структуры действуют в основном за рубежом: в других странах Центральной Азии, в Афганистане и Пакистане, на Ближнем Востоке [Казанцев, Гусев 2017: 80].

Специалисты отмечают, что террористические группировки в Таджикистане и Узбекистане ведут активную работу по вербовке молодежи и использованию Интернета для распространения своей идеологии [Билан 2021: 440-447]. Однако усиливаются и меры

¹ Country Reports on Terrorism Country Reports on Terrorism 2020. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/07/Country_Reports_on_Terrorism_2020.pdf (дата обращения: 28.05.2023).

* Запрещена на территории РФ.

* Запрещена на территории РФ.

* Запрещена на территории РФ.

* Запрещены на территории РФ.

борьбы с терроризмом в этих регионах. Спецслужбы страны тесно сотрудничают и координируют свои действия в рамках международных усилий по борьбе с экстремизмом [Курылев, Пархитко, Смолик 2021: 705-718].

Таджикистан и Узбекистан являются близкими соседями, которые имеют общую историю и культуру. Однако, они также имеют много общих проблем, включая угрозу терроризма.

Несмотря на то, что Таджикистан и Узбекистан имеют схожие проблемы с терроризмом, они различаются по многим аспектам. Например, Таджикистан более уязвим к террористическим атакам из-за своего географического положения, которое делает его более доступным для террористических группировок из Афганистана в силу большей протяжённости границы двух стран. С другой стороны, Узбекистан имеет большую экономическую мощь и более развитую инфраструктуру, что делает его более привлекательной мишенью для террористов.

Таджикистан считается одной из наиболее уязвимых стран в регионе в отношении терроризма. В последние годы Таджикистан столкнулся с растущей угрозой со стороны исламистских экстремистов. Одной из самых активных групп в Таджикистане является Исламское государство (ИГ)*, которое ведет активную пропаганду среди молодежи и активно вербует новых членов. В основном террористические акты, совершенные в Таджикистане, связаны с нападением на правительственные учреждения, военных и полицейских, а также с атаками на религиозных деятелей и церкви.

С 1990-х годов в Узбекистане действует ранее упомянутая группировка «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)*, которая пропагандирует исламистские идеи. В последние годы исламистские экстремисты в Узбекистане стали использовать новые технологии для проведения террористических актов. Известны случаи,

когда исламистские экстремисты совершали нападения на правительственные учреждения Узбекистана, а также на туристические объекты.

Хотя в обеих странах террористические угрозы существуют, и они имеют общую идеологическую базу, уровень угрозы может различаться [Булкин 2020: 479-486]. В Таджикистане, например, масштабы террористических актов и вероятность их возникновения более высоки, чем в Узбекистане. Это может быть связано с большей политической нестабильностью в стране, а также с более открытыми границами и легким доступом к оружию для террористов.

Вместе с тем, правительства Узбекистана и Таджикистана принимают широкий спектр мер для борьбы с финансированием терроризма, включая законодательные инициативы, сотрудничество с другими странами, международные организации и финансовые учреждения, а также меры по укреплению национальной безопасности.

Для борьбы с международным терроризмом в Таджикистане и Узбекистане представляется необходимым улучшить экономическое положение и социальную справедливость, а также усилить контроль над границами и бороться с незаконными наркотическими сетями. Кроме того, важно укреплять международное сотрудничество и обмен информацией между странами в борьбе с международным терроризмом.

Для предотвращения террористических актов необходимо улучшить сотрудничество между различными службами безопасности и правоохранительными органами в рамках СНГ. Важно также укреплять контроль над границами и бороться с незаконными наркотическими сетями, которые финансируют террористические группировки [Пархитко 2018: 9-19].

Кроме того, необходимо проводить работу по профилактике радикализации и пропаганде терроризма. Это включает в себя улучшение экономического положения и социальной справедливости, а также образовательные программы, направленные на борьбу с экстремизмом и терроризмом.

* Запрещена на территории РФ.

* Запрещена на территории РФ.

Выводы

В ходе проведенного исследования авторы пришли к ряду выводов. Во-первых, на сегодняшний день терроризм представляет собой одну из главных угроз как региональной, так и глобальной безопасности, что связано с проникновением террористических ячеек на территорию близлежащих к государственным границам регионов. Во-вторых, в ходе проведения сравнительного анализа было установлено, что наибольшее количество терактов в изучаемый период пришлось на долю Республики Таджикистан. Наиболее разрушительные

теракты также были зафиксированы на территории Таджикистана. Несмотря на то, что доподлинно установить мотивы и цели террористических актов не удалось, в ходе исследования было выявлено, что основными источниками финансирования террористической деятельности на территории Таджикистана и Узбекистана являются террористические группировки, деятельность которых строится на определенной идеологии, что оказывает непосредственное влияние на процесс радикализации террористических актов в центральноазиатских республиках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Onuf N.G.* World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relation. New York: Routledge, 2012. 340 p.
- Аманбекова Ш.* Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 318-329.
- Андропова И.В., Гусаков Н.П., Завьялова Е.Б.* Финансирование терроризма: новые вызовы для международной безопасности // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. №1. С. 120-134. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-05
- Бакытбаева А.Н.* Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. №4. С. 304-314.
- Билан А.К., Гришина Н.Р., Радзион А.О.* Проблема терроризма в Таджикистане // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. №5. С. 440-447. DOI 10.53535/2618-7426_2021_5_440.
- Булкин В. В.* Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. №6. С. 479-486.
- Зия С. А.* взаимодействие России с США и НАТО в борьбе с наркоугрозой в Афганистане // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1 №1. С. 47-57.
- Казанцев А.А., Гусев Л.Ю.* Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве // Центр изучения перспектив интеграции, 2017. 80 с.
- Коваленко Д.Н., Рахимов К.Х.* Проблема терроризма и особенности его проявления на примере Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. №6. С. 592-600.
- Курылев К.П., Пархитько Н.П., Смолик Н.Г.* Национальные режимы регулирования сети интернет в странах СНГ // Постсоветские исследования. 2021.Т. 4. №8. С. 705-718.
- Методические рекомендации к выполнению курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавров и магистерских диссертаций по направлениям «международные отношения» и «зарубежное регионоведение» // Бельченко А.С., Бокерия С.А., Борзова А.Ю., Виноградов А.В., Дегтерев Д.А., Джангирян В.Г., Журавлева Е.В., Зиннуров Р.Т., Курылев К.П., Петрович-Белкин О.К., Пономаренко Л.В., Понька Т.И., Савичева Е.М., Смолик Н.Г., Тюкаева Т.И., Цвык А.В., Черненко Е.Ф., Чикризова О.С., Шабага А.В., Шпаковская М.А. и др. Москва, 2016.
- Пархитько Н. П.* Военно-политическое сотрудничество на пространстве СНГ. Политика ОДКБ в итогах юбилейного саммита ОДКБ в Минске 30.11.2017 // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. №1. С. 9-19.

- Рахимов К. Х.* Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1390-1401.
- Сафарова Г. Ф.* Эволюция исламского экстремизма в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1 №6. С. 600-615.
- Халлыев М. М.* Деятельность религиозных организаций в конфликтах в Закавказье // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. №1. С. 922-933.
- Яшлавский А.Э.* Террористическая активность джихадистов из Центральной Азии на Западе // Россия и новые государства Евразии. 2020. №4. С. 133-148.

REFERENCES

- Amanbekova Sh.* Vliyanie afganskogo krizisa na process islamizacii Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1. № 3. S. 318-329.
- Andronova I.V., Gusakov N.P., Zav'yalova E.B.* Finansirovanie terrorizma: novye vyzovy dlya mezhdunarodnoj bezopasnosti // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2020. T. 15. №1. S. 120-134. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-05
- Bakytbaeva A.N.* Terrorizm v SNG: uzbekskij dzhihadizm. Islamskoe dvizhenie Uzbekistana // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3. №4. S. 304-314.
- Bilan A.K., Grishina N.R., Radzion A.O.* Problema terrorizma v Tadzhikestane // Postsovetskie issledovaniya. 2021. T. 4. №5. S. 440-447. DOI 10.53535/2618-7426_2021_5_440.
- Bulkin V.V.* Terrorizm v Central'noj Azii (Tadzhikestan, Uzbekistan, Turkmenistan) // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3. №6. S. 479-486.
- Hallyev M.M.* Deyatel'nost' religioznyh organizacij v konfliktah v Zakavkaz'e // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. №1. S. 922-933.
- Kazancev A.A., Gusev L.YU.* Ugroza religioznogo ekstremizma na postsovetskom prostranstve // Centr izucheniya perspektiv integracii, 2017. 80 s.
- Kovalenko D.N., Rahimov K.H.* Problema terrorizma i osobennosti ego proyavleniya na primere Respubliki Tadzhikestan // Postsovetskie issledovaniya. 2022. T. 5. №6. S. 592-600.
- Kurylev K.P., Parhit'ko N.P., Smolik N.G.* Nacional'nye rezhimy regulirovaniya seti internet v stranah SNG // Postsovetskie issledovaniya. 2021.T. 4. №8. S. 705-718.
- Metodicheskie rekomendacii k vypolneniyu kursovyyh, vypusnyh kvalifikacionnyh rabot bakalavrov i magisterskih dissertacij po napravleniyam «mezhdunarodnye otnosheniya» i «zarubezhnoe regionovedenie» // Bel'chenko A.S., Bokeriya S.A., Borzova A.YU., Vinogradov A.V., Degterev D.A., Dzhangiryan V.G., ZHurvavleva E.V., Zinnurov R.T., Kurylev K.P., Petrovich-Belkin O.K., Ponomarenko L.V., Pon'ka T.I., Savicheva E.M., Smolik N.G., Tyukaeva T.I., Cvyk A.V., CHernenko E.F., CHikrizova O.S., SHabaga A.V., SHpakovskaya M.A. i dr. Moskva, 2016.
- Onuf N.G.* World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relation. New York: Routledge, 2012. 340 p.
- Parhit'ko N.P.* Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo na prostranstve SNG. Politika ODKB v itogah yubilejnogo sammita ODKB v Minske 30.11.2017 // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1. №1. S. 9-19.
- Rahimov K.Kh.* Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva Respubliki Tadzhikestan s SHOS v sfere obespecheniya bezopasnosti i stabil'nosti v mnogopolyarnom mire // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 6. S. 1390-1401.
- Safarova G.F.* Evolyuciya islamskogo ekstremizma v stranah Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1 №6. S. 600-615.
- Yashlavskij A.E.* Terroristicheskaya aktivnost' dzhihadistov iz Central'noj Azii na Zapade // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2020. №4. S. 133-148.
- Ziya S.A.* Vzaimodejstvie Rossii s SSHA i NATO v bor'be s narkougrozoy v Afganistane // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1 №1. S. 47-57.

ПРИЛОЖЕНИЕ/APPENDIX

График 1

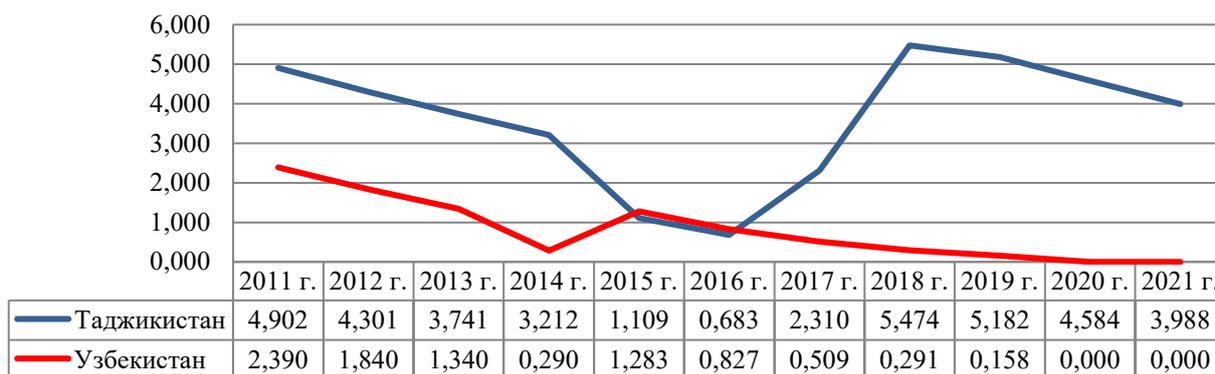
Рейтинг стран в Глобальном индексе терроризма

Источник: составлено авторами на основе The Global Terrorism Index [Электронный ресурс]. // Vision of Humanity. – Режим доступа: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 29.05.2023).

График 2

Индекс террористической активности в Узбекистане и Таджикистане (2011-2021 гг.)

Источник: составлено авторами на основе The Global Terrorism Index [Электронный ресурс]. // Vision of Humanity. – Режим доступа: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 29.05.2023).

Таблица 1

Сравнительный анализ террористических актов в Таджикистане и Узбекистане

Таджикистан	Теракты					
	2001 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2021 г.
Количество терактов	1	1	1	3	2	2
Степень разрушительности	2 погибли, 10 ранены	17 погибли, 20 ранены	8 погибло	десять ки погибло, 1 ранен	19 погибло	неизвестно

Мотивы и цели	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
---------------	------------	------------	------------	------------	------------	------------

Узбекистан	Теракты					
	2004 г.	2005 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2021 г.
Количество терактов	2	1	1	0	0	0
Степень разрушительности	21 погибли, 27 ранены	9 погибли	Ущерб имуществу	-	-	-
Мотивы и цели	Нет данных, радикальные религиозные убеждения	Нет данных, радикальные религиозные убеждения	Нет данных	-	-	-

Источник: составлено авторами на основе материалов докладов Бюро по вопросам борьбы с терроризмом Госдепа США.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Атаева Анжелика Олеговна, магистрант факультета гуманитарных и социальных наук, РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: ataeva-ao@pfur.ru)

Баранова Анна Евгеньевна, магистрант факультета гуманитарных и социальных наук, РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: 1032225281@pfur.ru)

Найдёнова Анастасия Олеговна, магистрант факультета гуманитарных и социальных наук, РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: 1032185082@pfur.ru)

Ataeva Anzhelika O., Master student of the Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: ataeva-ao@pfur.ru)

Baranova Anna E., Master student of the Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: 1032225281@pfur.ru)

Naidonova Anastasiia O., Master student of the Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: 1032185082@pfur.ru)

Концепты суверенитета и суверенизма в контексте развития этих явлений. На примере российского и европейского кейсов

А. К. Камкин

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, Россия, Москва
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3717-8545>, e-mail: alexander.kamkin@yahoo.com*

М. И. Сигачёв

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, Россия, Москва
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7977-6888>, e-mail: maxsig@mail.ru*

Аннотация: Вопрос суверенитета и его обеспечения остро стоит в большинстве стран ввиду процессов глобализации и попытки США и их союзников установить однополярный мир. Процессы демонтажа института национального государства, формирование пост-вестфальской системы мироустройства протекают болезненно и вызывают порой активное противодействие. Коренное отличие стран постсоветского пространства и прежде всего России от стран Европы в плане отношения к суверенитету заключается в том, что политическая элита Российской Федерации устанавливает и защищает государственный суверенитет «сверху», в то время как в большинстве стран Европы попытки сохранять суверенитет осуществляются «снизу», оппозиционными, популистскими партиями. В некоторых странах Европы популисты и евроскептики добиваются политической победы и приходят к власти. Но инструментов реализации полного суверенитета у государств-членов ЕС недостаточно. Помимо этого, суверенистский дискурс имеет потенциал размежевания обществ, что мы можем наблюдать в странах Европы. В статье ставится вопрос развития движения суверенизма в Европе, его основных характерных черт и сравниваются российский и европейские кейсы отношения к суверенитету.

Ключевые слова: суверенизм, популизм, национализм, суверенитет, идентичность, государство, государство-нация, регионализм, полисубъектный интегрализм.

Для цитирования: Камкин А.К., Сигачёв М.И. Концепты суверенитета и суверенизма в контексте развития этих явлений. На примере российского и европейского кейсов // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):919-929.

Sovereignty and sovereigntism concepts in context of their development. Based on example of European and Russian cases

Alexander K. Kamkin

*Primakov national research institute of world economy and international relations, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3717-8545>, e-mail: alexander.kamkin@yahoo.com*

Maxim I. Sigatschyov

*Primakov national research institute of world economy and international relations, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7977-6888>, e-mail: maxsig@mail.ru*

Abstract: The issue of sovereignty and its provision is acute in most countries due to the processes of globalization and the attempt of the United States and its allies to establish a unipolar world. The processes of dismantling the institution of the nation-state and the formation of the post-

Westphalia system of world order are painful and sometimes cause active opposition. The fundamental difference between the post-Soviet countries and, above all, Russia and European countries in terms of attitude to sovereignty is that the political elite of the Russian Federation establishes and defends state sovereignty "from above", while in most European countries attempts to preserve sovereignty are carried out "from below", by opposition, populist parties. In some European countries populists and Euroskeptics achieve political victory and come to power. But the EU member states do not have enough tools to realize full sovereignty. In addition, sovereigntist discourse has the potential to divide societies, as we can observe in the countries of Europe. The article raises the question of the development of the sovereignty movement in Europe, its main characteristic features and compares Russian and European cases of attitudes to sovereignty.

Key words: sovereignty, populism, nationalism, sovereignty, identity, state, nation-state, regionalism, polysubject integralism

For citation: Alexander K. Kamkin., Maxim I. Sigatschyov, Sovereignty and sovereigntism concepts in context of their development. Based on example of European and Russian cases // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023; 8(6):919-929. (In Russ.)

В 2023 г. Вестфальской системе международных отношений, базирующейся на примате национального суверенитета, исполнилось 375 лет. Лежащий в её основе Вестфальский мир был подписан 15 мая и 24 октября 1648 г. Данный юбилей символичен, поскольку сегодня, с одной стороны, намечается движение миропорядка от Вестфалья к Пост-Вестфалю. С другой, стороны, наблюдается возрождение доктрины верховенства суверенитета в рамках идеологии суверенизма, который, однако, имеет несколько разное содержание в России и на Западе.

Вопрос суверенитета достаточно подробно изучен в работах зарубежных и российских ученых. Так, суверенитет в национальном государстве понимают, как внутреннее верховенство власти по отношению к населению и внешнюю независимость власти от других государств и социальных образований [Пушкарев 2021: 59]. Однако, некоторые исследователи отмечают, что «современный политический дискурс... моделирует категорию «суверенитет» бессистемно, нетерминологично» [Голикова 2023: 101]. Порой в потоке информационных потоках дискуссий о суверенитете происходит намеренная или непреднамеренная подмена или искажение понятий власти, государства, нации, народа, индивидуума. Поэтому понятие «политического суверенитета порой кажется недостаточно конкретным и определенным [Голикова 2023: 101]. Задача

настоящей статьи – рассмотреть феномен суверенитета и связанного с ним понятия суверенизм в контексте политики идей.

В правовом поле под суверенитетом в наиболее общем виде следует понимать идею верховной власти на какой-либо территории. Это во многом похоже на принцип государства-нации, где первенство имеет государственное строительство над национальным началом. Актуальность идеи суверенитета отчасти обусловлена тем, что данная проблематика находится в тесной взаимосвязи, фактически синергии с тематикой цивилизационной идентичности.

Таким образом, можно зафиксировать, что повышение значимости проблематики суверенитета и суверенного развития привело к тому, что в последнее десятилетие в рамках общественно-политического дискурса определенное распространение получил концепт суверенизма. Можно сказать, что появление данного понятия отражает реалии формирующегося полицентричного миропорядка, многополярного мира, ключевая тенденция которого заключается в формировании суверенных полюсов мирового развития - уже не только национальных государств, но и государств-цивилизаций. Думается, что в наиболее общем смысле суверенизм - это мировоззрение, в центре которого находится необходимость борьбы за интегральный суверенитет (политический, культурный, социально-экономический, национальный, наконец, цивилизационный). Таким

образом, смысловым ядром суверенистского мировоззрения является понятие суверенитета во всей его полноте и многообразии, уже перерастающее рамки национального государства эпохи Модерна и начинающее охватывать большие этнорегиональные цивилизационные пространства.

Если в рамках западноевропейского мира под суверенизмом понимается стремление к сохранению и укреплению нации-государства, то в Российском дискурсе речь скорее о суверенитете импероподобных образований. Другим существенным отличием суверенистских подходов в России и странах Европы является тот факт, что в России концепция государственного суверенитета утверждается «сверху». Еще в 2000-х гг. в общественный и научный дискурс была запущена концепция «суверенной демократии», в концепции которой некоторые исследователи видят «основу будущей российской национальной идеи, исключая возможность манипулирования со стороны внешних сил» [Пушкарев 2021: 61]. В. Сурков, одним из первых в России пустивший в широкий оборот этот термин¹, понимал под суверенной демократией такой образ политической жизни социума, при котором власти, различные органы государственного управления и пр. выбирались, формировались и функционировали и определялись исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми без исключения гражданами народами и социальными группами России. Другое определение суверенной демократии дали правоведы Киреев В.В. и Лебедев В.А. Для них это - конституционная идея, которая основана на «эффекте системного взаимодействия конституционно-правовых категорий «суверенитет» и «демократия» ... на основе

учета особенностей общества и государства и независимости народной власти» [Киреев, Лебедев: 2009: 35]. По их мнению, суверенная демократия немыслима без активного участия гражданского общества в ее реализации и именно народный суверенитет является важным признаком демократического режима, где суверенитет власти является его высшим проявлением [Пушкарев 2021: 60].

Таким образом, у сформированной в 2000-е гг. в коридорах власти концепции суверенной демократии был ряд слабостей ввиду ее чрезмерен уклон в этатизм. Тесную синергию понятий геополитического суверенитета и цивилизационной идентичности демонстрирует используемый в новой Концепции внешней политики России концепт «государства-цивилизации»². Само понятие «суверенитет» и «суверенный» используется в тексте Концепции 15 раз, чаще чем какие-либо другие термины. Это свидетельствует о глубоком понимании важности данного явления и инструмента сохранения государства и общества в условиях агрессивных действий со стороны геополитических противников.

В таком подходе национальный суверенитет для России является базовой ценностью и основной парадигмой. В странах же Европы, особенно входящих в ЕС, наоборот, концепция национального, экономического и культурного суверенитета является темой для дискуссии в основном среди оппозиционных партий евроскептического толка, в основном критикующих правящий политический класс «евробюрократов». Европейские евроскептики обвиняют ЕС в демонтаже национальных государств и деконструкции суверенитета. Таким образом, концепция государственного суверенитета утверждается (точнее, отстаивается) «снизу».

Следует отметить, что концепция «суверенизма сверху», характерная для

¹ Следует отметить, что авторство данного термина принадлежит не В. Суркову, а американским политологам еще 1980-1990-х гг. Особо широко он использовался в отношении стран Восточной Европы после распада социалистического лагеря.

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 21.10.2023).

Российской Федерации, не всегда типична для других стран постсоветского пространства, хотя они также после 1991 г. выстраивали свое отношение к вопросам внешнего и внутреннего суверенитета. Поскольку восприятие суверенитета связано с различными аспектами политической и этнокультурной идентичности, нам кажется уместным провести параллели между идентичностью и отношением к суверенитету в разных странах постсоветского пространства. Так, по мнению Казариновой Д.Б. и Дунамалян Н.А. Российская Федерация с 1990х гг. строила «модель национально-цивилизационного сообщества»; Беларусь – своего рода «несоветскую» модель; Украина, Грузия, Молдова и Прибалтика – «антиимперскую»; Армения – «этнокультурную модель» [Казаринова, Дунамалян 2022: 74]. Этим обусловлено особо сильное внимание российских властных кругов к вопросу внешнего суверенитета еще в 2000-х гг. Д.Б. Казаринова и Н.А. Дунамалян подчеркивают, что, «отталкиваясь ... от тренда на «стратегическое одиночество», власть уже в этот период формулирует политику идентичности, артикулирующую цивилизационную особость и ценностно-политическую обособленность» [Казаринова, Дунамалян 2022: 57].

При этом важно подчеркнуть, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве, прежде всего в рамках ЕАЭС были во многом продиктованы как раз стремлением сохранить свой суверенитет перед лицом давления внешних игроков. Видный российский политолог В.И. Пантин верно указал, что движущей силой формирования общей идеологической основы для стран ЕАЭС является необходимость отстоять и сохранить свой суверенитет, экономическую и политическую независимость...в условиях усиливающегося глобализма, информационных войн, попыток культурной унификации» [Пантин 2022: 23]. Таким образом, даже интеграционные процессы в ряде стран постсоветского пространства противоположны логике развития европейских стран, где национальный

суверенитет и идентичность демонтируются ради построения «супергосударства» ЕС. Следует отметить, что в последние годы в рамках Евросоюза (политической наднациональной верхушки) также активно ведутся о суверенитете ЕС, что было инициировано выступлением президента Франции Макрона в 2017 г. Но, в отличие от дискурса о суверенитете в России или ЕАЭС, одним из основных компонентов этого дискурса является то, что «во взаимодействии ЕС с миром наблюдается и стремление к независимости, и желание сохранить участие в процессах глобализации» [Романова 2021: 32]. В этом существенное отличие видения данного понятия в Москве, Минске, Астане с одной стороны, и в Брюсселе и европейских столицах – с другой. Как верно подметил Э. Паин, «в «старой» Европе и США подъем суверенизма в начале XXI в. порождает алармизм, а то и настоящую панику» [Паин 2021: 39].

Проблема обеспечения реального и полноценного, а не только декларируемого суверенитета стоит во всем современном мире весьма остро. Такая ситуация вызвана, в частности, тем, что процессы информационной, экономической и социальной глобализации трансформируют, а иногда и размывают государственный и национальный суверенитет [Гринин 2005: 15]. Кроме того, различные акторы, включая глобальные финансовые структуры и транснациональные корпорации, используя экономические, политические и военные методы, стремятся навязать свои интересы и свою политику многим странам мира, что нарушает их политический, экономический и культурный суверенитет [Кочесоков, Кочесокова 2022]. Эта проблема крайне актуальна не только для стран Азии, Африки, Латинской Америки, а также для целого ряда постсоветских государств, но и для многих развитых стран. В то же время формы борьбы за обеспечение реального суверенитета, а также ее идеологическое и идейно-политическое наполнение существенно различаются в разных регионах мира.

В этой связи весьма характерно, что в первые десятилетия XXI в. в рамках общественно-политического дискурса в западных странах достаточное широкое распространение получили концепт и доктрина суверенизма. Суверенизм в качестве идейно-мировоззренческого феномена появился во многом как ответ на вызов со стороны политической, экономической и культурной глобализации

В настоящий момент в кризисе находится составляющая ядро Вестфальской системы теория реализма в международных отношениях, в рамках которого главным субъектом и сувереном является национальное государство. Предпринимаются попытки создания новой парадигмы международных отношений, например, аналога теории Мультиверса как «интегрального междисциплинарного видения различных концепций множества миров, развиваемых в разных научных дисциплинах» [Князева 2022: 126]. Здесь происходит расширение рамок понимания суверенитета. Его носителями, суверенными субъектами могут выступать уже не только нации-государства, но и цивилизации, (нео)империи, регионы, этномыры, большие политические пространства в целом. То есть суверенитет начинает пониматься в контексте полисубъектного миропорядка. Можно говорить об интегрализме как сближении, взаимопроникновении, объединении при сохранении многообразия и своеобразия различных субъектов. Следовательно, полисубъектный интегрализм в международных отношениях - это объединение, конвергенция новых и старых субъектов мировой политики и международных отношений, то есть сосуществование старого суверенитета национальных государств с суверенитетом этномиров, постимперских пространств, регионов.

При переходе от Вестфальской концепции национально-государственного суверенитета к полисубъектной модели суверенитета в рамках пост-Вестфалья субъектность новых политических пространств повышается.

В этой связи некоторые эксперты говорят даже о формировании новой линии

разделенности общества суверенисты - глобалисты¹ и суверенисты - универсалисты². В русскоязычном информационном пространстве иногда также говорят и пишут о «совранизме», «совранистах», понимая под ними «сторонников большей самостоятельности национальных правительств в реализации национальных интересов»³. В данном случае происходит апелляция к итальянскому дискурсу, поскольку по-итальянски этот термин (суверенизм) звучит как *il sovranismo*. Итальянский левый журналист Джульетто Кьеза, характеризуя идеологические взгляды лидера партии «Лига» Маттео Сальвини, отмечал, что «его правильнее называть «совранистом» — от слова «суверенитет»: в смысле отстаивание полноценного суверенитета Италии в рамках Европы и Евросоюза»⁴. Надо заметить, что в итальянском общественном дискурсе в целом концепт суверенизма получил значительное распространение. В 2015 г. в Италии была создана праворадикальная партия «Суверенитет» (*Sovranità*) как часть движения *CasaPaund*. Понятия суверенизма стало активно применяться для обозначения идейных позиций интегрально-популистского

¹ Нарочницкая Е. «Суверенизм» против «глобализма»: выборы 2017 г. через призму идейно-ценностного конфликта // Перспективы. URL: https://www.perspektivy.info/history/suverenizm_protiv_globalizma_vybory_2017_g_cherez_prizmu_idejno-cennostnogo_konflikta_2018-03-12.htm?ysclid=lefj0yupmrs868966307 (дата обращения 13.04.2023)

² Паин Э. Универсализм и суверенизм: маятник взаимоотношений // Фонд Либеральная миссия. URL: <https://liberal.ru/foundation-council-materials/universalizm-i-suverenizm-mayatnik-vzaimootnoshenij?ysclid=lel1r68rbe186326650> (дата обращения 10.04.2023).

³ Алексеев Е. Итальянские популисты в Европейском парламенте: победа, поражение или новый вызов? // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/italyanskie-populisty-v-evropeyskom-parlamente-pobeda-porazhenie-ili-novyy-vyzov/?ysclid=lefdu662q419015965> (дата обращения 10.04.2023).

⁴ Кьеза Д. Популистская волна в современной Европе — это не игра и не политтехнология // URL: <https://izborsk--club-ru.turbopages.org/turbo/izborsk-club.ru/s/16031> (дата обращения 09.04.2023).

«правительства перемен» Джузеппе Конте на базе «желто-зелёной» коалиции Движения пяти звёзд и Лиги, функционировавшего в 2018 - 2019 гг. В своём интервью тогдашний премьер-министр Италии заявил, что «Когда кто-то обвиняет нас в суверенизме и популизме, мне всегда хочется вспомнить, что о суверенитете и народе говорится в Конституции Италии, и именно в этом положении я трактую понятие суверенитета и осуществление его народом»¹. Суверенистским является и действующее с 2022 г. правоконсервативное правительство во главе с лидером партии «Братья Италии» Джорджией Мелони. В рамках итальянского общественно-политического дискурса достаточно много говорили о феномене «суверенистского фронта» (*il fronte sovranista*). Итальянский исследователь Р. Валле прямо говорит, что в настоящее время «Лига», одно из движений, входящих в коалицию 2018 года, превратилась «в антиевропейское движение, выступающее за суверенное национальное государство [Валле 2021: 122]. При все пестроте входящих в коалицию партий большинство из них носили ярко выраженный суверенистский характер.

Таким образом, можно констатировать, что развитие идеи суверенизма в Италии является политическим феноменом с длительной историей и достаточно широкой социальной базой.

Несмотря на значительную популярность суверенистского дискурса в Италии, исторической родиной суверенизма считается Франция (на французском языке данный концепт звучит как *le souverainisme*), где он сформировался в конце 1960-х годов на базе голлизма и более радикальных правых течений. Первой организацией суверенистов являлось созданное в 1968 году «Движение за независимость Европы» под руководством П. Мессмера, Р. Болина, Ж. Вандру, Ж.

Фойе и Ж. Горсе. Исследователи отмечают, что в современной французской политике размежевание общества по линии суверенизм - глобализм не менее важно, чем традиционное (на наш взгляд, уже устаревшее) разделение на левых и правых. Более того, оно и не сводится полностью к популизму, ввиду того факта, что на суверенистских позициях стоят многие представители интеллектуальной элиты².

В целом, концепт суверенизма получает растущую популярность среди правопопулистских и национал-популистских сил, выступающих за Европу суверенных наций-государств. В Хорватии к выборам в Европейский парламент в мае 2019 г. даже была создана коалиция под названием «Хорватские суверенисты» (*Hrvatski suverenisti*), получившая по их итогам 8.52 % голосов. Данный блок характеризуют как объединение правых, христианско-националистических, антитурецких партий: Хорватской консервативной партии, Храст – Движения за успешную Хорватию. Ещё в 2007 г. в Европарламенте была образована коалиция правых евроскептиков «Идентичность, традиция, суверенитет». Она включала в себя 23 евродепутата, среди которых ведущую роль играла фракция французского «Национального фронта». Лидер фракции «Национального фронта» в Европейском парламенте Бруно Голниш одновременно являлся и председателем группы «Идентичность, традиция, суверенитет».

Не случайно многие исследователи проводят параллели между суверенизмом и популизмом, указывая на то, что развитие суверенизма – это отличительная черта право-популистского политического дискурса. Так, К. Воронов указывает, по сути ставя знак равенства между популизмом и суверенизмом, что правых и

¹ Conte, Governo: "Sovranismo e populismo sono nella Costituzione" // URL: https://www.repubblica.it/politica/2018/09/26/news/governo_conte_sovranismo_e_populismo_sono_nella_costituzione_-207445240/ (дата обращения 10.04.2023).

² Нарочницкая Е. «Суверенизм» против «глобализма»: выборы 2017 г. через призму идейно-ценностного конфликта // Перспективы. URL: https://www.perspektivy.info/history/suverenizm_protiv_globalizma_vybory_2017_g_cherez_prizmu_idejno-cennostnogo_konflikta_2018-03-12.htm?ysclid=lefj0ypmrs868966307 (дата обращения 12.03.2023).

левых популистов в Европе и США объединяет прежде всего негативное отношение к инструментам глобализации, к факту против ограничения ими национально-государственных суверенитетов. Он утверждает, что «суверенитет — ключевое понятие для современных действительных популистов»¹.

Суверенизм как понятие некоторые исследователи сводят к национализму. Это обусловлено тем, что суверенизм прочно вошел в политический инструментарий европейских новых правых. Помимо этого, исторический национализм выступал в контексте дискурса о суверенитете (национально-освободительные движения в Индии, Юго-Восточной Азии, Африке шли в контексте национализма и стремления к государственному суверенитету). Исследователь феномена национализма Крэйг Калхун справедливо замечает, что «свидетельством успеха националистических проектов является то, что существование и политическая самостоятельность наций на долгое время смогли стать чем-то само собой разумеющимся» [Калхун 2006: 25]. При этом он утверждает, что национализм как явление многогранен, и суверенизм (пусть он и не употребляет этот термин) является одной из его составляющих: «За открытой националистической борьбой лежат более глубокие структуры коллективной идентичности и гордости, которые воспринимаются национализмом... как образ восприятия мира» [Калхун 2006: 25]. Тем самым суверенизм, по мнению Калхуна, является одной из образующих национализма.

Несмотря на то, что суверенизм зародился и получил наибольшую популярность в правопопулистских кругах, существуют и левые суверенисты. Выше речь шла об устаревшем разделении на правых и левых, тут надо определиться. Итальянский учёный Габриэле Де Анжелис в статье «Левый суверенизм. Европейская

интеграция или возвращение государственного суверенитета» [De Angelis 2019: 90] - отмечает, что в последние годы было опубликовано несколько манифестов, с левых позиций, призывающих к отказу от еврозоны и возврату к национальным валютам. Политическое значение левого суверенизма, получившего поддержку со стороны ряда учёных из разных стран, усиливалось все последние годы². Другим представителем левого суверенизма можно по праву назвать американского интеллектуала Н. Хомского, критикующего политику США с левых позиций.

Проблематика идеологии и доктрины суверенизма вошла в политический дискурс сравнительно недавно, но успела завоевать свою нишу в палитре политических мировоззрений. Можно говорить о возникшей суверенистской идентичности. Так, Э. Паин под суверенизмом понимает концепцию, которая нацелена на поддержку обретения или защиты политической независимости нации и / или государства, «считая государственный суверенитет более значимой ценностью, чем взаимодействие стран в системе международных отношений»³. Само такое определение может показаться устаревшим, что признает косвенно и сам автор, далее расшифровывая явление суверенизма. Он пишет, что за идею суверенизма выступают не только ультраправые и ультралевые, но и центристы, включая британских консерваторов или республиканцев в США⁴. Имеется в виду, конечно, Брексит и эпоха правления Д. Трампа в США. Более того, Э. Паин делает разделение на популизм-суверенизм и либеральный суверенизм. Тем самым видно, что понятие суверенизма зачастую трактуется по-разному, в зависимости от того, к какому идеологическому лагерю принадлежат участники дискурса об этом явлении.

² Там же.

³ Паин Э. Универсализм и суверенизм. Маятник взаимоотношений // URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/467380687.pdf>
<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.01.00002>
(дата обращения 12.03.2023).

⁴ Там же.

¹ Воронов К. Лабиринты европейского популизма: клише и сущность // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/labirinty-evropeyskogo-populizma-klishhe-i-sushchnost/> (дата обращения 12.05.2023).

Суверенистское мировоззрение - это попытка адаптации политического дискурса к новым реалиям пост-Вестфальского миропорядка, в рамках которого претерпевающее кризис национально-территориальное государство постепенно теряет роль монопольного субъекта системы международных отношений. Апелляция европейских суверенистов к институтам национального государства, традиционализму и к культурным панидентичностям отражает тот объективный факт, что большие политические пространства альтернативного национальному типа начинают занимать все более значимое место в рамках мировой политики. Так, по мнению И.В. Кудряшовой, «в постнациональную фазу конструирование и осмысление новых политических панидентичностей связано с образованием инокультурных диаспоральных сообществ и «миров» и с новыми социальными движениями... В культурном отношении панъевропейская идентичность основывается на переосмыслении общего цивилизационного и исторического наследия» [Кудряшова: 2017: 364].

Таким образом, можно констатировать, что, начиная с 2010-х гг., когда в европейском общественном дискурсе определённое распространение получил концепт суверенизма, Суверенизм как доктрина и практика постепенно превращается в значимый международно-политический фактор.

Выводы. Перспективы суверенизма в науке и политике

Суверенизм как идеология находится в стадии своего активного развития и институционального оформления. Это явление многофакторное, и его нельзя свести исключительно к стремлению сохранить государственный суверенитет или культурное своеобразие. Суверенизм – надидеологическое явление, объединяющее как левых, так и правых. Это по факту – своего рода конвергенция левой и правой идеи.

Так называемый правый суверенизм имеет общие черты с классическим

национализмом и правым популизмом, но не является их синонимом или симулякром. Он продукт новых веяний в политическом дискурсе и трансформации политической идентичности. В этом отношении верно предположение об устаревании традиционной градации на левых, правых и центристов в политическом дискурсе: «Все выдуманные политическим и экспертным сообществом клише и трафареты, все деление на либералов и консерваторов, крайне правых и левых, патриотов и космополитов, сторонников и противников заведомо ущербны.... Нужны в основном как средство политической борьбы с неудобными и более успешного промывания мозгов»¹.

Суверенизм – занял прочное место идеологического направления, его актуальность признается ведущими мировыми лидерами и политическими деятелями. В условиях разделения мира на сторонников глобализации и сторонников суверенизации концепция суверенизма приобретает все большее значение. Из идеологии философов правого лагеря, не признаваемых и демонизируемых их идейными оппонентами, суверенизм становится значимым международно-политическим фактором.

Подход к защите суверенитета в России и странах Европы сильно отличается. Если российский нарратив суверенитета – это устанавливаемый принцип суверенности «сверху», то в большинстве стран Европы борьба за сохранение внешнего и внутреннего суверенитета – в основном удел оппозиционных партий. Исключением может считаться Италия, где в 2018 г. пришла к власти коалиция левых и правых суверенистов. Но и в том случае коалиция выстраивала прежде всего «концепцию национального суверенитета вокруг примата «внутреннего суверенитета» [Алексеевкова: 2019: 107].

¹ Энтин М., Энтина Е. Возвращение эры консервативного национализма в ЕС и США // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-ery-konservativnogo-natsionalizma-v-es-i-ssha/> (дата обращения 20.03.2023).

При этом суверенизм как идеология является примером разделенности общества. Об этом говорит резкое неприятие суверенизма его идейными противниками – либералами, глобалистами, сторонниками демонтажа института национального государства. Общественная дискуссия о суверенитете государства, нации, региона всегда протекает на «повышенных тонах», что также говорит о высокой степени общественного размежевания по этому вопросу. Основная причина роста суверенистских и популистских настроений в Европе по точному замечению Е. Алексеенковой – «увеличивающийся раскол между народом и европейской бюрократией» [Алексеенкова: 2019: 107].

Наконец, феномен суверенизма представляет собой яркий пример «подковы левой и правой идеи». Как правильно отметил один из авторов теории политической подковы Джеф Тэйлор, «было бы полезнее думать о левых и правых как о двух компонентах популизма» [Taylor: 2006: 118]. К аналогичному выводу приходят исследователи Н. Эрнст, С. Энгессер и Ф. Эссер, говоря о «биполярном популизме» [Ernst: 2017: 259]. Фактически в Европе растут популистские настроения как слева, так и справа, и порой они неожиданно пересекаются, как в случае с «Движением за мир Сары Вагенкнехт, которую в немецких СМИ активно называют «национал-большевичкой»¹.

Одновременно суверенизм представляет собой яркий пример развития политической концепции, которая постепенно становится важным фактором политического дискурса и теории. В отличие от устаревшего разделения на левых – правых – центристов размежевание на суверенистов и глобалистов еще полностью не устоялось в политической теории, но его развитие идет очень быстро, и, вероятно, в течение ближайшего десятилетия подобная градация станет общепризнанной.

¹ Benesch, Alex. Die zwei neuen Parteien: Wagenknechts Nationalbolschewismus und Maassens Republican-Abklatsch // <https://recontr.com/2023/09/10/die-zwei-neuen-parteien-wagenknechts-nationalbolschewismus-und-maassens-republican-abklatsch/> (дата обращения 10.11.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеевкова Е.С.* Страна победившего популизма. Италия после выборов // Современная Европа, №2. 2019. С. 106–117.
- Валле Р.* «Демократия чуда». Итальянский популизм в исторической перспективе // Актуальные проблемы Европы, № 2. 2019. С. 121–140.
- Голикова Т.А.* «Суверенитет» как медиакогнитивная категория современного политического дискурса // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика №1(12). 2023. С. 101–108.
- Гринин Л.Е.* Глобализация и национальный суверенитет // История и современность, № 1/2005. С. 6–31.
- Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А.* Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука, № 1. 2022. С. 52–79.
- Калхун К.* Национализм. М., Территория будущего. 2006. 286 с.
- Князева Е.Н.* Идея мультиверса: междисциплинарная перспектива // Философия науки и техники, Т. 27, № 2. 2022. С. 121–135.
- Кочесоков З.Х., Кочесокова М.З.* Проблема государственного суверенитета в современном мировом развитии // Вестник экспертного совета, № 2(22). 2022. С. 91 – 96.
- Кудряшова И.В.* Политическая панидентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. М., Издательство “Весь Мир”. 2017. С. 362 – 365.
- Лебедев В.А., Киреев В.В.* Суверенная демократия как конституционная идея современной России. Челябин. гос. ун-т. – Челябинск. 2007. 255 с.
- Паин Э.* Универсализм и суверенизм: маятник взаимоотношений // Идеология и политика, № 1(17). 2021. С. 22-43
- Пантин В. И.* Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, Т. 22, № 1. 2022. С. 17–29.
- Пушкарев Е.А.* Развитие концепции суверенной демократии в России: теоретический анализ // Философия права, № 2 (97). 2021. С. 59–63
- Романова Т.* Дискурс о суверенитете Европейского Союза: содержание и последствия // Современная Европа, №5. 2021. С. 32-44.
- De Angelis G.* *Sovranismo “di sinistra”*. Integrazione europea o ritorno alla sovranità dello Stato // *Politica & Società*. No. 1. 2019. P. 87–112.
- Ernst N., Engesser S., Esser F.* Bipolar Populism? The Use of Anti-Elitism and People-Centrism by Swiss Parties on Social Media // *Swiss Political Science Review* 23(3). 2017. P. 253–261.
- Taylor Jeff* *Where Did the Party Go?*. Columbia, Missouri: University of Missouri Press. 2006. 373 p.

REFERENCES

- Alekseenkova E.S.* Strana pobedivshego populizma. Italiya posle vyborov // *Sovremennaya Evropa*, №2. 2019. S. 106–117.
- Valle R.* «Demokratiya chuda». Ital'yanskij populizm v istoricheskoy perspektive // *Aktual'nye problemy Evropy*, № 2. 2019. S. 121–140.
- Golikova T.A.* «Suverenitet» kak mediakognitivnaya kategoriya sovremennogo politicheskogo diskursa // *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* №1(12). 2023. S. 101–108.
- Grinin L.E.* Globalizaciya i nacional'nyj suverenitet // *Istoriya i sovremennost'*, № 1/2005. S. 6–31.
- Kazarinova D.B., Dunamalyan N.A.* Traektorii razvitiya postsovetskih identichnostej: podhody, modeli, tendencii // *Politicheskaya nauka*, № 1. 2022. S. 52–79.
- Kalhun K.* *Nacionalizm*. M., Territoriya budushchego. 2006. 286 s.
- Knyazeva E.N.* Ideya mul'tiversa: mezhdisciplinarnaya perspektiva // *Filosofiya nauki i tekhniki*, T. 27, № 2. 2022. S. 121–135.

- Kochesokov Z.H., Kochesokova M.Z.* Problema gosudarstvennogo suvereniteta v sovremennom mirovom razvitii // Vestnik ekspertnogo soveta, № 2(22). 2022. S. 91 – 96.
- Kudryashova I.V.* Politicheskaya panidentichnost' // Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. M., Izdatel'stvo "Ves' Mir". 2017. S. 362 – 365.
- Lebedev V.A., Kireev V.V.* Suverennaya demokratiya kak konstitucionnaya ideya sovremennoj Rossii. CHelyab. gos. un-t. – CHelyabinsk. 2007. 255 s.
- Pain E.* Universalizm i suverenizm: mayatnik vzaimootnoshenij // Ideologiya i politika, № 1(17). 2021. S. 22-43
- Pantin V.I.* Ideologicheskie osnovy evrazijskoj ekonomicheskoy integracii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, T. 22, № 1. 2022. S. 17–29.
- Pushkarev E.A.* Razvitie koncepcii suverennoj demokratii v Rossii: teoreticheskij analiz // Filosofiya prava, № 2 (97). 2021. S. 59–63
- Romanova T.* Diskurs o suverenitete Evropejskogo Soyuza: sodержanie i posledstviya // Sovremennaya Evropa, №5. 2021. S. 32-44.
- De Angelis G.* Sovranismo "di sinistra". Integrazione europea o ritorno alla sovranità dello Stato // Politica & Società. No. 1. 2019. P. 87–112.
- Ernst N., Engesser S., Esser F.* Bipolar Populism? The Use of Anti-Elitism and People-Centrism by Swiss Parties on Social Media // Swiss Political Science Review 23(3). 2017. P. 253–261.
- Taylor J.* Where Did the Party Go?. Columbia, Missouri: University of Missouri Press. 2006. 373 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Камкин Александр Константинович, к.ф.н, старший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, Москва, Россия. E-Mail: alexander.kamkin@yahoo.com

Alexander K. Kamkin, Ph.D., Senior Researcher at the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies of the E.M. Primakov IMEMO RAS, Moscow, Russia. E-Mail: alexander.kamkin@yahoo.com

Сигачев Максим Игоревич, к.п.н, научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова Москва, Россия. E-Mail: maxsig@mail.ru

Maxim I. Sigachev, PhD, Researcher at the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies of the E.M. Primakov IMEMO RAS Moscow, Russia. E-Mail: maxsig@mail.ru

Основные направления деятельности государств-членов СНГ в сфере молодежной политики

Е. Е. Власов

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
E-mail: vlasov.ee@dvfu.ru

М. О. Дмитриева

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Аннотация. После распада Советского Союза новым независимым государствам пришлось, помимо прочего, самостоятельно определять свою молодежную политику. Это направление не стало сразу приоритетом, однако со временем пришло осознание, что работа с молодежью в большой мере определяет будущее страны. Целью данной статьи является выявление особенных подходов и приоритетов в реализации молодежной политики государств-участников СНГ (кроме Молдовы и Украины). Авторы приходят к выводу, что молодежная политика государств-членов СНГ является частью их социальной политики, направленной на достижение приоритетных целей развития страны. Россия в свою очередь может перенять лучшие практики своих партнеров в деле реализации молодежной политики, а также скорректировать собственную политику взаимодействия с молодежью СНГ. В дальнейшем координация действий государств-членов Содружества будет способствовать созданию на пространстве Евразии сообщества молодежи, проповедующей общие фундаментальные ценности, осознавая при этом свою культурно-историческую особенность.

Ключевые слова: молодежная политика, СНГ, концепция, приоритеты молодежной политики.

Для цитирования: Власов Е. Е., Дмитриева М. О. Основные направления деятельности государств-членов СНГ в сфере молодежной политики // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):930-937.

The main activities of the CIS member states in the field of youth policy

Evgeny E. Vlasov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: vlasov.ee@dvfu.ru

Marina O. Dmitrieva

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Abstract. After the collapse of the Soviet Union, the newly independent states had, among other things, to independently determine their youth policy. This area did not immediately become a priority, but over time it became clear that working with young people largely determines the future of the country. The purpose of this article is to identify special approaches and priorities in the implementation of youth policy in the CIS member states (except Moldova and Ukraine). The authors conclude that the youth policy of the CIS member states is part of their social policy aimed at achieving the country's priority development goals. Russia, in turn, can adopt the best practices of its partners in the implementation of youth policy, as well as adjust its own policy of interaction with the youth of the CIS. In the future, the coordination of the actions of the member states of the Commonwealth will contribute to the creation of a community of young people in the Eurasian space who preach common fundamental values, while being aware of their cultural and historical peculiarity.

Keywords: youth policy, CIS, concept, priorities of youth policy.

For citation: Evgeny E. Vlasov, Marina O. Dmitrieva The main activities of the CIS member states in the field of youth policy // Post-Soviet Studies. 2024; 8(1):930-937. (In Russ.)

Для РФ приоритетным направлением внешней политики всегда было ближнее зарубежье. Содружество независимых государств рассматривается Москвой как один из главных институтов на постсоветском пространстве. В обновленной Концепции внешней политики России зафиксировано стремление к «содействию в формировании единого гуманитарного пространства России и государств – участников СНГ, сохранению многовековых цивилизационных и духовных связей народа России с народами этих государств»¹. В этом направлении работа с молодежью играет важную роль. В марте 2024 г. в России на федеральной территории «Сириус» пройдет Всемирный Фестиваль молодёжи. Для участия в Фестивале подали заявки представители 183 стран мира. После окончания основной программы будет реализована региональная программа в 30 субъектах России. Очевидно, что большинство делегатов будет из стран СНГ.

Целью данной статьи является выявление особенных подходов и приоритетов в реализации молодежной политики государств-участников СНГ². Для этого были решены следующие исследовательские задачи: изучена нормативно-правовая база, регламентирующая государственную молодежную политику; рассмотрены механизмы ее реализации; и приоритетные направления развития молодежной политики.

После распада Советского Союза новым независимым государствам пришлось,

помимо прочего, самостоятельно определять свою молодежную политику. Это направление не стало сразу приоритетом, однако со временем пришло осознание, что работа с молодежью в большой мере определяет будущее страны [Лупачева 2019].

Страны-участники СНГ в 2020 г. приняли Стратегию международного молодежного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств на 2021-2030 гг., в которой определены цели, задачи, принципы, направления, формы и механизмы развития молодежного сотрудничества в СНГ. Армения и Азербайджан при подписании Решения сделали оговорку – особое мнение³.

Еще в 2005 г. было принято Соглашение государств – участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в сфере работы с молодежью, а в 2012 г. Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ был принят Модельный закон «О государственной молодежной политике». Однако существуют особенности данного направления деятельности в каждом государстве.

Молодежная политика в **Армении** обозначена как стратегическое направление и неотъемлемая часть государственной политики. С момента обретения независимости сменилось несколько концепций и стратегий, регламентирующих данную сферу. В настоящее время в силе Концепция государственной молодежной политики Республики Армения на 2015-2025 гг. Нормативно-правовую базу формируют и ряд других законов⁴.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.)

² Кроме Молдовы и Украины, которые в настоящее время практически не участвуют в деятельности организации. За рамки также выведена политика России в отношении молодежи с целью приложения результатов настоящего исследования в дальнейших изысканиях.

³ Ереван заявил, что не будет применять условия Решения в отношении Азербайджанской Республики

до урегулирования нагорнокарабахского конфликта. Баку подчеркнул, что «Никакие из прав, обязанностей и положений, изложенных в Стратегии, не будут применяться Азербайджанской Республикой в отношении Республики Армения до освобождения Республикой Армения всех оккупированных территорий Азербайджанской Республики и полного устранения последствий агрессии».

⁴ Закон Республики Армения «О местном самоуправлении» от 7 мая 2002 года.

Меры социальной поддержки молодежи в Республике Армения, помимо стандартного набора мероприятий, включают в себя работу с молодежью диаспоры. Уже несколько лет реализуется программа «Молодой посол диаспоры» («Обучение молодых лидеров диаспоры»), которая направлена на создание возможностей для молодых людей из армянской диаспоры в расширении своих взглядов на политические, социальные, экономические и другие вопросы Армении¹.

Другая программа «Ари тун» (Вернись домой) для молодых представителей армянской диаспоры направлена на помощь узнать родную страну лучше. Зачастую, участники программы после возвращения в страну проживания начинают активную проармянскую деятельность.

В республике действуют западные неправительственные организации, занимающиеся проблемами молодежи. Например, в рамках подготовки к своей следующей пятилетней стратегии USAID в Армении поручил программе YouthPower Learning провести межотраслевую оценку молодежи (CSYA).

Таким образом, молодежная политика Армении включает в себя стандартный набор мероприятий с акцентом на работу с молодежью диаспоры.

В Азербайджане действует Стратегия развития молодежи в 2015-2025 гг. Перечень нормативных правовых актов в сфере молодежной политики насчитывает порядка 19 документов.

Важную роль в деле реализации молодежной политики играет Фонд молодежи при Президенте Азербайджанской Республики, созданный в 2011 г.. Основными задачами фонда являются реализация проектов и программ, значимых для государства и общественности в сфере молодежной политики.

В 2021 г. между Милли Меджлисом и Фондом молодежи Азербайджана подписан меморандум о создании Молодежного

парламента Азербайджана. Основной его целью является привлечение молодежи к парламентской деятельности. В Молодежном парламенте Азербайджана представлены 30 человек.

В Азербайджане большое число различных молодёжных организаций, многие из которых являются членом Национального Совета Молодёжных Организаций, учрежденной в 1995 г. В настоящий момент Национальный совет молодёжных организаций Азербайджана (NAYORA) объединяет около полутора сотни молодёжных организаций страны.

Молодежная политика всегда была в фокусе внимания власти в Азербайджане, что выразилось в формировании обширной нормативной базы и сети молодёжных организаций.

В 2021 г. была принята «Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года».

Особенностью реализации молодежной политики в Белоруссии является пристальное внимание к талантливой молодежи [Самохвалов 2019]. В республике функционируют специальные фонды и программы поддержки для отдельных категорий молодых специалистов. Стоит отметить Указ Президента Республики Беларусь №199 «О некоторых вопросах формирования, ведения и использования банков данных одарённой и талантливой молодежи» от 26 апреля 2010 г. Для молодёжи из этого банка предусмотрен целый ряд стимулов для более полной реализации их потенциала.

Образование также можно отметить, как приоритетное направление молодежной политики Минска. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021-2025 гг. включает в себя 11 подпрограмм.

Молодежные объединения также играют важную роль². Самой многочисленной организацией, активно участвующей в

¹ Молодой посол диаспоры // URL: <http://diaspora.gov.am/ru/programs/19/Diaspora-Youth-Ambassador> (дата обращения 16.12.2023).

² Их деятельность регламентируют Закон Республики Беларусь 9 ноября 1999 года N 305-З «О

государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений в Республике Беларусь», Постановление Министерства Образования Республики Беларусь 30 ноября 2005 года № 101 «Об утверждении Инструкции о порядке формирования

различных городских, районных, областных и республиканских мероприятиях является Белорусский республиканский союз молодежи. Данная молодежная организация получает поддержку со стороны государства и СМИ, что способствует ее известности среди молодежи и масштабности социальных акций. Следует отметить, что другие молодежные организации, действующие в Белоруссии, не так широко известны и социально активны.

В июле 2020 г. был создан Молодежный совет (парламент) при Национальном собрании Республики Беларусь, целью которого является содействие деятельности Национального собрания Республики Беларусь в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи.

Видимо, из-за потрясших страну в 2020 г. волнений и протестов государство стало концентрироваться на гражданско-патриотическом воспитании молодого поколения.

Казахстан за последний год, наряду с другими реформами, активно занялся вопросом молодежной политики. Так, была принята Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023-2027 гг. В скором времени она была обновлена, и в силу вступила Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023-2029 гг. Документ предусматривает семь приоритетных направлений развития молодежной политики: гражданское участие и участие в принятии решений; реализация потенциала и предпринимательство; просвещение и культура; современные ценности и патриотическое воспитание; информационное пространство; здоровый образ жизни; молодежь и село.

К.-Ж.Токаев в конце 2022 г. назвал три важных приоритета для молодежи Нового Казахстана - стремление к знаниям, трудолюбие и патриотизм¹. Тогда же президент подписал закон, согласно которому возраст молодежи увеличен до 35 лет.

В 2012 г. был создан «Научно-исследовательский центр «Молодежь» при Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилева. Центр проводит исследования в сфере молодежи и молодежной политики с целью выявления всех тенденций.

Государством принимались ряд программ по поддержанию молодежи и развитию кадрового потенциала [Зайниева]. Широко известна Программа «Болашак», учрежденная Указом Первого Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева в 1993 г. За годы функционирования порядка 20 000 казахстанцев прошли обучение в зарубежных ВУЗах. Часть текущего истеблишмента Казахстана является выпускниками данной программы².

Еще одна программа – проект президента К.Ж. Токаева. Он объявил о создании Президентского Кадрового Резерва, куда войдут 300 граждан, не старше 35 лет и стажем не менее 5 лет, данный резерв должен стать эффективным социальным лифтом для молодежи, а главное омолодить госаппарат.

В 2023 г. был запущен грантовый конкурс «Тәуелсіздік ұрпақтары» (Потомки независимости), целью присуждения которого является государственная поддержка новых и действующих инициатив молодых людей, направленных на формирование сообщества активной творческой молодежи³.

Стоит отметить, что в Казахстане функционирует множество молодежных организаций, молодежные отделения

республиканского реестра молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой».

¹ Касым-Жомарт Токаев назвал три ориентира для молодежи Нового Казахстана // URL: https://www.inform.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-nazval-tri-orientira-dlya-molodezhi-novogo-kazahstana_a3953933 (дата обращения 16.12.2023).

² Новую казахстанскую элиту ищут, пока она уже работает? // URL: <https://ia-centr.ru/experts/ozhet-shegirbaev/novuyu-kazakhstanskuyu-elitu-ishchut-poka-ona-uzhe-rabotaet/> (дата обращения 16.12.2023).

³ Об утверждении Правил присуждения гранта "Тәуелсіздік ұрпақтары". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033114> (дата обращения 16.12.2023).

политических партий [Мекебаева 2016]. Самой крупной сетью молодежных объединений страны является Конгресс молодежи Казахстана. Он был создан в 2002 г. на II Республиканском форуме молодежи.

В целом отличительной особенностью молодежной политики Казахстана является пристальное внимание на подготовку управленческих кадров.

За 30 лет независимости в **Кыргызстане** сформировалась довольно обширная правовая база, регламентирующая молодежную политику. На данный момент действует Концепция молодежной политики на 2020-2030 гг.

Молодежь республики составляет около 30% населения страны, при этом ожидается, что через 10 лет численность данной группы вырастет на 18% и достигнет показателя чуть более 2 миллионов человек. С каждым годом, численность молодежи растет, а темпы экономики отстают. Молодежь является главным оплотом как позитивных, так и негативных движений, в том числе протестных. Кроме того, высокий протестный потенциал, отсутствие рабочих мест, вынужденная трудовая миграция и нестабильность самого общества Кыргызстана делает молодежную политику государства одной из самых важных для страны.

За последние 20 лет в республике были реализованы две национальные программы для развития молодежи: «Жаштык» и созданная на ее базе «Кыргызстан жаштары». Обе эти инициативы сильно критиковались из-за расплывчатых целей и задач программы и декларативных положений, отсутствия конкретности и механизмов осуществления [Мыктыбекова 2019].

Это случилось отчасти из-за того, что государственные органы, отвечающие за молодежную политику, постоянно реорганизовывались и переходили под ведомство различных министерств. В настоящее время данная сфера стала зоной ответственности министерства культуры,

информации, спорта и молодежной политики.

В силу традиционного сильного влияния западных НПО в Кыргызстане молодежная политика также находится в фокусе их деятельности. Эта тема появляется при исследовании практически всех сфер жизни общества: образования, миграции, экономического и культурного развития.

Например, в публикации, подготовленной Международной дебатной образовательной ассоциацией и Фондом «Сорос-Кыргызстан» дается рекомендация «Осуществлять регулярную координацию работы с донорами и ориентированными на молодежь НПО, для того чтобы иметь более четкое представление о том, какие потребности молодежи удовлетворяются, где и кем, а какие оставлены без внимания» [Молодежь... 2012].

В 2011 г. начал работу Молодежный парламент Кыргызской Республики. За период деятельности проекта, рассчитанного на 1,5 года, было проведено семь рабочих сессий. В работе Молодежного парламента участвовали 40 гражданских активистов со всех регионов Кыргызстана в возрасте от 18 до 29 лет. Проект был запущен Общественным фондом поддержки демократии при поддержке Жогорку Кенеш, лидеров фракций, депутатов, НПО, посольства США и USAID.

Активность неправительственных организаций находит отпор у местных активистов, которые считают, что «данные рекомендации в серьезных исследованиях авторитетных международных организаций служат, по сути, руководством к более активным действиям кыргызской молодежи по расшатыванию обстановки в стране»¹.

В **Таджикистане** молодежь составляет треть населения. Ежегодно ее численность увеличивается почти на 2%, поэтому поддержка молодежи заявлено одной из приоритетных для государства.

Молодежную политику Таджикистана курирует Комитет молодежи и спорта при Правительстве. Молодежные организации в

¹ Нургожаев М. Кыргызстан: на что нацелены молодёжные программы международных организаций? // Ритм Евразии. URL: <https://www.ritim Eurasia.org/news--2022-12-24-->

kyrgyzstan-na-chto-naceleny-molodezhnye-programmy-mezhdunarodnyh-organizacij-63780 (дата обращения 16.12.2023).

Таджикистане можно разделить на две группы - государственные и неправительственные. Государственные организации молодежи, как правило, имеют определенную модель развития и подчинены госструктурам. Среди них по своему масштабу ярко выделяются, прежде всего, Союз молодежи Таджикистана при Комитете молодежи и спорта и «Авангард» при МВД. Кроме того, во многих госструктурах имеются свои специфичные молодежные и студенческие клубы и кружки, например, предпринимателей, ученых, спортсменов и другие. В республике функционирует Объединение молодежных организаций Таджикистана (ОМОТ), которое проводит форумы для обсуждения участия молодежи в глобальных, национальных и местных процессах устойчивого развития общества и государства¹.

В ходе реализации молодежной политики в Таджикистане большое внимание уделяется спорту и здоровому образу жизни. В целом молодежная политика в Таджикистане органично дополняет идеологию государства.

Туркменистан в настоящее время является ассоциированным членом-наблюдателем СНГ.

Новая редакция Закона Туркменистана «О государственной молодежной политике» была принята в 2022 г. Главная цель обновленного Закона – «создание благоприятных правовых условий для воспитания молодого поколения в духе патриотизма, гуманизма и трудолюбия»². Согласно документу полномочия Министерства спорта в сфере молодежной политики переданы Министерству образования Туркменистана.

В 2021 г. Президент Туркменистана утвердил Госпрограмму в области молодежной политики на 2021-2025 гг. Несмотря на то, что в документах

обозначены стремления содействия формированию сегмента молодых предпринимателей, совершенствования законодательной базы в области молодёжи, доступности образования, главным в молодежной политике Туркменистана является духовно-нравственное патриотическое воспитание.

Молодёжная организация Туркменистана имени Махтумкули играет важную роль в реализации молодежной политики. Это самое крупное общественное объединение в стране, отстаивающее интересы молодых граждан. Она функционирует с 1991 г., и ее деятельность также направлена по большей части на воспитание молодого поколения.

Таким образом, молодежная политика Туркменистана встроена в идеологическую работу государственного аппарата, пронизывающую все сферы жизни общества.

В **Узбекистане**, где молодые люди в возрасте до 30 лет составляют 60% населения, молодежную политику регламентирует Закон «О государственной молодежной политике», принятый в 2016 г.

В 2019 г. был подписан Указ О мерах по коренному реформированию и поднятию на новый уровень государственной молодежной политики в Республике Узбекистан, где было объявлено о создании Агентства по делам молодежи и определены ее задачи и направления деятельности. Кроме того, была утверждена Программа дополнительных мер по дальнейшему развитию государственной молодежной политики.

Президентом были выдвинуты пять инициатив, включающих в себя задачи широкого привлечения молодежи к культуре, искусству, физическому воспитанию и спорту, повышения ее грамотности в информационных технологиях, пропаганды чтения книг среди молодежи, обеспечения занятости женщин³.

¹ «Авангард», Созидатели Родины и ОМОТ: Чем занимаются молодежные организации Таджикистана? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20190424/avangard-sozidateli-rodini-i-omot-chem-zanimayutsya-molodezhnie-organizatsii-tadzhikistana> (дата обращения 16.12.2023).

² Закон Туркменистана от 1 сентября 2022 года «О государственной молодежной политике».

³ Указ Президента Республики Узбекистан, от 30.06.2020 г. № УП-6017 о мерах по коренному реформированию и поднятию на новый уровень государственной молодежной политики в республике Узбекистан.

Учреждены Государственная премия «Мард ўғлон»¹ и медаль «Келажак бунёдкори»².

В Законодательной палате Олий Мажлиса создана Комиссия по вопросам молодежи, сформированы Молодежные парламенты при палатах Олий Мажлиса. Наряду с государственными органами, в сфере молодежной политики работают такие организации, как Союз молодежи Узбекистана, фонд «Истедод», благотворительный фонд «Махалла» и многие другие негосударственные общественные организации.

Отличительной особенностью молодежной политики Узбекистана является большое внимание к обеспечению занятости молодежи и созданию условий для получения достойного дохода. Так в апреле 2021 г. было подписано постановление о создании во всех регионах Узбекистана молодёжных промышленных и предпринимательских зон, а также поддержке предпринимательских инициатив молодёжи³.

Таким образом, молодежная политика стран СНГ является частью их социальной политики, направленной на достижение приоритетных целей развития страны.

Россия в свою очередь может сделать два вывода - перенять лучшие практики своих партнеров в деле реализации молодежной политики и внести соответствующие коррективы в собственную политику взаимодействия со странами СНГ, реализуемую каждой в своей части МИД России, Минобрнауки России, Россотрудничеством, Минпросвещения России. Активная работа западных НПО на территории стран-членов СНГ влияет на общий фон настроений в молодежной среде, создавая предпосылки к протестным

настроениям. Здесь же стоит отметить высокий уровень мобильности у молодежи разных стран, что также добавляет фактор распространения идей и мнений. Аффилированность молодежных организаций с государственной властью влияет двояко – как добавляет уверенности для деятельности такой организации, так и приводит к дистанцированию части активного населения. В разработке своей политики власти необходимо держать соответствующий баланс и уметь вести коммуникацию с молодежью, имеющую разные настроения, в том числе находящиеся под влиянием западных НПО. Целесообразно выработать систему взаимодействия с молодежью, способную учитывать совокупность мнений. Инициатором такого процесса мог бы выступить ЕАЭС с учетом большого влияния молодежи на экономические процессы (аналогично в Азиатско-Тихоокеанском регионе АТЭС занимается вопросами координации политик в области образования и молодежи). В дальнейшем координация действий государств-членов Содружества будет способствовать созданию на пространстве Евразии сообщества молодежи, проповедующей общие фундаментальные ценности, осознавая при этом свою культурно-историческую особенность. Идея единства в многообразии может стать движущей силой евразийской интеграции на ее молодежном треке. Согласованная молодежная политика стран-членов СНГ может стать чем-то вроде «мягкой силы», при помощи которой СНГ будет формировать позитивный образ организации, привлекательный как для участников, так и для существующих и потенциальных партнеров.

¹ Государственная премия "Мард ўғлон" присуждается одаренным юношам, являющимся примером для сверстников своими успехами в учебе, общественной активностью и талантом, за особые достижения в области науки, образования, медицины, культуры, литературы, искусства, спорта, производства, военной службы и в деятельности правоохранительных органов.

² Медалью «Келажак бунёдкори» награждаются граждане Республики Узбекистан, достигшие 14 лет и не старше 30 лет, преданно служащие интересам

народа, проявляя патриотизм, самоотверженность и трудолюбие, вносящие достойный вклад в повышение международного авторитета и приумножение славы нашей Родины, являющиеся для сверстников примером активности и инициативности в общественно-политической жизни страны, а также достигшие больших успехов в учебе и трудовой деятельности.

³ Молодёжные промзоны создадут по всей стране. // URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/04/22/youth/> (дата обращения 16.12.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зайниева Л.Ю.* Становление государственной молодежной политики в Казахстане // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. №. 2. С. 133-137.
- Луначева Н.С.* Современные исследования молодежной политики // Социально-гуманитарные знания. 2019. №2. С. 333-337.
- Мекебаева М.А.* Молодежная политика республики Казахстан: механизмы и проблемы реализации // Вестник казахского национального педагогического университета Им. Абая. 2016. URL: <https://articlekz.com/article/18527> (дата обращения 16.12.2023).
- Молодежь и государственная политика в Кыргызстане. Б.: 2012. 100 с.
- Мыктыбекова А.* Молодежная политика Кыргызстана как основа активизации участия молодежи в принятии значимых решений // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. vol.12-2 (39). P. 22-25.
- Самохвалов Н.А.* Анализ государственной молодежной политики в Республике Беларусь на современном этапе // Научен вектор на Балканите. 2019. Т. 3, № 2(4). С. 80-83.

REFERENCES

- Luracheva N.S.* Modern studies of youth policy // Socio-humanitarian knowledge. 2019. No.2. P. 333-337.
- Mekebayeva M.A.* Youth policy of the Republic of Kazakhstan: mechanisms and problems of implementation // Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University Named after Abai. 2016. URL: <https://articlekz.com/article/18527> (accessed 12/16/2023).
- Youth and public policy in Kyrgyzstan. B.: 2012. 100 p.
- Myktybekova A.* Youth policy of Kyrgyzstan as a basis for enhancing youth participation in making significant decisions // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. vol.12-2 (39). P. 22-25
- Samokhvalov N.A.* Analysis of the state youth policy in the Republic of Belarus at the present stage // Scientific vector in the Balkans. 2019. Vol. 3. No. 2(4). P. 80-83.
- Zajnieva L.Y.* Stanovlenie gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Kazahstane // Yaroslavskij pedagogicheskiy vestnik. 2013. Т. 1. №. 2. S. 133-137.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Власов Евгений Евгеньевич, к.полит.н., проректор по международным отношениям, директор Восточного института- Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. E-mail: vlasov.ee@dvfu.ru.

Дмитриева Марина Олеговна, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Восточного института- Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru.

Evgeny E. Vlasov, PhD, Vice-Rector for International Relations, Director of the Oriental Institute-School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: vlasov.ee@dvfu.ru.

Marina O. Dmitrieva, PhD, Associate Professor, Department of International Relations, Oriental Institute-School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru.

Взгляд аналитических центров Персидского залива на внешнюю политику России

Д. В. Калмык

*Российский университет имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
E-mail: darya.kalmyk@bk.ru*

М. Р. Фаткулина

*Российский университет имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
E-mail: fatkulina_masha@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается взгляд аналитических центров Персидского залива на внешнюю политику России. Авторы исследуют позицию этих центров по отношению к России и анализируют их влияние на формирование внешнеполитического курса стран региона. Статья основана на анализе публикаций и исследований, проведенных персидскими аналитическими центрами и экспертами при помощи контент-анализа. Авторы подчеркивают, что взгляд персидских аналитических центров на внешнюю политику России имеет особое значение, учитывая стратегическую важность Персидского залива для мировой экономики и политики. Они обращают внимание на то, что аналитические центры региона активно изучают интересы и действия России не только в Персидском заливе, но и в других регионах, а также прогнозируют возможные последствия для региональной стабильности и безопасности. Статья также анализирует различные точки зрения аналитических центров на внешнеполитическую стратегию России, включая ее политические, экономические и военные аспекты. Авторы отмечают, что многие центры считают Россию важным игроком в регионе и уделяют внимание ее активностям, включая военную поддержку и экономическое сотрудничество. К тому же статья указывает на значимость взгляда персидских аналитических центров на внешнюю политику России и подчеркивает их влияние на формирование стратегий и решений стран региона. Анализ позиций этих центров позволяет более глубоко понять и предсказать развитие отношений России с Персидским заливом и влияние этого взаимодействия на мировую политику и экономику.

Ключевые слова. Аналитический центр, политика, экономика, Персидский залив, Россия, регион, исследование.

Для цитирования: Калмык Д. В., Фаткулина М. Р. Взгляд аналитических центров Персидского залива на внешнюю политику России // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):938-951.

Persian Gulf think tanks' views on Russian foreign policy

Daria V. Kalmyk

*People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia
E-mail: darya.kalmyk@bk.ru*

Maria R. Fatkulina

*People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia
E-mail: fatkulina_masha@mail.ru*

Abstract. This article examines the perspective of Gulf think tanks on Russian foreign policy. The authors examine the position of these centers in relation to Russia and analyze their influence on the formation of the foreign policy course of the countries of the region. The article is based on analytical publications and studies conducted by Persian think tanks and experts using content analysis. The authors emphasize that the perspective of Persian think tanks on Russian foreign policy

is of particular importance given the strategic importance of the Persian Gulf for global economics and politics. They draw attention to the fact that think tanks in the region are actively studying Russia's interests and actions in the Persian Gulf, and also predict possible consequences for regional stability and security. The article also analyzes various think tank views on Russia's foreign policy strategy, including its political, economic and military aspects. The authors note that many centers consider Russia an important player in the region and pay attention to its activities, including military support and economic cooperation. In addition, the article points to the significance of the perspective of Persian think tanks on Russian foreign policy and emphasizes their influence on the formation of strategies and decisions of the countries of the region. Analysis of the positions of these centers allows us to more deeply understand and predict the development of Russia's relations with the Persian Gulf and the impact of this interaction on world politics and economics.

Key words: Think tanks, politics, economics, Persian Gulf, Russia, region, research.

For citation: Kalmyk D.V., Fatkulina M.R. View of think tanks of the Persian Gulf on Russian foreign policy // *Post-Soviet Studies*. 2023; 8(6):938-951. (In Russ.)

Введение

Внешняя политика России является одной из ключевых тем современной геополитики. Она привлекает внимание множества стран и регионов, включая Персидский залив, который является важным игроком на мировой арене. В связи с этим, аналитические центры Персидского залива активно изучают и анализируют внешнюю политику России и ее влияние не только на регион, но и на всю международную арену.

Также возросшему в последние годы интересу и росту исследований способствовали такие факторы, как изменение политической стратегии России в 2000-е гг., Украинский кризис, наложенные на Россию санкции и другие глобальные мировые процессы.

Взаимодействие между Россией и странами Персидского залива представляет собой сложную историю, которая объясняется часто меняющейся ролью и позицией игроков на мировой и ближневосточной политической арене. Однако после 2012 г. отношения этих сторон можно назвать переговорными. Поэтому крайне важно понимать, как экспертные организации Персидского залива относятся к тем или иным процессам, в которых задействована Россия.

Для этого стоит обратиться к самым известным аналитическим центрам Персидского залива и их докладам.

Аналитические центры Персидского залива и в первую очередь Саудовской

Аравии, ОАЭ и Катара широко поддерживаются поддержкой правящих семей, спонсируются и оснащаются. Поэтому они являются наиболее эффективными, прогрессивными и успешными [Чикризова, Демина 2019: 68-83].

Исследования «мозговых центров» вышеперечисленных стран может помочь в изучении диалога между Россией и Персидским заливом и положения России на мировой арене.

Аналитические центры Объединённых Арабских Эмиратов Emirates Policy Center مركز الامارات للسياسات

Политический центр Эмиратов (مركز الامارات للسياسات) был создан в городе Абу-Даби, Объединенные Арабские Эмираты, в сентябре 2013 г. с целью изучения угроз национальному государству в арабском регионе и регионе Персидского залива, независимо от того, связаны ли они изнутри или в результате региональных и международных взаимодействий. Исследования данного аналитического центра, связанные с внешней политикой России, отличаются своей свежестью, так как самые ранние датируются 2017 г. Можно сказать, что изучение Политическим центром Эмиратов российского внешнеполитического процесса характеризуется не долгой историей, а своей новизной, обзорностью и содержательностью.

Фокус исследований данного центра находится на российском расширении влияния в противовес западным попыткам изолировать государство на международной арене и не имеет ни положительной, ни отрицательной оценки. В качестве примера стоит отметить такие работы, как «Россия в Африке: расширяя линии противостояния с Западом»¹, «Усиление игры влияния: африканские туры Лаврова и ускорение процесса усиления российского присутствия на континенте»² 2022 г., где аналитический центр акцентирует внимание на российско-африканском диалоге. Данные публикаций указывают на то, что Россия заинтересована в укреплении безопасности и военного сотрудничества с африканскими странами. Это проявляется в заключении соглашений о военном сотрудничестве, расширении экспорта оружия и усилении своего силового присутствия через группу "Вагнер" в регионе. Москва также стремится достичь взаимопонимания с Суданом в этом вопросе.

Кроме того, Россия проявляет интерес к сотрудничеству в добыче сырья, таких как алмазы и уран, а также в обеспечении союзничества африканского континента с Москвой на международных форумах. Такой подход позволяет России избежать полной изоляции со стороны Запада. Москва также придает большую важность укреплению отношений с региональными группами, которые не поддерживают политику западных санкций. Отношения с Африкой стали одним из наиболее важных приоритетов российской внешней политики. Российское присутствие на континенте может не быть таким сильным, как китайское, однако поддержка антизападных

движений и механизмов сотрудничества в военной сфере и безопасности получают все большее признание в Африке [Арапов 2020: 3-8]. Однако, помимо военного присутствия, Москва сталкивается с проблемами в выполнении своих обязательств по развитию некоторых секторов Африки. Будущее российского присутствия в Африке будет зависеть от углубления экономического партнерства, развития различных отраслей, таких как энергетика, поставки зерна, медицина, цифровизация и технологии, а также реализации проектов в сфере развития и культуры.

Актуальной также является публикация «China, Russia, and France in Iraq»³ 2022 г., которая оценивает степень влияния России в Ираке. Отмечается, что Россия поддерживает прямые отношения с Ираком уже с XVIII в. и никогда не прекращала свою политику в пользу "наступления" на Персидский залив. В статье подчеркивается, что Россия не участвует напрямую во внутренней политике Ирака, но у нее есть некоторые косвенные инструменты, такие как переговоры о нефти и поддержка проиранских группировок в Сирии.

Также следует отметить работы «Escalation Risks and Evolving American Strategy in Ukraine»⁴ и «Is the Russia-Ukraine War A Strategic 'Window of Opportunity' for the Gulf?»⁵ 2022 г. Эти материалы имеют особое значение, так как отражают взгляд аналитического центра на СВО и ее влияние на положение России и на мировую арену в целом.

Более того, Украинскому кризису аналитический центр посвятил целый раздел. Он рассматривает влияние этого процесса не

¹ Марказу аль-имарати ас-сиясати. Руссия фи африкья: таусиу хутути аль-муваджахати маа аль-гарб (Россия в Африке: расширяя линии противостояния с Западом // URL: <https://epc.ac/ar/details/featured/rusia-fi-afriqia-tawsie-khutut-almuajaha-maa-algharb> (дата обращения 05.12.2023)

² Марказу аль-имарати ас-сиясати. Тааджиджу люабати ан-нуфузи: джауляту лафруф аль-африкьяту ва тасриу масари таазизи аль-худури ар-руссийю фи аль-карати (Усиление игры влияния: африканские туры Лаврова и ускорение процесса усиления российского присутствия на континенте) // URL: <https://epc.ac/ar/details/featured/jawlat-lavrov-al-afriqia->

[watasrie-masar-taziz-alhudur-alruwsi-fi-alqara](https://epc.ac/ar/details/featured/watasrie-masar-taziz-alhudur-alruwsi-fi-alqara) (дата обращения 10.12.2023)

³ Emirates Policy Center. China, Russia, and France in Iraq // URL: <https://epc.ac/en/details/featured/china-russia-and-france-in-iraq> (дата обращения 16.12.2023)

⁴ Emirates Policy Center. Escalation Risks and Evolving American Strategy in Ukraine // URL: <https://epc.ac/en/details/featured/escalation-risks-and-evolving-american-strategy-in-ukraine> (дата обращения 05.12.2023)

⁵ Emirates Policy Center. Is the Russia-Ukraine War A Strategic 'Window of Opportunity' for the Gulf // URL: <https://epc.ac/en/details/featured/is-the-russia-ukraine-war-a-strategic-window-of-opportunity-for-the-gulf-> (дата обращения 16.12.2023)

только на непосредственно задействованные страны, но и на мир в целом. Это также в значительной мере поколебало положение России на мировой арене [Русановская 2014: 59-60].

Данные публикации свидетельствуют о том, что украинский кризис имеет глобальное значение для энергетической безопасности. Аналитики отмечают, что страны Персидского залива уже реагируют на украинский кризис зрело и прагматично, и вероятно, будут стремиться сохранить свои отношения и с США, и с Китаем и Россией. Они также считают, что украинский кризис может привести к изменению мирового порядка и создать возможности для биполярности или многополярности, для которой и так существует достаточно предпосылок и к которой страны активно пытаются подготовиться [Савин 2020: 9-18]. Они поддерживают стратегию стран Персидского залива, которая не принимает сторону в конфликте. Вторая статья также подчеркивает, что, учитывая возможности России выдержать войну, Украине следует реалистично оценить свои средства и то, сколько разрушений она может выдержать. В публикациях отмечается, что стратегия США должна быть направлена на прекращение огня и урегулирование путем переговоров, а не на безоговорочную поддержку Украины.

В целом, аналитический центр не дает окончательной оценки российской политике, однако подчеркивает интерес России к укреплению безопасности, военному сотрудничеству и экономическому партнерству в различных регионах.

Emirates Center for Strategic Studies and Research

مركز الإمارات للدراسات والبحوث الاستراتيجية

Центр стратегических исследований и исследований Эмиратов (مركز الإمارات للدراسات والبحوث الاستراتيجية) был создан 14 марта 1994 года для проведения и развития аналитических исследований в Объединённых Арабских Эмиратах. За прошедшие десятилетия Центр стал ведущим исследовательским учреждением,

формирующим обсуждения большого ряда вопросов, таких как последние геополитические события, экономические траектории, изменения региональных отношений и последствия передовых технологий.

Аналитический центр в своих публикациях, начиная с самых ранних, отмечает Россию, как крупную и весомую державу на международной арене. Однако следует отметить, что в то же время ОАЭ признаёт также других глобальных игроков и не собирается занимать ничью сторону.

Аналитический центр также держит фокус на происходящих глобальных процессах, которые имеют влияние на будущее. Это можно проследить в публикации «The Consequences of a Shift Toward Global Economic Fragmentation»¹ 2023 г. В статье указывается на приоритет экономических интересов великих держав и фрагментацию в международной сфере, включая санкции, наложенные на некоторые части российской экономики.

Публикация предоставляет прогнозы на будущее, указывая на то, что фрагментация сделает более сложным поддержку развивающихся стран, пострадавших от различных потрясений, и что международные организации будут усиливать свои усилия для борьбы с фрагментацией и решения проблем, связанных с долгами, торговлей и изменением климата. Отношение аналитического центра к политике России в данной статье можно охарактеризовать как объективное и беспристрастное. В статье отмечается влияние экономических интересов на международные отношения и указывается на необходимость коллективных действий великих держав для решения глобальных проблем.

Так как данный аналитический центр сконцентрирован на вызовах, имеющих влияние на мировые процессы, он располагает также немалым количеством публикаций об Украинском кризисе.

¹ The Emirates Center for Strategic Studies and Research. The Consequences of a Shift Toward Global Economic

Fragmentation // URL: <https://www.eccsr.ae/en/research-products/reports/2/194871> (дата обращения 14.12.2023)

В качестве таких докладов следует отметить «The Russian-Ukrainian Crisis and Its Economic Implications»¹ и «The Environmental Impact of the War in Ukraine and COP28»².

В первой статье подчеркивается, что политическое разрешение кризиса недостижимо в данный момент из-за неудачи посредников в достижении соглашения, жесткой позиции Запада по предоставлению гарантий Украине и России, а также продолжающейся эскалации в СМИ и военных кампаниях на границе между двумя странами. В статье также отмечается, что Россия будет трудно отклониться от своей политики без достаточных уступок со стороны Запада. Это указывает на роль политической стратегии и решений России в контексте кризиса и ее влияния на переговоры и соглашения. Также в публикации акцентируется внимание на том, что кризис вызывает экономические риски и имеет потенциальные последствия для региональной и глобальной экономики. Украина и Россия играют важную роль в нефтяном и газовом секторах, и их конфликт может негативно сказаться на мировых рынках энергоносителей.

Во второй статье отмечается, что углеродный след первого года войны в Украине составляет около 0,32% глобального выброса CO₂ в 2021 г. Большая часть этих выбросов связана с реконструкцией разрушенных зданий и инфраструктуры. Отмечается, что политики Украины и Запада используют эти данные для оказания давления на Россию. В статье подчеркивается, что окружающая среда стала одним из аргументов в политической борьбе между Украиной и Россией. Упоминается, что замороженные российские активы могут быть использованы для выплаты увеличенных компенсационных требований Украины в сфере окружающей среды. Это указывает на политический аспект взаимоотношений между Россией и Украиной.

Аналитический центр также не выражает ярко выраженной поддержки или критики политики России, а скорее анализирует и объясняет эти аспекты с точки зрения международных отношений и экономических последствий.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что аналитическими центрами ОАЭ отмечается значимость России как крупной державы и ее влияние на глобальную арену, а также акцентируется внимание на политических и экономических аспектах участия России в различных региональных и международных процессах.

Центры исследуют влияние России на регионы, такие как Африка и Ближний Восток, и анализирует ее внешнюю политику в контексте глобальных вызовов и проблем, таких как украинский кризис, изменение климата и энергетическая безопасность. Отношение вышеупомянутых аналитических центров ОАЭ к политике России можно охарактеризовать как объективное и аналитическое, поскольку он предоставляет информацию и анализ важных аспектов российской политики без ярко выраженной поддержки или критики.

Аналитические центры Королевства Саудовская Аравия
Rasanah International Institute for Iranian Studies

المعهد الدولي للدراسات الإيرانية

Саудовская фабрика мысли демонстрирует качественно новый подход к изучению международных процессов, в ракурсе идей исследователей аналитического центра Rasanah International Institute for Iranian Studies, который был создан в 2002 г. и заостряет внимание как на мировых, так и на региональных повестках. Особым статусом для данного мозгового центра обладает изучение внутривосточных и внешнеполитических стратегий, роли и места Ирана в мировой политике, как действительно яркого игрока на международной арене. Уникальной

¹ The Emirates Center for Strategic Studies and Research. The Russian-Ukrainian Crisis and Its Economic Implications // URL: <https://www.ecssr.ae/en/products/2/194932> (дата обращения 15.12.2023)

² The Emirates Center for Strategic Studies and Research. The Environmental Impact of the War in Ukraine and COP28 // URL: <https://epc.ae/en/details/featured/escalation-risks-and-evolving-american-strategy-in-ukraine> (дата обращения 16.12.2023)

особенностью центра является феноменальный для академической среды Персидского залива действующий на базе Rasanah (IIS) учебный центр по иранским делам и преподаванию фарси, а также ряд публикаций на персидском языке¹.

Говоря о видении аналитических центров Саудовской Аравии в контексте современного российского внешнеполитического вектора, то, примечательно отметить, что публикации Rasanah (IIS) отличаются новейшими данными и весьма беспристрастным аналитическим подходом актуальных событий на международной арене. Так публикация М.Б. Хамима «Saudi Arabia's Accession to BRICS: Objectives and Challenges» 2023 г. акцентирует внимание на весьма устойчивой позиции Саудовской Аравии, которая рассматривает сближение с участниками акронима БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), путем вступления королевства в данное объединение 1 января 2024 г., где Россия занимает весьма значимое место, а представительство РФ в международном объединении БРИКС назначено на 2024 г. и одобрено всеми ранее упомянутыми странами-участницами².

Мозговой центр подчеркивает нейтральную сторону Эр-Рияда, в контексте существующей ярко выраженной поляризации, конкуренции и напряженности на глобальной арене. Более того, М. Б. Хамим утверждает, что «Эр-Рияд позиционирует себя на мировой арене как международный нейтральный посредник», ввиду текущего противостояния участницы БРИКС России с настоящим режимом на Украине, тем самым подтверждая невмешательство в дела Москвы, но при этом не критикуя внешнеполитический взгляд президента РФ В.В. Путина, как в рамках отстаивания российской позиции в ответ на западный гегемонистский вектор, так и в рамках украинского досье.

Однако примечательным фактом остается также полноправное вступление в БРИКС в январе 2024 г. Ирана, что также создает весьма противоречивую картину возможного эффективного взаимодействия в рамках данного объединения двух исторических региональных оппонентов в лице Тегерана и Эр-Рияда. В данном случае, следует упомянуть, что Rasanah (IIS) довольно детально исследует внешнеполитическое маневрирование Тегерана. В этой связи отметим, что в опубликованной центром кейсе «The Expansion of Military Ties Between Russia and Iran Raises Concerns in the West» 2023 года отмечается, что Россия проводит активное и взаимовыгодное военное сотрудничество с ИРИ. Исследователи указывают на активный обмен в 2023 г. Москвой и Тегераном высокоточной боевой техникой, включая новейшие беспилотники, ракеты, в частности аналитики центра предоставляют информацию об импорте Ираном российских самолетов Су-35, Су-30СМ, учебно-тренировочных моделей Як-130. С иранской стороны оружие поступает в Россию в виде новейших дронов. При этом позиция Rasanah (IIS) основывается на том, что такая активная двусторонняя милитаризация значительно усложняет ситуацию и затягивает украинский вопрос, а также США рассматривает ИРИ как глобальную проблему из-за его расширенного военного сотрудничества с Россией, и Белый дом продолжает оказывать санкционное давление на российско-иранский союз. Тем не менее, мозговой центр четко указывает на то, что РФ проводит независимый от западных убеждений курс и разрабатывает альтернативную экономическую модель, путем предполагаемого объединения банковских систем с ИРИ и скорейшей эксплуатацией международного транспортного коридора Север-Юг³.

Таким образом, аналитический центр Rasanah International Institute for Iranian

¹ About us // URL: <https://rasanah-iiis.org/english/about-us/> (дата обращения: 10.12.2023).

² Mohammed Bani Hamim Saudi Arabia's Accession to BRICS: Objectives and Challenges // URL: [https://rasanah-iiis.org/english/monitoring-and-](https://rasanah-iiis.org/english/monitoring-and-translation/articles/saudi-arabias-accession-to-brics-objectives-and-challenges/)

[translation/articles/saudi-arabias-accession-to-brics-objectives-and-challenges/](https://rasanah-iiis.org/english/monitoring-and-translation/articles/saudi-arabias-accession-to-brics-objectives-and-challenges/) (дата обращения: 10.12.2023).

³ Rasanah The Expansion of Military Ties Between Russia and Iran Raises Concerns in the West // URL:

Studies рассматривает внешнеполитический вектор РФ с позиции посреднической роли стран Персидского залива, в условиях столь актуального противостояния глобальных держав. Более того, примечательно отметить, что саудовский мозговой центр отождествляет академическую арабскую позицию, как придерживающуюся своего рода защитной дипломатии, что также очевидно прослеживается в опубликованном и осмысленном материале М. Алсулами «Neutral Diplomacy Needed to End Russia-Ukraine War» 2023 г., где отмечается, что миростроительство не может быть осуществлено без участия западных аналитических центров, которые существенно уступают активности незападным фабрикам мысли. При том Rasanah (IIS) заинтересован в предложении своих услуг в качестве организации дипломатической деятельности «второго трека», но без непосредственного полноценного участия арабских стран в теории игр на уровне сверхдержав, на данный момент, «с нулевой суммой»¹.

Gulf Research Center

مركز الخليج للأبحاث

Мозговой центр персидского залива (Gulf Recerch Center) был основан в июле 2000 года саудовским бизнесменом Абдулазизом Сагером. Видение Сагера состояло в том, чтобы заполнить важный пробел и провести научные исследования высокого качества по всем аспектам более широкого стратегического региона Персидского залива, включая страны ССАГПЗ, а также Иран, Ирак и Йемен. Мозговой центр персидского залива работает на независимой некоммерческой основе.

С момента основания мозговой центр активно проводил исследования, направленные на анализ России и ее внешнеполитических действий. Стоит отметить такие ключевые работы начала 2000-х гг., как «Russia in the Middle East: Friend or Foe?» Андреха Креутца² и работу «Russia Transformed: Developing Popular Support for a New Regime» Ричарда Каплана, Виллиама Малей и Неили Мунро³. В данных работах исследователи с одной стороны описывают свой взгляд на те процесс, которые проходили в России того времени, и то, как это влияло на отношения Москвы со сторонами мусульманского региона. Стоит отметить, что оценки были в значительной степени умеренными, ведь в эти годы российская внешняя политика только начинала процесс постепенного возврата в регион, после полного ослабления политико-дипломатического диалога с распадом СССР, что и было отмечено в Стратегии внешней политики 2000 г.⁴

Сохраняет свою актуальность публикация «Russian and CIS Relations with the Gulf Region: Current Trends in Political and Economic Dynamics» Марата Тергерова⁵ от 2009 года, которая была направлена на анализ межрегионального сотрудничества между регионом залива, и в особенности части постсоветского пространства Центральной Азии. Стоит отметить, что многие государства региона активно взаимодействуют по вектору религиозного сотрудничества, в тоже время Россия является страной наблюдателем в Организации Исламского Сотрудничества (ОИС)⁶.

<https://rasanah-iiis.org/english/monitoring-and-translation/reports/the-expansion-of-military-ties-between-russia-and-iran-raises-concerns-in-the-west/> (дата обращения: 10.12.2023).

¹ Alsulami M. Neutral Diplomacy Needed to End Russia-Ukraine War. // URL: <https://rasanah-iiis.org/english/monitoring-and-translation/articles/neutral-diplomacy-needed-to-end-russia-ukraine-war/> (дата обращения: 10.12.2023).

²Gulf Recerch Center. Russia in the Middle East: Friend or Foe? // URL: <https://www.grc.net/publication/178> (дата обращения 05.12.2023)

³Gulf Recerch Center. Russia Transformed: Developing Popular Support for a New Regime // URL:

<https://www.grc.net/publication/187> (дата обращения 05.12.2023)

⁴Концепция внешней политики Российской Федерации от 2000 года // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения 05.12.2023)

⁵ Gulf Recerch Center. Russian and CIS Relations with the Gulf Region: Current Trends in Political and Economic Dynamics // URL: <https://www.grc.net/publication/165> (дата обращения 05.12.2023)

⁶ Organisation of Islamic Cooperation // URL: <https://www.oic-oci.org> (дата обращения 05.12.2023)

Также в мозговом центре в открытом доступе представлены исследования, направленные на анализ российской позиции на региональные кризисы, в частности по вопросам Израиля¹ и Сирии². Заметим, что в целом своем контексте Мозговой центр персидского залива в значительной степени позитивно оценивает взаимодействие стран региона с Москвой и их вклад в мирное урегулирование региональных кризисов.

Подводя итоги, стоит отметить, что Мозговой центр персидского залива занимает заинтересованную позицию в исследованиях, направленных на анализ России и ей внешнеполитических действий. Но на данный момент на сайте мозгового центра представлено небольшое количество научных исследований. Последние опубликованные работы датируются 2016 г.

Аналитические центры Государства Катар

Arab Center for Research and Policy Studies

المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات

Уникальной позицией в контексте анализа внешней политики России в настоящее время наряду *Think Tank* стран Персидского залива отмечается Arab Center for Research and Policy Studies, действующий с 2011 г., он же характеризуется независимым академическим взглядом на мировые процессы. Важным примечанием является факт того, что генеральным директором данной катарской фабрики мысли является А. Бишара, который весьма активно и скрупулёзно походит к изучению российской внешнеполитической стратегии, что также оказывает безусловное влияние на академические круги и интеллектуальный посыл центра³. На счету данного израильского происхождения специалиста числится ряд исследовательских работ, так или иначе касающихся взаимодействия России как с арабскими странами, так и с

рядом ведущих акторов международных отношений.

Следует подчеркнуть, что особой значимостью, в контексте определения ракурса современной внешней политики РФ служат значимые материалы Arab Center for Research and Policy Studies в области развития действительно значимого для РФ сирийского вопроса. Так ранее упомянутый ученый А. Бишара, в своем труде «*Syria: A Way of Suffering to Freedom, A Foray into Current History*» 2013 г. обращает первостепенное внимание на активное участие Кремля в Сирии, на фоне революционного феномена «арабской весны», в рамках поддержки сирийского президента Б. Асада. К тому же А. Бишара подчеркивает, что уже с того времени, Россия активно противостоит западной коалиции, даже на уровне Совета Безопасности ООН, где российская сторона воспользовалась правом вето на ряд резолюций, так или иначе выгодных для США и его союзников, с целью борьбы с официальным правительством Дамаска. Однако позиция ведущего представителя катарского мозгового центра также обусловлена тем, что данный решительный шаг В.В. Путина следует характеризовать в качестве обновленной российской геостратегии на Ближнем Востоке, с целью обозначения и максимизации национальных интересов Москвы, в рамках глобального проекта «Новая Евразия» [Bishara 2013: 688].

Вовлеченность России в деэскалационные процессы сирийского кризиса в действительно значимой связке с Ираном служит одной из наиболее популярных тематик Arab Center for Research and Policy Studies. Так в аналитическом кейсе британского интеллектуала Р. Тсортонна «*Russia and Iran in Syria: Alliance or Competition?*» рассматриваются две точки зрения как о действительных результатах российско-иранского дуэта в контексте

¹ Golf Recerch Center. Israel's New Friendship Arch: India, Russia and // URL: <https://www.grc.net/publication/207> (дата обращения 05.12.2023)

² Golf Recerch Center. The Syrian Crisis and Russia's Approach to the Gulf // URL:

<https://www.grc.net/publication/330> (дата обращения 05.12.2023)

³ About the Center // URL: <https://www.dohainstitute.org/en/AboutUs/Pages/index.aspx> (дата обращения: 10.12.2023).

сирийского военного театра. С одной стороны, исследователь полагает, что взаимный интерес России и Ирана изменил баланс сил на ближневосточном пространстве и усилил позиции официального истеблишмента Сирии [Гарбузарова 2022: 45–48.]. Однако, с другой стороны, согласно тезисам, мозгового центра, долгосрочные перспективы взаимодействия не будут столь результативными, что, в крайнем случае, может привести к разногласиям, ввиду радикального подхода ИРИ к сирийской повестке в рамках военных операций, проводимых Корпусом стражей исламской революции Силы «Кудс», на что, по мнению автора, также *де-факто* соглашается Кремль. Кроме того, по замечанию автора, высока вероятность регионального соперничества Москвы и Тегерана, как весьма влиятельных акторов на Ближнем Востоке¹.

Отметим, что материалы данного аналитического центра крайне полезны для изучения российского взаимодействия с западными игроками и арабским миром в области обеспечения стабильности, международной безопасности и противостояния возросшей террористической угрозе, особенно при активности на ближневосточном пространстве радикальных исламистских группировок, среди которых обозначается экстремистский негосударственный актор в лице ИГИЛ². В свою очередь исследовательский центр предоставил для ознакомления кладезь информации, непосредственно затрагивающей позицию России относительно революционных событий в рамках «арабской весны» и необходимости формирования превентивных рычагов сдерживания распространения как мятежных, так и джихадистских сил. Довольно полноценно данные вопросы раскрываются в таких докладах данного катарского института как:

«Russia and the Arabs – The Rise of Pragmatism and the Waning of Ideology³» 2011 г., «Russia’s War on Terror: Pros and Cons⁴» 2015 г., «Russia and the Arab Spring: Changing Narratives and Implications for Regional Policies⁵» 2015 г.

Рассматривая внешнеполитические устремления России на современном этапе, то, подчеркнем, что Arab Center for Research and Policy Studies не придерживается однозначной позиции в условиях демонизации и изоляции западной коалицией РФ, но бесспорным фактом обозначается критика академической элитой эмирата столь альтернативной для демократических кругов, союзнических Дохе, уникальной внешней политики В.В. Путина. В данном контексте, заслуживает внимания публикация А. Бишара «Coronavirus Contemplations» 2020 г., в которой проводится детальный обзор не только подходов борьбы международного сообщества с коронавирусной пандемией COVID-19, затрагиваются вопросы вакцинной дипломатии, но наряду с эпидемиологическими аспектами выдвигается действительно негативный тезис «путинизма». Эссе представляет собой некий опрометчивый вызов для понимания истинных целей внешнеполитического вектора РФ, в частности, мысль об отсутствии «демократических свобод» Путинской России, а также активный экспорт российско-китайской идеи о «непригодности» демократии западного образца для других цивилизаций⁶.

Также негативные оценки современного курса внешней политики России эксперт А. Бишара представил мозговому центру в качестве весьма объемной исследовательской работы «Russia, Ukraine and NATO» 2022 года, где проводится полноценный многоступенчатый анализ со вступления В.В. Путина на пост президента России в 2000 г., возвращения до событий на

¹ Thornton R. Russia and Iran in Syria: Alliance or Competition? Arab Center for Research and Policy Studies, Nov 2015.

² Запрещена в РФ.

³ Atef Moatamed Abdel-Hamid Russia and the Arabs – The Rise of Pragmatism and the Waning of Ideology. Arab Center for Research and Policy Studies, Dec 2011.

⁴ Stokan S. Russia’s War on Terror: Pros and Cons. Arab Center for Research and Policy Studies, Dec 2015.

⁵ Suchkov M.A. Russia and the Arab Spring: Changing Narratives and Implications for Regional Policies. Arab Center for Research and Policy Studies, Dec 2015.

⁶ A. Bishara Coronavirus Contemplations. Arab Center for Research and Policy Studies, May 2020. P. 22-23.

Украине современной реальности. Тем не менее, несмотря на акцентируемые главой катарского института позиции о возможности предотвращения эскалации «российской экспансии» и важности избегания военных действий, автор также подчеркивает истинные цели Москвы, упоминая о подписанном 17 декабря 2021 г. Договоре РФ и США о гарантиях безопасности¹, что априори включает сворачивание Североатлантическим альянсом военной экспансии на Восток, а также прекращения поставок военной техники НАТО на Украину². В то же время, сложившая неоднозначная позиция мозгового центра представляет собой очевидный компрометирующий пример, когда исследовательская точка зрения опровергает очевидный ход событий и рассматривает настоящий российский вектор внешней политики под «западным углом».

Подводя черту осмысления видением Arab Center for Research and Policy Studies внешней политики России, отметим, что данный катарский аналитический центр предоставляет действительно богатый материал для ознакомления с позицией экспертной группы Катара, однако информационный посыл данной фабрики мысли следует характеризовать как весьма субъективный, в частности по вопросам российско-американского взаимодействия на международной арене.

Al Jazeera Centre for Studies

مركز الجزيرة للدراسات

Катарская позиция о внешнеполитической тактике РФ безусловно ярко представлена в докладах мозгового центра Al Jazeera Centre for Studies. Данный аналитический институт был создан в 2006 г., в рамках всемирно известной международной сети телекомпаний «Аль-Джазира», отличающейся всеобъемлющим представлением понимания геополитики региона МЕНА и арабской позиции в целом³.

Тем не менее, данный аналитический центр Дохи действительно заинтересован в продвижении независимой позиции относительно внешнеполитической деятельности России, как одного из сильнейших акторов международных отношений.

Безусловно, интеллектуальный посыл Al Jazeera Centre for Studies наиболее ориентирован на осмысление событий в арабском мире, при этом обращенный взор данного катарского мозгового центра на внешнеполитические устремления Москвы на фоне катастрофы «сирийской весны» отражены в докладе российского исследователя Л.М. Исаева «What is After Russia's Military Withdrawal From Syria?» 2018 года, где справедливо отмечается, что, благодаря грамотному подходу к урегулированию кризисной ситуации российским истеблишментом, очевиден постепенный переход от состояния вооруженного конфликта к политическому диалогу и обсуждению посткризисного обустройства Сирии [Наматов, Ифрак 2022: 231–232]. Также в публикации упоминается, что именно инициатива внешнеполитического ведомства РФ по созданию Астанинского процесса в 2017 г., который служит дополнением наиболее широкому международному участию в рамках Женевского формата по сирийской проблематике, добилась гораздо более значительных результатов⁴.

Тезис статьи аргументирован успехом состоявшегося в январе 2018 г. в Конгресса сирийского национального диалога в российском курортном г. Сочи, где были как закреплены значимые результаты по урегулированию гибридного сирийского конфликта, так и вновь подтверждена довольно устойчивая позиция России на Ближнем Востоке [Долгов 2021: 208]. Однако в статье акцентируется, что Астанинское трио в лице РФ, ИРИ и Турции

¹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности 2021 // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/ (дата обращения: 14.12.2023).

² A. Bishara Russia, Ukraine and NATO. Arab Center for Research and Policy Studies, Feb 2022.

³ About Us // URL: <https://studies.aljazeera.net/en/about-us> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴ Issaev L.M. What is After Russia's Military Withdrawal From Syria? Al Jazeera Centre for Studies, Feb 2018.

представляет собой уникальный альянс, но страны-участницы не лишены препятствий на пути нахождения консенсуса, ввиду претендующих на ведущую региональную позицию Анкары и Тегерана, что также становится очередной задачей внешней политики арбитра в лице Москвы, с целью поддержания баланса на ближневосточном пространстве¹.

Невозможно упустить из виду действительно важный аспект российской внешнеполитической линии – это исламский вопрос, который также представляет собой глубинную историческую значимость для построения внутренней политики государства, как второй по распространенности религии после православия. Данный кейс был детально изучен мозговым центром и раскрывается в статье К. Файзуллиной «Interpreting Russian foreign Policy and Islam» 2014 г. как значимая повестка России, упоминая, что с 2003 г. РФ обладает статусом наблюдателя в Организации исламского сотрудничества (ОИС) и стремится выражать свою политическую, экономическую, социальную и культурную деятельность, не обходя стороной мусульманскую идентичность ряда регионов страны. Кроме того, примечанием доклада, в контексте российской внешней политики, отмечается выработка видения Россией, как на сегодняшний день полноправного члена мировой мусульманской уммы, эффективных превентивных мер против экстремизма и радикализации ислама. В данном случае, правильная интерпретация одной из трех мировых религий в российском обществе будет способствовать преодолению идеологического разрыва по национальной идентичности мусульманских общин в странах СНГ, а также станет перспективным предзнаменованием для ислама и мусульман на глобальном уровне².

Довольно обстоятельно осветил Al Jazeera Centre for Studies позицию России в контексте Нагорно-Карабахской проблемы.

Так в аналитической записке мозгового центра «The negotiated solution declined and the threat of war continued» 2023 г. проводится поэтапный обзор территориального конфликта между Арменией и Азербайджаном, который привлек внимание ряда международных акторов, включая Москву. Тем не менее, пограничный спор, по мнению экспертов данного катарского института, ставит Россию в весьма затруднительное положение, ввиду исторически союзнических отношений с каждой из враждующих сторон. В докладе упоминается, что, если ранее не без помощи России Армении удалось выйти из войны, получив контроль над Нагорным Карабахом, то на современном этапе наблюдается явное сближение Еревана с США и Францией, что становится явным вызовом для российско-армянского дипломатического диалога. Кроме того, весьма справедлива точка зрения аналитиков мозгового центра в разрезе заинтересованности США в разжигании волнений на Южном Кавказе, что окажет дополнительное давление на Россию, всесторонне ослабляя позиции РФ в условиях проведения СВО³.

Продолжая вопрос российско-украинских отношений на современном этапе, который является наиболее актуальной темой для изучения особенностей внешней политики России катарской мозговой фабрикой, то отметим одну из новейших публикаций эксперта Шамсана Авад аль-Тани «The Russian-Ukrainian war and food security in Africa: repercussions and opportunities» 2023 г., основная мысль которой заключается в необратимых последствиях военного противостояния Москвы и Киева для африканского континента. В данном контексте, Африка напрямую зависит от импорта российской сельскохозяйственной продукции, в частности африканские страны активно импортируют российскую пшеницу, так как именно на долю России приходится порядка 18% мирового экспорта зерна на

¹ Ibid. P. 12.

² Fayzullina K. Interpreting Russian Foreign Policy and Islam. Al Jazeera Centre for Studies, Sep 2014.

³ Adhrabijan wa arminya: tarajae alhali altafawudi wa tawali nadhr alharb. Markaz aljazirat lildirasat.

(Azerbaijan and Armenia: The decline of the negotiated solution and the threat of war continue. Al Jazeera Centre for Studies, Sep 2023).

период 2023-2024 гг. Тем не менее, мозговой центр абсолютно точно определяет причинно-следственные связи обрыва цепочки поставок пшеницы в Африку из-за логистических трудностей, созданных санкционной антироссийской политикой Запада. Однако в докладе совершенно точно заключается растущее в геометрической прогрессии влияние России на африканском континенте, так как даже на уровне Генеральной Ассамблеи ООН отмечается непокорность всеми африканскими акторами опрометчивых резолюций против российской внешней политики, что, безусловно, вызывает обеспокоенность в западных внешнеполитических сферах¹.

Обобщая вышесказанное верно утверждать, что катарский аналитический центр Al Jazeera Centre for Studies публикует весьма актуальные по проблематике доклады, а также продвигает глубоко и всесторонне осмысленную независимую точку зрения на современный внешнеполитический курс России. Тем не менее, важным замечанием является предоставление данным аналитическим центром информации в русле новостных сводок телеканала «Аль-Джазира», то есть бездоказательных положениях об истинных целях российского внешнеполитического ведомства.

Вывод

Таким образом, при изучении материалов аналитических центров Персидского залива становятся ясны факторы, влияющие на восприятие политики России на мировой арене и мнение конкретных стран и центров.

Расширение российского влияния, фрагментация, Украинский кризис и другое играют большую роль в составлении мнения о России и делают ее видным политическим актором. Мнение аналитических центров Персидского залива можно назвать нейтральным и даже экспертным, так как по большей части все доклады и публикации создавались с научной точки зрения.

Аналитические центры Персидского залива имеют различные взгляды на внешнюю политику России. Некоторые из них считают, что Россия играет конструктивную роль в регионе и способна стать важным партнером для стран Персидского залива. Они отмечают, что Россия активно участвует в развитии экономических связей и сотрудничестве в области энергетики. Другие высказывают опасения относительно расширения российского влияния.

При помощи контент-анализа удалось определить, что наиболее заинтересованными и положительно настроенными касательно российской политики являются аналитические центры ОАЭ. Аналитические центры Саудовской Аравии придерживаются нейтральной позиции и Катар настроен наиболее холодно.

В целом, аналитические центры Персидского залива признают значимость России в регионе, однако они имеют разные точки зрения на ее влияние и роль. Это отражает сложность и многогранность внешней политики России и ее взаимодействие с регионом Персидского залива.

¹ Shamsan eawad altamimi Alharb Alruwsiat aalukraniat wa alamn alghidhayiy bi iifriqia: altdaeiat walfuras. Shamsan Awad al-Tamimi Markaz aljazirat lildirasat.

(The Russian-Ukrainian war and food security in Africa: repercussions and opportunities. Al Jazeera Centre for Studies, Oct 2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bishara A.* Syria: A Way of Suffering to Freedom, A Foray into Current History. Arab Center for Research and Policy Studies, 2013. 688 p.
- Арапов И. А.* Африка во внешней политике России и Китая / И. А. Арапов // Контентус. – 2020. – № 4(93). – С. 3-8.
- Гарбузарова Е. Г.* Центральная Азия во внешней политике Турции и Ирана. М.: Аспект Пресс, 2022. 160 с.
- Долгов Б. В.* Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). ФГБУН Институт востоковедения РАН. Москва: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.
- Наматов Н.А., Ифрак К.* Сирия – неоконченная война // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 1. С. 229–232.
- Русановская, А. С.* Положение России на мировой арене после украинского кризиса / А. С. Русановская // Государство, общество, наука: горизонты развития : Материалы Международной научной молодежной конференции, приуроченной к Симпозиуму им. Т. И. Заславской «Социальные вызовы экономическому развитию», Новосибирск, 15–17 мая 2014 года / Сибирский институт управления - филиал РАНХиГС. – Новосибирск: Сибирский институт управления - филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2014. С. 59-60.
- Савин Л. В.* Многополярность и внешняя политика России / Л. В. Савин // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 1. С. 9-18.
- Тонкошуров В. П., Шигин А. В.* Нагорный Карабах: российская миротворческая операция // Военная мысль. 2022. № 4. С. 44–49.
- Черкасский Я. В.* Материалы экспертно-аналитических центров стран Персидского залива как источник по современной истории государств Ближнего Востока / Я. В. Черкасский // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Международной научно-практической конференции: в 2 т., Витебск, 27–29 апреля 2023 года. Том 2. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. – С. 267-269.
- Чикризова О. С.* Особенности становления и функционирования аналитических центров стран ближнего востока и северной Африки / О. С. Чикризова, А. А. Демина // Казачество. – 2019. № 40(4). С. 68-83.

REFERENCES

- Arapov I. A.* Afrika vo vneshnej politike Rossii i Kitaya / I. A. Arapov // Kontentus. 2020. № 4(93). S. 3-8.
- Bishara A.* Syria: A Way of Suffering to Freedom, A Foray into Current History. Arab Center for Research and Policy Studies, 2013. 688 p.
- Garbuzarova E. G.* Central'naya Aziya vo vneshnej politike Turcii i Irana. M.: Aspekt Press, 2022. 160 s.
- Dolgov B. V.* Sirijskoe protivostoyanie: vnutrennie i vneshnie faktory (2011–2021 gg.). FGBUN Institut vostokovedeniya RAN. Moskva: LENAND, 2021. 208 s.
- Namatov N.A., Ifrak K.* Siriya – neokonchennaya vojna // Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. 2022. № 1. S. 229–232.
- Rusanovskaya, A. S.* Polozhenie Rossii na mirovoj arene posle ukrainskogo krizisa / A. S. Rusanovskaya // Gosudarstvo, obshchestvo, nauka: gorizonty razvitiya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj molodezhnoj konferencii, priurochennoj k Simpoziumu im. T. I. Zaslavskoj «Social'nye vyzovy ekonomicheskomu razvitiyu», Novosibirsk, 15–17 maya 2014 goda / Sibirskij institut upravleniya - filial RANHiGS. – Novosibirsk: Sibirskij institut upravleniya - filial Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya "Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii", 2014. – S. 59-60.

- Savin L. V.* Mnogopolyarnost' i vneshnyaya politika Rossii / L. V. Savin // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3, № 1. S. 9-18.
- Tonkoshkurov V. P., SHigin A. V.* Nagornyj Karabah: rossijskaya mirotvorcheskaya operaciya // Voennaya mys'l'. 2022. № 4. S. 44–49.
- Cherkasskij YA. V.* Materialy ekspertno-analiticheskikh centrov stran Persidskogo zaliva kak istochnik po sovremennoj istorii gosudarstv Blizhnego Vostoka / YA. V. Cherkasskij // Aktual'nye problemy istochnikovedeniya : materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 t., Vitebsk, 27–29 aprelya 2023 goda. Tom 2. Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova, 2023. S. 267-269.
- Chikrizova O. S.* Osobennosti stanovleniya i funkcionirovaniya analiticheskikh centrov stran blizhnego vostoka i severnoj Afriki / O. S. Chikrizova, A. A. Demina // Kazachestvo. 2019. № 40(4). S. 68-83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Калмык Дарья Владимировна, студентка 2 курса магистратуры, направление «Международные отношения», Российский университет имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия. E-mail: darya.kalmyk@bk.ru

Фаткулина Мария Руслановна, студентка 2 курса магистратуры, направление «Международные отношения», Российский университет имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия. E-mail: fatkulina_masha@mail.ru

Daria V. Kalmyk, 2nd year student of the master's program "International Relations", People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia. E-mail: darya.kalmyk@bk.ru

Maria R. Fatkulina, 2nd year student of the master's program "International Relations", People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia. E-mail: fatkulina_masha@mail.ru